

А. ЯКОБСОН

ОКТАБРЬСКИЙ ВЕТЕР

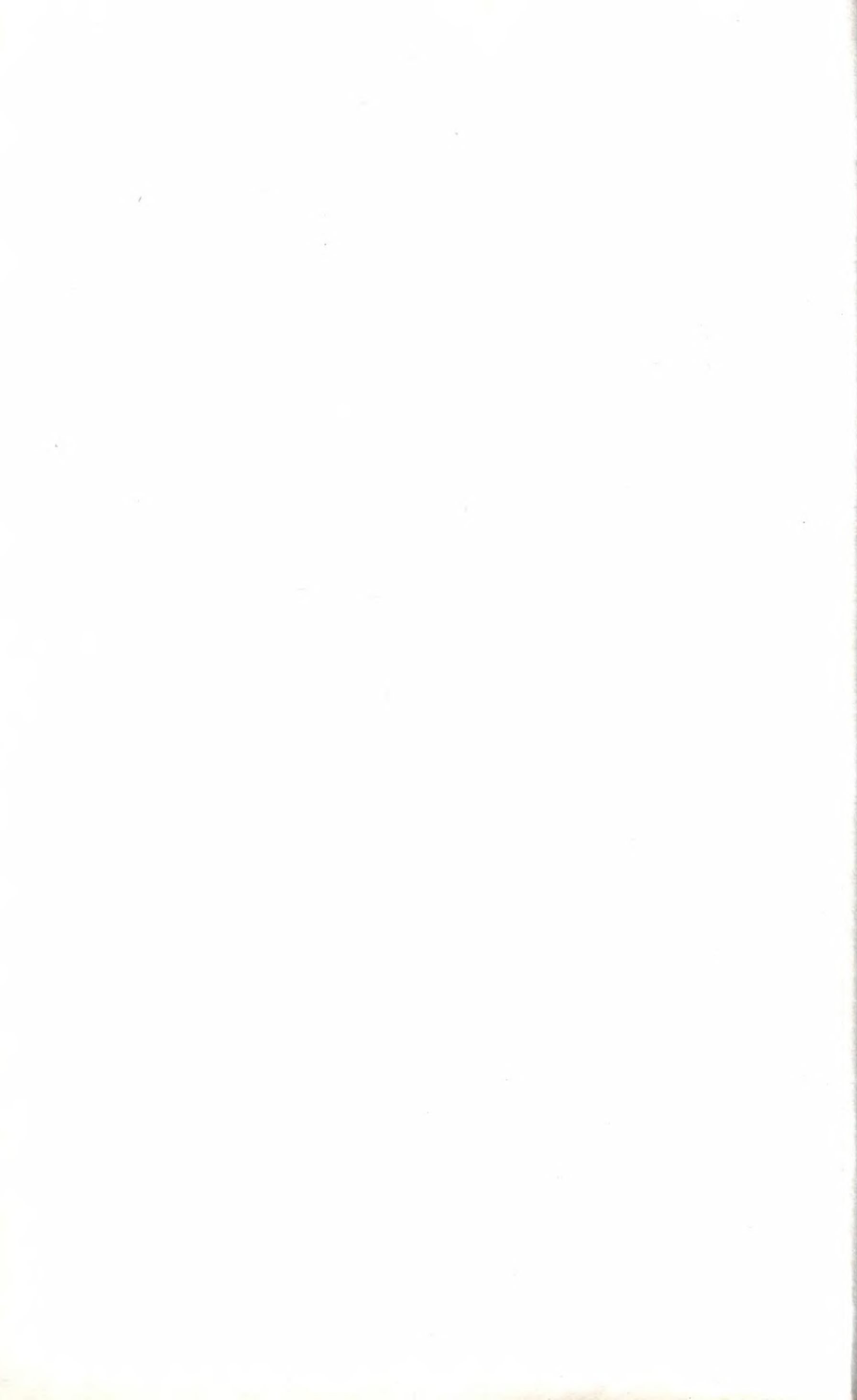
КНИГА
ВТОРАЯ

АУГУСТ ЯКОБСОН
ОКТЯБРЬСКИЙ ВЕТЕР

Книга вторая

АУГУСТ ЯКОБСОН

ОКТЯБРЬСКИЙ ВЕТЕР

Роман

Книга вторая

Издательство «Ээсти раамат»

Таллин 1973

Э
Я 46

Титул оригинала:
August Jakobson
VALITUD TEOSSED 12
OKTOOBRIUUL II
Romaan
Eesti Riiklik Kirjastus
Tallinn
1959

ПЕРЕВОД С ЭСТОНСКОГО О. НАЭЛЬ
ОФОРМЛЕНИЕ Г. ГОЛУБИЦКОГО

7—3—5
144—71

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

ПРИЯТНОЕ УТРО

В эту ночь доктор Кубелик, впервые за долгое время, опять спал глубоко и спокойно и проснулся утром с таким чувством, будто в его жизни произошла какая-то перемена или случилось что-то очень приятное. Он потянулся, коснулся пальцами ног гладкой спинки кровати и вдруг блаженно улыбнулся: конечно, сегодня же воскресенье, сегодня ему никуда не надо идти, сегодня он сможет отдохнуть! И не расставаясь с этой мыслью, такой доброй и ласковой, он долго смотрел в постепенно светлеющий потолок, который медленно проступал сквозь царящие в комнате сумерки — чуть шероховатый и пористый... точно живое тело человека...

Сие отдаленное и не очень удачное сравнение снова заставило доктора Кубелика усмехнуться и еще более усилило в нем смутное ощущение радости. Он бодро сел, пошарил ногами под кроватью в поисках туфель, раздвинул на окнах занавески. В комнату тотчас же ворвался поток пламенеющего утреннего света. Небо над горизонтом было местами красноватое, местами желтое, местами цвета летнего моря — глубоко-синее; оно боролось с умирающим мраком, прижимая его к земле, к окутанному туманом провалу залива, гоня его в беспредельность небосвода, заставляя впитываться в промокшую землю. Казалось, в природе что-то неожиданно переломилось: ливший много недель дождь перестал. Переменившийся ветер пригнал с севера первый осенний холод — пронизывающий, резко давящий на окна, покрывающий изморозью стены и крыши домов, угрюмо серый. Вымощенные каменноугольной золой тротуары, еще вчера утопавшие в блестя-

щей черной грязи, сегодня стали бронзово-коричневыми и твердыми; на ветвях оголенных деревьев искрились и звенели кристаллики инея, тонким слоем льда были покрыты и булыжники мостовой. Над далекой городской окраиной полыхало пятнистое, грозное зарево; большие темно-серые вороны, вернувшиеся со своего ночлега в мызном лесу, как-то задумчиво-медлительно летали над утренним городом, — казалось, они тоже удивлялись этой произошедшей за ночь перемене и изредка обменивались отрывистым карканьем — кра... кра... кра!

Но этот глубокий покой воскресного утра был весьма непродолжительным — вскоре тишину прорезали первые знакомые, присущие здешним рассветам звуки: по улице с грохотом катила телега старого седобородого молочника, который уже много лет снабжал молоком местных хозяек, традиционно звонил в большой медный колокольчик и все одними и теми же словами ругал лошадь; время от времени слышался негромкий говор прохожих; и вдруг где-то залаяла собака — лениво, добродушно, как будто только для того, чтобы, следуя своей привычке, дать о себе знать.

Доктору Кубелику показалось, будто он должен распахнуть окно и крикнуть сгорбившемуся от работы, но тем не менее веселому деревенскому деду несколько приветливых, дружеских слов: «Эй, старина, как поживаешь?» Рассеянно водя рукой по холодному стеклу, он вдруг вспомнил — все с тем же чувством безмятежной радости, — что скоро пойдет гулять — ведь в такую погоду просто грешно дома сидеть. За окном стало еще светлее; где-то опять хлопнула дверь; кто-то опять распахнул тяжелые ворота, и они заскрипели, словно моля о помощи; кто-то принялся весело насвистывать мелодию недавно вошедшего в моду «Пупсика». Живая жизнь снова показалась из своих душных укрытий, из своих раковин-комнат, в которых она ютилась в течение последних недель ненастья; щурясь от света, озираясь по сторонам, она осторожно поползла дальше. Потом утро огласилось вдруг яростным шумом, словно вырвавшимся откуда-то: огромная темно-серая овчарка — как видно, та самая, что

недавно так дружелюбно где-то лаяла, — стрелой выскочила из-за угла, преследуя робкую, униженную дворняжку; но та шмыгнула в первую попавшуюся подворотню и теперь отвечала оттуда смелым и вызывающим лаем. На лице доктора Кубелика появилась легкая усмешка: его приятного расположения духа не мог омрачить сегодня даже этот грубый акт насилия — преследуемому удалось бежать, а морда оставшегося с носом преследователя выражала такую комичную растерянность, что сердиться на этого неудачника было бы просто несправедливо.

И доктор Кубелик продолжал смотреть в окно. Оставив посрамленную овчарку царапать когтями забор, он, чтобы видеть как можно дальше, прижался щекой к источающему живительную прохладу оконному стеклу и снова начал наблюдать за седобородым молочником. Старик между тем успел подъехать к лавке, остановил лошадь и слез с телеги. По-звериному сильный, заоченевший от долгого сидения, он двигался как-то неуклюже; еще раз позвонив в свой медный колокольчик, он сплюнул и затем принялся кнутовищем стучать по запертой двери лавки. Как видно, времени у него было предостаточно — о да, он не спешил; он стоял на тротуаре, спокойный и равнодушный; его ноги в широких сапожищах вросли в камни точно столбы, одно ухо шапки торчало кверху, словно старик к чему-то настороженно прислушивался. Время от времени ветер раздувал похожие на тяжелые крылья полы его полушубка, отчего казалось, будто старик пытается, но никак не может взлететь.

Лавочник все не открывал, и молочник, чтобы согреться, медленно стянул пестрые варежки и принялся с размаху бить в ладоши. Затем, с присущей скупому крестьянину основательностью, он осмотрел сбрую, вытащил из кармана трубку с изогнутым чубуком — ее блестящая жестяная крышка свешивалась на тонкой цепочке, точно маятник, — набил ее и с явным удовольствием закурил; только теперь он решил еще раз постучать — сперва в дверь, а затем по обитой черной жестью оконной ставне — та глухо загудела в ответ, точно пустая бочка.

Начали собираться и покупатели — согбенные старухи с рыночными корзинами и молодые кокетливые служанки с большими глиняными кувшинами. Неожиданно начался снегопад, и цветастые бока кувшинов весело поблескивали сквозь снежную пелену. Когда часы за спиной доктора Кубелика пробили семь, пунктуальный лавочник открыл, наконец, дверь. Толстый и внушительный, он постоял с минуту на верхнем пороге крыльца, словно хотел полнее ощутить свое значение и величие; он держал руки под широким белым фартуком и на приветствия, раздававшиеся со всех сторон, отвечал с таким видом, будто считал их вполне естественными и даже обязательными. Еще одна запоздалая хозяйка торопливо переходила улицу — то была добрейшая госпожа Няэлик, которая, как видно, немного заспалась. От тихо падающего снега на улице становилось все белее и белее, пока он не засыпал и самые неказистые бугры.

Может быть, из-за яркой белизны тихо падающего снега, а, может быть, из-за чего другого, только доктор Кубелик вдруг утратил какой бы то ни было интерес к протекавшей за окном обыденной жизни. Он снова улегся в постель и, закулив папиросу, начал пускать к потолку большие, шаловливые кольца дыма. Ему по-прежнему было приятно сознавать, что он не связан сейчас никакими обязанностями — он волен делать, что хочет, волен провести без забот еще несколько долгих, уютных часов; он сейчас словно отключен от окружающего мира... от этого нервного, ничтожного, погрязшего в пороке, но тем не менее столь милого его сердцу мира, который в последнее время то и дело приводит его в замешательство. От этого мира сейчас отключено и все то, с чем доктор Кубелик непосредственно соприкасается, все то, что он видит, слышит, к чему прирагивается, все то, что в обычных условиях он впитывает всеми пятью органами чувств... Было воскресенье, было утро, за окном падал первый снег, а здесь была его жизнь, в этом доме лежал он сам, букашка в своей ямке, хозяин своего бытия. «Ого, брат, а нет ли тут ошибки, действительно ли это ты, доктор Кубелик, пожилой, усталый человек, которого

каждый может торопить, которым каждый может распоряжаться и помыкать?» — подумал он. Воспринимая и чувствуя все это, он по-прежнему пускал аккуратные, словно сплетенные из тончайшего дымного волокна кольца, пока, наконец, папироса не догорела и ему не пришлось бросить ее в пепельницу.

Потом он опять ненадолго уснул. Но сон его не был тяжелым и тревожным, как обычно в последнее время, — нет, это был очень легкий и прозрачный сон, — казалось, что все тело, все чувства доктора Кубелика окутало тонкой и прозрачной марлевой пеленой, от которой не очень-то много проку (она не греет и по-настоящему не укрывает!), но которая создает приятное ощущение обособленности, отделенности от всего окружающего. Вот он идет по теплему лесу... и на длинном желтом поводке ведет за собой ту длинноногую, воинственную овчарку, над разочарованной мордой которой он только что, стоя у окна, так потешался. Он идет, а собака тычется носом в его голые поджилки — он идет совсем обнаженный и ноги у него стройные, как у юноши. Покрытая мхом земля, кажется очень теплой, и как будто от этого тепла доктор Кубелик вдруг взлетел, сильно и резко взмахивая руками, точно неумелый пловец, который лишь разбрызгивает воду, колотя по ней своими конечностями.

Доктор Кубелик проснулся от чьего-то прикосновения — это госпожа Няэлик тоже вышла погулять по теплему лесу, по теплему мху... Но, открыв глаза, он обнаружил, что, оказывается, это край одеяла сполз ему на щеку и щекочет ее своими ворсинками. Снеговые тучи еще более сгустились и заволокли все небо; проникающий в окна свет казался тусклым, но приятно мягким. Маленький приморский городок с широкими мощеными улицами постепенно наполнялся шумом; в шорох равномерно падающих снежинок вторгался то металлический грохот тележных колес, то тихий отголосок разговора, то торопливый топот, то громкие неожиданные, словно бы озорные выкрики.

От этого ленивого полудремотного созерцания доктора Кубелика вдруг отвлекло смутное беспокой-

ство, которое он испытывал всегда, когда за ним наблюдали — очевидно, кто-то незаметно вошел в комнату. Быстро повернув голову, он увидел госпожу Няэлик — точно такой, какой только что видел во сне, когда она гуляла с ним по лесу. Добрая хозяйка неподвижно стояла в дверях и, не смея даже дышать, пристально смотрела на него. И с тревогой, словно опасаясь, — а вдруг случилось что-нибудь дурное, и эта женщина явилась лишь для того, чтобы сообщить ему об этом, — доктор Кубелик спросил:

— Отчего это у вас... лицо такое испуганное?

Госпожа Няэлик тотчас же подошла и остановилась возле кровати. Теперь свет падал на все ее лицо — ото лба и до шеи, — и доктор Кубелик увидел, что ошибался: выражение лица у женщины было скорее насмешливое, чем испуганное. Непринужденно присев прямо на край кровати, госпожа Няэлик сказала:

— Может быть, вы и рассердитесь на меня, но только сегодня я нарушила ваш строгий наказ и отправила одну больную обратно. Какую-то старушку, она жаловалась на ломоту в спине. Вернее, дело было так: я пришла вас звать, но вы спали блаженным сном, и мне не захотелось вас будить. Я сказала ей, что вы куда-то вышли — очевидно, к более серьезному больному, нежели она со своей... ломотой в спине.

— Вот как? И эта старушка со своей пустячной, на ваш взгляд, ломотой в спине безо всяких разговоров вам поверила? — спросил доктор Кубелик, улыбаясь.

— Поверила, — кивнула госпожа Няэлик.

Доктор Кубелик, сам того не замечая, настроился на игривый лад. Ласково потрепав женщину по руке, он сказал:

— Ну ладно, на этот раз я не стану вас упрекать, сегодня мне и самому уж очень не хочется заниматься всякими болезнями и страданиями.

— Вам бы уже давно следовало подумать об отдыхе, — заметила госпожа Няэлик.

Доктор Кубелик обнял женщину за талию и попытался привлечь ее к себе. Но госпожа Няэлик с улыб-

кой отстранила его, и он послушно оставил свои попытки. Все еще продолжая улыбаться мягкой, блаженной улыбкой, он сказал с таким видом, словно у него и на уме не было ничего, кроме этой пустой и беззаботной болтовни:

— Не спорю, очевидно, вы правы — в последние две недели я частенько чувствую себя усталым. Может быть, мне в самом деле следовало бы немного отдохнуть. Как вы думаете, не пойти ли нам после завтрака на прогулку? Подморозило, можно не опасаться грязи и сырости.

— Это верно, земля совсем твердая, так и гудит под ногами, — подтвердила госпожа Няэлик.

Доктор Кубелик повторил вопрос:

— Так вот, не пойти ли нам с вами погулять?

— Посмотрим, посмотрим, — уклончиво ответила госпожа Няэлик, поспешно встала и скрылась в столовой.

Доктор Кубелик проводил ее глазами и увидел в щель, как за дверью еще раз мелькнула темная юбка женщины. Эта случайная картинка с какой-то особой остротой врезалась ему в память. Когда он зажмурился, ему невольно стали припоминаться разные пустячные подробности из его отношений с этой жизнерадостной женщиной, его домоправительницей, и, перебирая в уме эти пустячные подробности, он и сегодня чувствовал себя глубоко счастливым, как человек, который вправе быть довольным своей жизнью, как мужчина, у которого есть тихий угол, где он может укрыться в трудную минуту. И он продолжал лежать — тихо, спокойно, преисполненный уютной воскресной торжественности... пока его руки и ноги не затекли и не заныли от долгой неподвижности.

Когда часы пробили девять, госпожа Няэлик снова вошла в комнату и сказала:

— Ну, прошу вас, вылезайте из своего мягкого гнездышка, завтрак на столе. Или, может, вам сюда подать?

— Гм! Этого еще не доставало! Ведь не султан же я какой-нибудь или паша, которому во время еды еще и танцы подавай, и песни, и кальян! — смеясь, ответил доктор Кубелик.

— Для такого самоубийцы, как вы, и такой уход был бы слишком скромный, — заметила госпожа Няэлик и тоже улыбнулась.

Пока доктор Кубелик натягивал носки, заботливая хозяйка принесла ему остальную одежду и, усевшись на диван, принялась ждать. Они болтали о самых обыденных вещах — о все растущих ценах и о воспалении легких брата Юстуса, — однако доктор Кубелик, болтая об этих обыденных вещах, чувствовал, что все вокруг него переменялось, стало не таким, каким было вчера, позавчера... уже давно. Да, разве сейчас не похоже на то, будто он еще маленький мальчик, и весь окружающий мир во всем его многообразии существует лишь для того, чтобы это было интересно ему, чтобы ему доставляло удовольствие, чтобы на каждом шагу баловать его? Пригладив редкие пряди волос возле ушей, доктор Кубелик улыбнулся своему отражению в зеркале, повернулся с мальчишеской легкостью и, взяв госпожу Няэлик под руку, повторил настойчиво:

— Так мы пойдем гулять? Прошу вас, не упрямитесь — пойдем, Мария?

Женщина, смущенно улыбаясь, смотрела мимо него и ничего не отвечала.

— Ну, я жду! — настаивал доктор Кубелик.

Госпожа Няэлик медленно пожала плечами, однако продолжала молчать и выглядела несколько смущенной.

— Черт побери, да не упрямитесь же! Отвечайте, отвечайте «да»! — не унимался доктор Кубелик.

И покраснев до ушей, госпожа Няэлик ответила, наконец, совсем тихо, опустив глаза, словно ей было очень стыдно за свою неприличную уступчивость:

— Хорошо, я не буду упрямитесь, если вы так настаиваете... и если вы считаете, что это не повредит вашему доброму имени!

— Чепуха, мадам, полнейшая чепуха! — весело воскликнул доктор Кубелик.

Седобородый молочник, собравшийся в обратный путь, проезжая мимо их дома, попытался затянуть в окно; лошадь вскинула голову и громко захрапела, обдав окно крупными клочьями пены.

Но в ту минуту, когда они собирались выйти из

дому, тишину прорезал звонок — настойчивый, не терпящий ни малейшего промедления, требующий, чтобы дверь тотчас же открыли. И госпожа Няэлик, вешая пальто обратно на вешалку, сказала разочарованно:

— О господи... это еще кто?

Глава вторая

«ЗАМОЛЧИ!» — ГОВОРIT МАРТИН

Доктор Кубелик решил, что, по-видимому, к нему рвется кто-нибудь из страждущих, кто-нибудь из тех, кто мнит себя хозяином как его дней, так и ночей. Но минуту спустя, когда наружная дверь, громко хлопнув, впустила нетерпеливого посетителя, доктор Кубелик сразу же понял, что ошибся: так мощно и самоуверенно мог ступать и повышать голос лишь один человек на свете — его брат Мартин, мызный арендатор!

Досадуя на столь ранний визит, доктор Кубелик прошел в кабинет. Сквозь запотевшие окна едва пробивался свет, и поэтому здесь было гораздо темнее, чем в других комнатах. И эти витающие над старинной темной мебелью пепельные сумерки буквально содрогнулись, когда портьеры, отделявшие кабинет от смежной комнаты, вдруг раздвинулись и с порога грянуло:

— О-хо-хо... ну здорово, братец!

Доктор Кубелик повернулся, хотел было улыбнуться, но вместо улыбки на его лице появилась лишь неопределенная гримаса, и он ответил кратко:

— Здравствуй!

Госпожа Няэлик включила свет, и при ярком освещении Мартин, мызный арендатор, предстал перед ними во весь рост. Торжествующе потирая свои огромные лапищи, он грузно прошелся по комнате и мощно всхрапнул, точно сытая лошадь. От резкого северного ветра лицо его покраснело, и без того крупный нос стал будто бы еще крупнее, с этого крупного, широкого, как утиный клюв, носа упало несколько блестящих капелек, которые тут же скрылись в пышной, курчавой бороде. Мартин выглядел сегодня каким-то чересчур нарядным: на нем был

черный фрак и полосатые брюки; ноги, вместо обычных сапог, были обуты в ботинки с неестественно острыми носами, — как видно, они ему сильно жали, отчего походка у бедняги стала неуклюжая, ковыляющая; от одного жилетного кармана до другого тянулась, ниспадая, массивная золотая цепочка, в звеньях которой желтыми искорками отражался свет. Из-за спины тучного арендатора время от времени выглядывало узкое, худое личико — то была сухопарая, прямая как жердь и робкая, как птичка, супруга Мартина; она вечно жаловалась на здоровье, хотя за всю свою жизнь лишь считанные разы лежала в постели — когда рожала.

Переминаясь с ноги на ногу и все еще не обращая никакого внимания на семенящую следом за ним жену, Мартин, мызный арендатор, схватил лежащую на спинке кресла руку доктора Кубелика, бурно потряс ее и гаркнул словно в огромный жестяной рупор:

— Ч-черт и дьявол... *черт поberi...* ты всегда так гостей принимаешь? Даже родному брату из вежливости навстречу не шагнешь, хо-хо-хо! Ну, здорово-здорово, здравствуй! Я, видишь ли, опасался, не ушел ли ты куда, только сегодня силы небесные на моей стороне оказались... Вот дьявольщина, как погода вдруг переменялась! Этакая стужа, и как раз, когда мне позарез в город нужно было ехать!

— По-моему, такой морозец куда приятнее, чем слякоть, — заметил доктор Кубелик деловито и несколько официально.

— Куда приятнее? Сказал тоже, в самую точку! — воскликнул Мартин, и от его смеха на этот раз даже люстра задребезжала. — Ясно, ясно, разве я спорю? Только вот в чем беда... Мы с бабой совсем ведь налегке выехали, *понимаешь?* Если бы ты слышал, как она всю дорогу ныла рядом со мной! Точно кошка, которую дверью прищемило, хо-хо-хо! Худо ли тебе, чертов сын, сидишь в теплых хоромах, словно русский князь, и греешь себе задницу — то с одного боку, то с другого...

Доктору Кубелику удалось, наконец, высвободить свои тонкие пальцы горожанина из огромных ручищ брата; всеми силами стараясь скрыть растущее недо-

вольство, он поздоровался с невесткой, стоявшей чуть поодаль, и, указывая на кушетку, сказал:

— Садитесь, пожалуйста. Надо полагать, вас так неожиданно погнало в город дело исключительной важности. Или случилось что-нибудь такое, в чем я со своими познаниями смог бы вам пригодиться?

— Да нет... — ответила маленькая женщина тоненьким, детским голоском.

Мартин опять всхрапнул и захохотал во всю мочь своих закаленных в ветрах и бурях легких. Когда он, наконец, перевел дух, его пухлые щеки были мокры от слез.

— О-хо-хо, ты со своими познаниями! — воскликнул он, откашливаясь. — Вот, *сукин сын*, как будто я без вашего брата и ног протянуть не сумею. Ведь ежели на человека хворь напала, стало быть, это либо к смерти, либо как испытание или искус... а серьезный недуг на вашего брата и не поглядит, так-то вот!

Тут застенчивая супруга перебила Мартина (очевидно, впервые в жизни!), с сияющими от счастья глазами, по-детски радостно она сказала:

— Сегодня... наши... наши сыновья приезжают!

— Чего орешь, помолчи, я сам скажу! — воскликнул Мартин, сердито сверкнув глазами. — Ишь, все удовольствие от разговора мне испортила... *дура!*

— Вот оно что! Это действительно большая новость. Поздравляю! — сказал доктор Кубелик, снова беря руку невестки в свою и испытывая, как всегда, острое сочувствие к этой запуганной приветливой и доброй женщине.

— Большая новость? О господи... ну и скажет же наш милейший господин доктор... хо-хо-хо! — воскликнул Мартин. — Что это большая новость, я и без тебя знаю! Да, полковник Кубеляев или, как его давно прозвали солдаты, Скобелев Александр Мартыныч, сегодня подкатит по узкоколейке на железном коне к нашей станции — трам-тарарам! Хо-хо-хо! И капитан Максим Мартыныч тоже! Мы только вчера получили их совместное письмо! Поверь, старина, я прямо на задницу упал, когда прочел, — ведь они предполагали провести отпуск в имении своего дивизионного генерала... Но что поделаешь, ведь и

в библии сказано: «Человек предполагает, а бог р-располагает!» Или как говорится в одной хорошей, красивой песне: «Не всегда сбывается, что задумаешь, не всегда твой челн плывет к берегу!» Хо-хо-хо! — И словно опасаясь, что его не так поймут, Мартин сразу же пояснил: — Невеста полковника Скобелева, старшая дочь дивизионного генерала, успела вместе со своей матушкой куда-то уехать, по-видимому, осматривать другие свои поместья, а ребята, дьяволы, вильнули кормой и направились прямо сюда. Видишь, старина, каким я тебя сюрпризом огорошил, хо-хо-хо! — закончил мызный арендатор Мартин свою хвастливую речь; он даже вспотел и поминутно вытирал большим клетчатым носовым платком то толстую шею, то коричневые обветренные щеки.

Доктор Кубелик, слушавший брата с притворным вниманием, понимающе качал головой. Настроение у него стало постепенно улучшаться — безудержное бахвальство Мартина все больше забавляло его.

— Ведь не собираетесь же вы уже сегодня со своими героями в деревню возвращаться? — спросил он наконец.

— Сегодня? Возвращаться в деревню? Ну, дьявол! Прости меня, но ты какие-то дурацкие вопросы задаешь! — заявил Мартин. — У полковника Скобелева отпуск продлится целый месяц и у капитана Максима Мартыныча тоже, так что нам, слава богу, незачем спешить домой в этакий снегопад и метель. Я заходил сейчас к Хенрику и сказал ему — так, мол, и так, старший сынок моей дражайшей покойницы-матушки, изволь приготовить три самые лучшие комнаты и выдать всем нам мягкие подушки под голову! И вызубри свои русские песни так основательно, как только твоя голова позволяет! Я бы, конечно, с большим удовольствием отвез ребят к Юстусу, да где уж там — ведь бедняга лежит пластом, точно камбала! Полковнику Скобелеву и капитану Максиму Мартынычу едва ли приятно будет знать, что их поместили рядом с комнатой больного! Это, конечно, верно — Хенрик, проклятая шкура, нудноват, и моим мальчикам, возможно, будет у него скучно, но... придется потерпеть. Я сегодня же

отправлю гонца домой... в свое имение, стало быть, и прикажу, чтобы мне выслали вдогонку валенки и одеяла... и одну рессорную коляску. Ну ладно, собирайся живее и поехали!

— Куда, куда же мы так сразу поедem? — спросил доктор Кубелик.

— Куда? *Вот дурак!* На вокзал, на вокзал поедem! — воскликнул Мартин и, взглянув на часы, испуганно вытаращил глаза. — Мать честная, через полчаса поезд прибывает! Хенрик со своей благоверной и детьми уже уехал, давай-ка, давай быстрее. Хо-хо-хо, ну и удивятся же мои мальчики, когда увидят — целое племя стоит на перроне и машет шапками! Чер-тов-ски жаль, что их письмо раньше не пришло, не то сегодня перед вокзалом вся армия моих батраков выстроилась бы — надсмотрщик с палкой впереди, подпасок с рожком в хвосте! Я, уезжая, строго-настрого наказал, чтобы в четверг к обеду мой дом был разукрашен как пасхальное яичко! Врата почета и прочее! Флаги и прочее! Гирлянды и прочее! Тысяча чертей — неужто мои мальчики на моей земле столкнутся с таким безобразием, что им не поклонятся, им не послужат... если опять прибегнуть к святым библейским словам... хо-хо-хо... во-от!

Доктор Кубелик невольно рассмеялся.

— Верно, совершенно верно! — кивнул он. — Я бы на твоём месте ещё дальше зашел!

— Ещё дальше? Это куда же? — спросил мызный арендатор Мартин.

— Не обижайся, но в присутствии дам я не могу тебе этого сказать, — весело ответил доктор Кубелик.

— О, я... Я ведь ничего, если это ради моих детей... — залепетала маленькая женщина и вдруг покраснела до ушей.

От зычного голоса мызного арендатора Мартина опять задрезжали призмочки абажура под потолком.

— Ах, в присутствии дам! Валяй, валяй! — вскричал он, подчеркивая каждое слово взмахом кулака. — Что до меня, то я не из тех, кто прежде чем рот раскрыть, смазывает богом данные челюсти и начищает каждое слово, советую и тебе этого не делать! —

И с тревогой взглянув на часы, продолжал: — Ну ладно, потом продолжим! А теперь, старик, шапку в охапку и пошли!

— Собственно говоря, мне-то зачем туда являться. Едва ли твои сыновья по мне истосковались, — сказал доктор Кубелик все еще весело.

— Что? Черт и дьявол! Не истосковались! А если и не истосковались, так что? — воскликнул Мартин. — Это же в сущности твой долг, черт бы тебя побрал, причем тут тоска моих сыновей? Во всяком случае — помни, старик: если ты не явишься, ты глубоко и жестоко обидишь как моих ребят, так и меня. Или, короче говоря, это будет означать, что ты нас не уважаешь — *не уважаешь нас*. Вот! А разве это не свинство, черт и дьявол? Потому что — если говорить откровенно — все вы, будь то Кубелики или Кухелики или Куббелихи, кто удобряет своим навозом здешнюю землю, или Кувенхавены и Мак-Кубелики, кто смешивает свое г... с землей где-то там, за океаном, — должны также гордиться мной и моими сыновьями, как я сам и моя супруга, а не сторониться их!

— Вы... дорогой господин доктор... все-таки приезжайте... — проговорила застенчивая госпожа, сильно смахивая теперь на простую, неловкую крестьянку, какой она и была когда-то на самом деле.

— Зачем ты просишь! Незачем его просить! Я этого городского хлыща пристукну, как ко-тен-ка, если он еще долго будет упрямитесь! — кипятился мызный арендатор Мартин, задорно сверкая глазами. Но если он, дубина, не пойдет добровольно, я схвачу его, свяжу за спиной руки и потащу за собой, как строптивного бешеного быка, вот! И поставлю его на три шага впереди остальных родственников, покажу полковнику Скобелеву и скажу: — *Открой глаза*, человек, смотри — тебя приветствует самый покорный из твоих дядей, вот! Он, негодник, хотел удрать от тебя и поэтому его пришлось взнуздать. Хо-хо-хо! *Зинаида, Зиночка!* Разве я не хорошо сейчас сказал, а? Хо-хо-хо, смех и грех!

Доктор Кубелик в конце концов уступил шумному натиску брата («Что ж, если так, я поеду!») — и

направился в переднюю надевать шинель. Великие мужи, делающие историю, приезжают к родителям в гости, великим мужам надо устроить пышную встречу, чтобы они умилились и обрадовались; великие и славные мужи будут всех приветствовать и благодарить, пожимая руки: «Ура, благодарим вас, мы никогда этого не забудем!» — «Полковнику Скобелеву и капитану Максиму Мартынычу ура, ура!» — думал доктор Кубелик. — «Смелые, отважные воины с далекого фронта вот-вот придут в наш город. О, непорочные девы, проснитесь и захватите с собой светильники свои!» — думал доктор Кубелик. — «Э-эх, дьявольщина, конечно же, они совсем не жаждут видеть какого-то ничтожного лекаря, эти полковник Скобелев и капитан Максим Мартыныч!» — подумал он и опять невольно усмехнулся.

Вдруг доктор Кубелик перестал одеваться и померчал — ему вспомнился в этот момент другой Кубелик, незаметный, серый К у х е л и к, который не получил еще ни одной награды и за пятнадцать месяцев еще ни разу не приезжал в отпуск. Рубаха этого верного слуги царского, небось, кишит вшами, мундир заляпан грязью, его сердце истосковалось по отцу! Этого верного слугу царского когда-нибудь встретят отнюдь не так пышно и ждать его будут — если ему удастся уцелеть в этом вихре огня и стали — скорее всего дурные вести!.. — «Так, так, полковник Скобелев и капитан Максим Мартыныч!..» — уже вслух пробормотал доктор Кубелик и его охватило сильное желание выставить Мартина вместе с его тихой супругой за дверь, а самому опять забраться в постель, закутаться в одеяло, уснуть и... избавиться от своих мучительных дум.

Когда мызный арендатор Мартин начал шумно его торопить, доктор Кубелик с большим усилием овладел собой — из одного лишь злого любопытства ко всему тому, что он надеялся вскоре увидеть. Он кивнул госпоже Няэлик и, словно извиняясь перед ней, сказал тихо:

— Вот видите, что иной раз случается с нашими прекрасными планами!

Женщина, стоя в дверях, печально кивнула:

— Да, вижу. — И спросила со вздохом. — Стало быть, вы непременно должны в этом участвовать?

— Нет выхода, нет выхода, — безнадежным тоном ответил доктор Кубелик.

— Но до того, как идти в клинику, у вас ведь времени еще порядочно, — заметила женщина. — Вы ведь еще зайдете домой?

— По правде говоря, я боюсь оказаться в положении нищего, которым заинтересовался его величество король, и поэтому вместо того, чтобы попасть в баню, угодил в тюрьму. Но клянусь вам, домой, я все же загляну, — ответил доктор Кубелик и в шутку перекрестился.

— Шагай, шагай! Нечего тебе со всякими кухарками тары-бары разводить! — проворчал Мартин, с нетерпением поджидавший брата на лестнице.

Глава третья

ЛЮДИ НА ПЕРРОНЕ

Когда доктор Кубелик со своими гостями добрался до вокзала, там было уже много ожидающих; нетерпеливо вытягивая шею, они все глядели в одном и том же направлении — вдоль поблескивающих рельсов. Поезд, как всегда теперь, опаздывал. Встревоженные этим опозданием железнодорожники, с глубокими морщинами у рта, сновали туда-сюда; сперва они отвечали на настойчивые расспросы важно и надменно, потом, устав, вообще перестали отвечать. Молодые девушки, за которыми, гудя как пчелиный рой, следовали мнившие себя ловеласами юнцы и не знавшие, как убить время, солдаты, казалось, чувствовали себя в этой тревожной обстановке превосходно — они хихикали, толкались, ходили под ручку и делали вид, будто и не подозревают, что творится вокруг. А вдоль стен, укрываясь от пронизывающего ветра, повсюду стояли озабоченные женщины и маленькие, худенькие ребятишки: семьи приезжающих на побывку солдат терпеливо ждали своих мужей и отцов.

Доктор Кубелик проталкивался между бесцельно снующими людьми. Его брат Мартин, важный мызный арендатор, ковылял за ним по пятам, кряхтел и рычал на каждом шагу, точно старый медведь, и проклинал жену то по-эстонски, то по-русски за то, что она отставала и все цеплялась за полу его шубы. Кто-то больно наступил ему на пальцы и без того измученных тесной обувью ног; чья-то трость очутилась у него на пути и он чуть не упал; кто-то, явившийся сюда не без корыстных целей, взяв его под руку, прошептал ему на ухо несколько колдовских слов продажной любви.

Вдруг откуда-то донесся громкий крик и кто-то истошным голосом стал кричать караул. И коренастый старик с покатыми плечами, шагавший рядом с Мартином, объяснил равнодушно:

— Ишь как бьют. Вчера из одного чуть душу не вытряхнули. Интересно, кого это сейчас так усердно мордуют...

— Что тут интересного! Дурак! Вора, небось! — крикнула красноносая девица, быстро выплевывая из слюнявого, вялого рта подсолнечную шелуху.

Остальные Кубелики собрались возле самого входа в вокзал; стараясь превзойти друг друга в солидности и достоинстве, они отвечали на приветствия проходивших мимо знакомых лишь сдержанными кивками. На самом видном месте стоял коммерсант Хенрик; высокий, прямой, каким и должен быть настоящий барин, он беспрерывно шевелил ноздрями и, как всегда, выглядел сердитым и недовольным; он стоял вплотную к стене, словно боялся, что кто-нибудь подкрадется к нему сзади, и тяжело переминался с ноги на ногу. После катастрофы, случившейся с госпожой Эмилией, он запретил своей жене заниматься какой бы то ни было общественной деятельностью. Ревнуя ее как мальчишка, он постоянно приставал к ней с расспросами, уверенный, что она что-то от него скрывает; вот и сейчас он ловко и решительно втиснулся между двумя дамами, чтобы не дать им обменяться ни единым словом, и кривил свой сухой морщинистый рот в презрительной гримасе — безжалостный как палач, твердо убежденный в своей правоте.

Госпожа Розалия, стоявшая чуть поодаль от своей родни, пристально глядела перед собой. Ее полное, желтоватое лицо напоминало сегодня восковую маску; она тоже, казалось, чувствовала себя в чем-то виноватой; дни и ночи ей не давала покоя мысль, что о ней судачат, что ее за глаза оскорбляют, что над ней насмеются. Всесильный господи, что же делать, что предпринять, как спасти свое доброе имя и доброе имя семьи, — снова и снова думала она, не находя ответа на этот, казалось бы, столь несложный вопрос. Она разослала во все организации письменное извещение о своем временном выходе из них,

ее тут же забросали вопросами; что могла она ответить на них, чем могла объяснить свой шаг? К тому же в глубине души она была твердо убеждена — с каждым днем жить ей будет все труднее, все сложнее, пока она не превратится в человека с разбитыми идеалами, невинно страдающего из-за одной лишь злобы и бессердечия ближних.

Самым большим ударом для госпожи Розалии явился все же неожиданный поступок Хенрика — ничего подобного она не могла бы себе представить даже в том случае, если бы ее действительно застали за чем-то греховным! Вчера за обедом старый, злой муж, желая глубоко оскорбить ее, рассказал обо всей этой дурацкой истории даже детям. О господи, сможет ли она когда-нибудь забыть эту ужасную минуту? Мальчики изо всех сил сдерживались, чтобы не прыснуть («Выпороть бы их как следует, по-старинке, этих бездельников!»), Айми-Ли сидела красная как рак, смущенно глядя на лежавшие рядом с тарелкой нож и вилку. Клара презрительно фыркала, как маленький еж, ловя своими жестокими, насмешливыми глазами взгляд матери. Воцарилось жуткое молчание, и на фоне этого жуткого молчания раздавались лишь спокойные, злобные слова мужа, которые как бы раздевали ее, копались в тайниках ее души, обливали ее грязью. И что могла она ответить! Что должна была сделать, как защитить свою честь? Ведь жаждущий мести обманутый муж говорил о своей распутной невестке и лишь как бы между прочим вставлял при каждом новом эпизоде: «Так вот, милые дети, об этом знала и ваша мать, этой собачьей свадьбе содействовала ваша мать своим посредничеством!» О-о, какие страшные мгновения пришлось ей пережить за этим мучительным обедом, о-о, какой стыд, какое унижение — оно и сейчас еще давит ее как тяжелый кошмар!

Доктор Кубелик крепко и дружески пожал руку несчастной госпоже Розалии, кивнул Айми-Ли, помахал племянникам, которые дожидались поезда с величайшим нетерпением. Встретив испуганный взгляд Антона, он улыбнулся ему ободряющей улыбкой: «Не беда, дружище, твой одноглазый прапорщик поправится!» Отто и Кунц стояли чуть поодаль,

строя планы жестокой кровавой мести; Эрика нервно вздрагивала, боясь задохнуться от нетерпения. Даже веселая Клара была не такая, как обычно — она казалась задумчивой и хмурой, глубоко несчастной из-за этой злополучной истории. И только Пауль, лихой офицер действующей армии, и сегодня был полон энергии: через каждые полминуты он приподнимался на цыпочки, вытягивал шею и повторял гулким басом все одни и те же слова:

— *Вот черт! Все еще не видать! Все... еще... не видать! Да, понимаете — ни-че-го пока не видать, бес его возьми!*

— Время военное... разве теперь поезда с такой точностью... — пробормотала госпожа Эмилия, не смея ни на кого поднять глаз.

— П-поезда! — пренебрежительно буркнул Хенрик, его голос звучал еще более гулко, чем бас Пауля, и от этого казалось, будто все его длинное, тощее тело совершенно пустое.

Доктору Кубелику опять стало жаль эту глупую, смешную старую женщину — всем родственникам была известна ее история, они жестоко и справедливо осуждали ее за это. Послушав с минуту хвастливую болтовню Мартина, доктор Кубелик подошел к грешной невестке и спросил дружески:

— Ну, как Юстус себя чувствует? Должно быть сегодня ему немного лучше?

— Не знаю... Но... но... но... кажется... кажется... ему не хуже... — ответила госпожа Эмилия, сильно запинаясь на каждом слове:

Доктор Кубелик сказал:

— Ну что же, будем надеяться. Я вначале опасался, что воспалительный процесс распространился шире, но, к счастью, на сей раз я ошибся. Сейчас, конечно, рано говорить, как и что... Кризис наступает обычно на пятый-седьмой день, а сегодня всего лишь четвертый... Если сердце у него выдержит, то через две недели ему можно будет уже садиться и переходить на более питательную пищу.

Уголки рта у невестки вдруг странно опустились и, борясь со слезами, она сказала с каким-то неожиданным порывом:

— Да... боже мой... боже мой... только бы он выздоровел! Я не знаю, что готова отдать, только бы... только бы... он опять... был здоров!

— Главное — не мучайте себя понапрасну! Во-первых, вы этим ничуть не поможете Юстусу, во-вторых, своим унынием вы можете вызвать у него подозрения и, в-третьих, у нас куда больше причин для надежд, нежели для опасений! — сказал доктор Кубелик. — Вы напрасно пришли сюда — только утомляете себя и нервничаете. Но раз уж вы здесь... Мартин настоял, не так ли?

— Да... Я думала, что... если я буду здесь, они, быть может, воздержатся от насмешек... и...

— Ну да, что сделано, то сделано, — кивнул доктор Кубелик. — Кстати: я навещу его после обеда. Но если вы не слишком доверяете моим знаниям, я могу привести с собою кого-нибудь из более знаменитых коллег.

— По-почему не доверяю, доверяю! — возразила госпожа Эмилия и снова повторила, все так же запинаясь: — Да... я бы ни за какие деньги не пришла сюда, если бы не Юстус... Он... он... он так настаивал, что... Еще сильнее, нежели сам Мартин... Иди да иди, иди да иди! Мартину следовало бы знать, что у нас дома делается... и... вообще не приходить. Он бахвалится... как мальчишка.

— М-да, это конечно, так... — промолвил доктор Кубелик.

В тот самый миг, когда Пауль, расхаживавший взад-вперед, тяжело чеканя шаг, хотел было изречь что-то весьма остроумное, в толпе неожиданно началось движение. Люди, шумя и толкаясь, бросились на край перрона, все лезли вперед, каждый старался заглянуть как можно дальше. Издали доносился тихий гул — словно какое-то гигантское животное задыхалось и в бешенстве топало ногами. Железнодорожники успокаивали ожидающих, призывали их к осторожности; матери удерживали детей, оттаскивали их от края платформы, маленьких поднимали на руки; парни, пользуясь минутой, еще теснее прижимались к хихикающим девицам, обнимали их, расшалившись, толкали или старались украдкой

ущипнуть. Паровоз пронзительно свистнул, словно перекликаясь с визжащими девицами, и выскочил из-за штабелей досок; над его трубой залихватским султаном развевался дым, а сам он казался норовистой лошадкой, на которую нельзя положиться. Затем весь длинный состав замедлил ход, подкатил к станции и остановился, скрежеща железными буферами.

Пассажиров было много, и вагоны, казалось, прилагали огромные усилия, чтобы всех их из себя вытряхнуть. В узких дверях началась давка — то и дело раздавались грубые, тяжелые как удары дубиной ругательства; мужчины в серых шинелях озирались по сторонам, отыскивая глазами родных, стараясь заглянуть через головы близстоящих, неуверенно, словно на всякий случай, махали руками. Некоторые женщины плакали навзрыд, иные же (чаще всего молодые) тайком утирали слезы; какой-то артиллерист, загородив остальным дорогу, подхватил под мышки двух мальчуганов — маленькие, худенькие личики ребят зарделись от гордости. Многие уходили легким от сдерживаемой радости шагом; многие как-то робко поднимали руки, подавая о себе знак приехавшим. Чрево длинного поезда казалось неисчерпаемым — все новые и новые лица появлялись в дверях вагонов, и внизу, на перроне, становилось все теснее.

Мартин буквально выходил из себя — все его дикие усилия пробиться вперед оканчивались неудачей. Он был слишком широк и неуклюж, чтобы протиснуться сквозь все более уплотняющуюся толпу. Он толкался то туда, то сюда, наваливался всей своей тяжестью на спины впереди стоящих, однако вынужден был каждый раз отступать. Несмотря на холодный ветер, порывами налетавший из-за пожарной каланчи, от Мартина валил пар, как будто он только что вышел из бани — пот капал даже с его широкого носа. У Хенрика на щеках выступили красные пятна; женщины жались к толстой афишной тумбе; Кунц с угрозой смотрел на Антона, качая своей большой костлявой головой — он был похож на быка, выжидающего удобный момент, чтобы нанести противнику смертельный удар.

Госпожа Эмилия, мысли которой сейчас были где-то далеко, сказала доктору Кубелику, ободренная его дружелюбием:

— Юсти уже старик... потому-то я так и боюсь за него. Хотя, с другой стороны, здоровье у него еще довольно крепкое... Я даже не помню, чтобы он когда-нибудь лежал в постели больше двух дней подряд. Так что мне сейчас действительно очень и очень тяжело... Сердце ноет и... словно горит в груди...

Доктор Кубелик, желая ободрить невестку, снова похлопал ее по руке.

— Ну не надо, отбросьте свои опасения! — сказал он. — Мой нюх врача подсказывает мне, что Юстус начнет теперь быстро поправляться.

— Дай-то бог... дай-то бог... — пролепетала госпожа Эмилия рассеянно, поднимаясь на цыпочки и глядя через головы близстоящих.

И доктор Кубелик сказал, тоже поднимаясь на цыпочки и тоже глядя через головы близстоящих:

— Черт побери, отчего бы ему не дать, этому вашему милосердному богу? Юстус молодец, он умышленно и мухи не раздавит. Главное — оберегайте его от волнений — ведь в первую очередь ему нужен сейчас покой, покой и еще раз покой.

Мартин вытер пот и крикнул Хенрику, стоявшему в двух шагах от него:

— Ну что за черт — *вот видишь*, старина! Экая досада, что мне некогда было своих батраков в город снарядить! Я бы вооружил их дубинками и тогда — о-хо-хо! Вот увидишь, дружище, полковник и капитан, мои сыновья, не заметят нас и отправятся... куда глаза глядят. Где же, черт побери, я их тогда разыскивать стану, о-хо-хо, вряд ли им придет в голову, что я у тебя остановился. Если они вообще и помнят-то, где ты живешь... и кем ты им приходишься, хо-хо-хо!

— *Ничего*, скоро ты сможешь здесь в городки играть, — прогудел Пауль и захохотал как из бочки.

Дядя Мартин, бросив на него за эту остроту сердитый взгляд, воинственно пригрозил:

— Скоро, скоро! Этим «скоро», милейший, можешь вытереть свой высокочтимый зад! П-прапорщик!

Но, к счастью для Пауля, темпераментному мызному арендатору уже некогда было добавить к сказанному еще что-нибудь смачное, хотя, по всем признакам, ему очень этого хотелось: госпожа Розалия вдруг схватила горластого деверя за рукав шубы и указала куда-то рукой.

Весь отряд Кубеликов повернулся в указанном направлении. Дети, толкаясь, стали протискиваться вперед; женщины — и молодые, и старые — невольно принялись прихорашиваться: кто поправлял поднятый из-за ветра воротник пальто, кто сбившуюся шляпку. Сухой кадык коммерсанта Хенрика неожиданно нырнул вниз, пропав на миг за потерянным собольим воротником, но тут же опять подскочил кверху, под костлявые челюсти; Мартин, мызный арендатор, начал еще энергичнее пробивать себе дорогу, кряхтя и отдуваясь, точно огромный бык; Пауль, с важным видом прижав подбородок к воротнику мундира, так сильно выпятил грудь, что самому стало неудобно, и трижды подряд произнес: «Безобразие, безобразие, безобразие!» Доктор Кубелик, направившийся вместе со всеми к вагонам первого класса, снова взял госпожу Эмилию под руку и сказал с глубоким убеждением:

— Мы, старые врачи, иной раз можем и предсказывать. Я имею в виду, что мы способны, несмотря на имеющиеся признаки, угадывать — выдержит человек или нет. И я могу хоть на библии поклясться, что с Юстусом все будет благополучно. Однако недели две-три это еще, конечно, протянется.

Госпожа Эмилия повторила:

— Дай-то бог... ох, дай-то бог!

И доктор Кубелик тоже еще раз повторил свои слова:

— Черт побери, почему же ему не дать, вашему милосердному богу? Особенно теперь, когда мы с вами вступили в содружество — ведь каждый из нас опытен в своем деле — я опытный врач, вы — благотворительница. А-а, вот они где, эти наши великие родичи, в честь которых мы здесь собрались.

Толпа на узком перроне постепенно редела, и теперь они продвигались вперед уже без большого труда. Доктор Кубелик, пристально вглядывался в

двух высоких мужчин в офицерских мундирах, за спиной которых стояли нагруженные баулами и чемоданами денщики; у Мартина затылок побагровел и словно раздался; тщедушная жена, державшая его под руку, время от времени, точно трясогузка, поднималась на цыпочки и при этом прерывисто дышала. Ветер усилился, и из-за вагонов то и дело наметало снег, который тут же уминался тяжелыми сапогами толпившихся людей. Какой-то крошечный кавалерист с полными отчаяния глазами быстро сновал в толпе, по-видимому, не находя той, которую надеялся здесь встретить. И мызный арендатор Мартин, добравшись, наконец, до стоявших перед вагоном первого класса офицеров, застыл по стойке смирно и гаркнул, точно выпалил из крупнокалиберной пушки:

— Здравствуйте! Добро пожаловать! Добро пожаловать, дорогие мои мальчики! *До-обро по-жа-ловать, добрые молодцы!*

Два коричневых, обветренных лица растянулись в добродушной улыбке, две руки в перчатках поднялись к каракулевым папахам, две фигуры отвесили поклон, две пары шпор весело звякнули. Подполковник Кубеляев (по почетному прозванию Скобелев), высокий, статный мужчина, долго и бурно здоровался с отцом, затем звучно чмокнул и его и мать в обе щеки, сказал каждому родственнику по две-три фразы, и притом весьма находчиво, — однако никто их почему-то не запомнил. У подполковника были очень острые, карие глаза, густые черные брови вразлет и такая же черная раздвоенная борода, сильно блестевшая, точно ее только что смазали маслом. Левую руку он держал на эфесе сабли, и каждый раз, когда отвечивал поклон, блестящий металлический кончик ножен описывал в воздухе небольшую восходящую дугу, словно яркое перо в хвосте петуха, клюющего зерна.

Когда, здороваясь по очереди со всеми встречающимися, подполковник Кубеляев (по прозванию Скобелев) дошел до стоящего чуть поодаль доктора Кубелика, он особенно звонко щелкнул каблуками и так громко звякнул шпорами, что ожидавшим показалось, будто он из озорства потряс ногой. При этом

подполковник осклабился, обнажая зубы, и воскликнул:

— О, что я вижу! И ты, дядя, опять стал солдатом. И что я еще вижу! Ты за один год даже обогнал меня, хотя я ношу мундир без перерыва уже... гораздо дольше!

— Это потому, что я лично отправил на тот свет куда больше людей, чем вы... лично, — сказал доктор Кубелик. — А ведь награды и чины даются главным образом в зависимости от этого.

— Слыхал, полковник? — воскликнул капитан Максим Мартыныч, обращаясь к старшему брату, и звонко рассмеялся.

И доктор Кубелик, почувствовав вдруг к обоим молодым карьеристам благодушное, чуть пренебрежительное расположение, тоже усмехнулся и сказал:

— Не поймите меня превратно, господа, может быть, я и ошибаюсь.

Когда часы пробили одиннадцать, он распрощался со всеми и тотчас же ушел — он и так уж опоздал и опять вынужден был торопиться.

Глава четвертая

КЛАРА ПЛАЧЕТ,

АНТОН ПОЖИМАЕТ ПЛЕЧАМИ

Сразу же после доктора Кубелика решил покинуть перрон и Антон, уверенный в глубине души, что даже Кунцу сейчас не до него. Он незаметно отделился от гомонящих родственников и, пройдя через зал ожидания, обогнул вокзал с дальней стороны. И тотчас зашагал вдоль заснеженного склона железнодорожной насыпи, понунив голову, глубоко засунув озябшие руки в карманы.

Настроение у Антона и сегодня было очень скверное — несмотря ни на что, он никак не мог забыть про несчастье, случившееся в ту дождливую ночь, несчастье, причиной которого был он сам со своей мальчишеской ревностью! Окружающая жизнь сделалась для него нестерпимой: сон не шел к нему, и ночью и днем его мучило невыразимое отчаяние; мысли, бродившие у него в голове, доставляли ему жестокие муки. Антону непрерывно казалось, будто он должен постараться как-то смягчить свою огромную вину, придумать что-нибудь, что явилось бы искуплением, помогло бы ее загладить. Но в то же время он сознавал, что даже сам всемогущий не в силах ему помочь, что он должен остаться один на один со своими сомнениями, что он сам должен побороть свои муки. И чем больше он размышлял над тем страшным событием, тем глубже казалась ему трясина, в которую он погружался, и в конце концов он проникся уверенностью, что он вообще уже не вправе смотреть честным людям в глаза, что он — злое, коварное чудовище, сеющее вокруг себя одну лишь ненависть и злобу.

Снегопад продолжался, поднялась первая метель, гонимый ветром снег волнами перекатывался по мостовой. Стены домов постепенно покрылись лег-

ким слоем снега. Он забивался сперва в узкие щели между досками, а затем упорно, как плесень, расползался по всей стене. У Антона заныли от холода ноги, но и эта боль ему казалась заслуженной, и он даже радовался ей. «Сердце человеческое исполнено тайны... исполнено тайны!..» — неожиданно произнес он вслух слова из прочитанной недавно прекрасной книги и в испуге оглянулся, однако тут же устыдился этой нелепой робости.

После нескольких минут быстрой ходьбы он дошел, наконец, до железнодорожной ветки, ведущей в гавань, рассеянно поглядел на кирпичное здание депо, свернул направо и очутился на широкой, просторной улице. Ему стало жарко. Он стащил рукавицы и расстегнул пальто. Резкий ледяной ветер с силой дул ему в грудь. «О, если бы я теперь тяжело, тяжело заболел!» — с грустью подумал Антон. Но воздух, который он жадно вдыхал, казалось, скорее освежал его, нежели причинял какой бы то ни было вред. И сообразив, что надежды его тщетны, юноша снова запахнул пальто и принялся изо всех сил топать ногами, пока ощущение холода в пальцах не прошло окончательно, сменившись столь же сильным ощущением тепла, которое постепенно растеклось по всему телу.

Когда Антон дошел до аптеки Белинга и свернул по Рижской улице направо, ему вдруг захотелось незаметно прийти домой, забраться в постель и уснуть глубоким сном. Но он тут же передумал и снова зашагал дальше.

Сгорбившись, он перешел на другую сторону улицы, где было не так ветрено, и попытался думать о каких-нибудь пустяках — о том, что наконец-то наступила зима, что идет снег, что красивая борода полковника Скобелева вовсе не черная, а неопределенного темного цвета. Но и эти скачущие мыслишки не помогали — мучительная тоска лишь усиливалась, и все воспоминания, которые рождались в возбужденном мозгу юноши, приобретали какой-то юмористический оттенок: представляя себе больного отца, он видел лишь его комический страх смерти; представляя себе мать, слышал лишь ее бессвязный лепет отчаяния; представляя вернувшихся с войны

двоюродных братьев, видел лишь их петушиную спесь. Итак, несмотря на все усилия, Антон не мог избавиться от душевной муки, терзающей его уже четвертый день — несчастный горемыка, которого могли бы спасти разве лишь милосердные колеса тяжелого грузовика...

Еще раз перебрав в уме все известные ему способы добровольной смерти, Антон вдруг услышал, что кто-то бежит за ним и, задыхаясь что-то кричит. Он сразу же догадался, что это Клара, эта коварная змея, которая уже не раз искала возможности встретиться с ним, но которой ему до сих пор удавалось избегать.

Вместо того чтобы остановиться и подождать возлюбленную, Антон еще ниже пригнулся и ускорил шаг; в его походке сразу появилось что-то трагическое: «Смотрите — вот идет человек, у которого сердце превратилось в холодный камень, у которого нет больше ласкового слова ни для себя, ни для других!»

Когда мелкие шажки приблизились к Антону вплотную, он глубоко вздохнул и сказал громко: «Да, вот какова она, неудавшаяся жизнь несчастного человека!» И если бы в эту минуту он не поскользнулся на запорошенном снегом льду и не упал, он несомненно вздохнул бы еще раз — жалость к себе разгорелась в нем вовсю, сладкие слезы уже щекали ему горло.

Упал он (будь все трижды проклято!) совершенно неожиданно, даже не успел выставить для защиты руки. Он растянулся всем телом и так сильно шлепнулся о тротуар, что снег разлетелся во все стороны, и каменные плиты громко ухнули. Гимназическая фуражка с твердым околышем слетела с головы и со скоростью катящегося колеса понеслась в водосточную канаву; лицо с размаху провалилось в снег, как в сыпучий песок; он задел подбородком мостовую и от этого прикосновения в глазах у него взметнулись пурпурно-красные круги — ослепительно сверкнув, они исчезли. И все это время (всего лишь миг, показавшийся ему бесконечно долгим), которое понадобилось ему для того, чтобы подняться на колени, отыскать фуражку, в ушах юноши, обжигая его сты-

дом, звенел смех девушки — переливчатый, искренний смех, который словно прыгал и кружился на холодном ветру.

Наконец Антону удалось подняться на ноги, он забавно фыркал, точно готовящийся к борьбе еж, и, шлепая варежками, стряхивал снег со своей долгополой гимназической шинели. Он так разозлился, что готов был скрежетать зубами и громко выть. Клара продолжала хохотать, и Антон, мрачно насупившись, долго смотрел девушке в глаза, затем смешно скривил залепленный снегом рот и крикнул:

— Черт! Чего ты скалишься... черт!

— Зачем же грубить, дорогой, — укоризненно заметила Клара, все еще продолжая смеяться.

— Буду грубить! Буду, раз... раз мне хочется! — заявил Антон.

— Ну, если хочется, кто ж тебе может запретить! Мужчины вообще цари природы, — сказала Клара, весело щуря глаза. — Но что я могу поделать, если ты так смешно полетел. — И сразу же добавила, словно извиняясь: — Если бы я так грохнулась и ты расхохотался, я бы и не подумала ругаться. А ты сразу, точно злой бык... какой-нибудь.

— Молчи! Как себя вести — это уже мое дело! — проговорил Антон и, казалось, в горле у него скрипит песок.

— Разу-меется, это твое дело! Я же сказала, что вы, мужчины, цари природы, — ответила Клара, овладев, наконец, собой.

Антон еще раз, словно для порядка, отряхнул шинель, раза два сердито щелкнул по нему пальцем и сразу зашагал дальше. Однако, несмотря на всю его злость, в нем все же шевельнулось робкое желание, чтобы девушка опять последовала за ним. Клара, словно иначе и быть не могло, и впрямь пошла рядом с ним, стараясь не отставать — высокая, смелая девушка, решившая во что бы то ни стало до конца выяснить недоразумение, возникшее между ней и ее первой любовью.

Томительное молчание длилось долго. Наконец Клара, взяв парня под руку, сказала с мольбой, ничуть не заботясь о своем священном девичьем достоинстве:

— Послушай, дорогой... хочешь сердись, хочешь нет, но я вообще тебя больше не понимаю. После той страшной истории ты словно помешался. Вчера я за полдня четыре или пять раз стучалась к тебе, а ты и виду не подал. Ты наверняка был дома, я же знаю! Объясни мне, по крайней мере, хоть теперь, что, собственно, ты хотел сказать в тот вечер... и не воображай, пожалуйста, что я так легко поверю твоему бреду.

— Бреду? — переспросил Антон неожиданно грубым голосом. — Какому бреду? Это не я брежу, а ты! Я ведь тебе так ясно сказал, что и дурак бы понял — ошибка и все! А теперь конец... и все! Нечего тут больше... объяснять... и все!

— Перестань бредить... и все! — воскликнула Клара, передразнивая его, — казалось, она была сегодня очень уверена в себе. — Идиот, вот ты кто... и все!

— Сама бредишь, сама идиотка! — огрызнулся Антон.

— И бредишь, и бредишь! И идиот ты к тому же... именно ты идиот, а не кто-нибудь... уж не обижайся! — повторила Клара. — За все лето тебе ни разу в голову не приходило, что наша любовь — ошибка, а теперь тебя вдруг осенило, как нашего старого дядю Кээриха, ха-ха-ха! — и сразу же продолжала искренне: — Не надо ссориться, дорогой! Прошу тебя, не будем ссориться! Ведь это не легко ни тебе, ни мне. Ты просто упрямый очень, вот и все!

— А ты, значит... не упрямая! — произнес Антон опять очень грубым голосом — почти таким же грубым, каким говорил Пауль на станции. Антон и сейчас думал об одноглазом прапорщике. И поэтому добавил сварливо, так крепко сжав в карманах кулаки, что пальцам стало больно: — Можешь думать в своей великой гордости что угодно, но мне действительно не о чем с тобой больше говорить. Лучше всего будет, если ты оставишь меня в покое. Или мне из-за тебя еще кому-нибудь глаз выколоть?

Но в ту же минуту он пожалел о сказанном — зачем выдавать себя, зачем, наконец, разоблачать себя перед этой изменницей!

Но Клару вдруг словно подменили, она тихонько присвистнула и воскликнула, торжествуя:

— Ага! Стало быть, Кунц все же правду говорил!

— Кунц... говорил? — повторил Антон, краснея.

И девушка, придвинувшись к нему вплотную, тут же принялась подробно объяснять:

— Видишь ли, Антон, до тех пор, пока я не была в этом уверена, я тоже упрямылась и старалась держаться от тебя подальше. Я думала, что твоя дурацкая болтовня — это серьезно, и мне было очень тяжело. Но тут пришел Кунц, которому вздумалось меня подразнить, и он рассказал мне от начала до конца, как ты искал меня в саду, потом подошел к окну моей комнаты и стал... смотреть (она хотела сказать «подглядывать», но передумала и выбрала более подходящее слово) сквозь щель в портьерах. Кунц крался следом за тобой. Ну и тогда я сразу поняла, что мы с тобой ведем себя как дураки... особенно ты по отношению ко мне! Ведь не могу же я ни с того ни с сего обругать и выгнать господина, который ничем меня не обидел и был со мной весьма учтив, только за то, что ему захотелось показать свои галантные манеры. И, по правде говоря — хочешь верь, хочешь нет — дело твое! — он пришел вовсе не ко мне, а к Кунцу. Кунца не было дома и он остался дожидаться его. А я в свою очередь ждала лишь одного — чтобы он... исчез. Тут-то ты, как видно, и подошел к окну и увидел, что мы едим конфеты. — И уже совсем насмешливо, с веселыми искорками в глазах добавила: — Но ведь есть конфеты еще не значит изменять, не так ли, милый?

— Значит... он пришел к Кунцу? — спросил Антон и провел варежкой по лбу — он вдруг вспотел.

— Вот именно, к Кунцу... я могу тебе в этом хоть поклясться, если хочешь! — воскликнула Клара.

Молчание.

— Какое же у него было дело к Кунцу?

— А я откуда знаю... Денежное, наверное. Ведь мой брат занимается тем, что одалживает деньги... тому, кто в них нуждается.

Антон опять долго молчал, только кривил губы и

настороженно думал, что хитрая девчонка, как видно, и сегодня собирается его провести. Однако, невзирая на это, он по-прежнему играл свою роль, трагическую роль обманутого мужчины, казавшуюся ему чрезвычайно удачной. Наконец он сказал, растянув губы в язвительной усмешке и устремив взгляд куда-то в бесконечность, на некую грань между бытием и небытием.

— Дорогая моя, зачем мы сейчас обо всем этом говорим? Так оно было или не так — ведь это уже не имеет значения. Сердце мое мертво, и его не оживит никакая сила в мире. Зачем скрывать, это верно — я искал тебя, хотел сделать тебе сюрприз и увидел тебя... с другим. Если он пришел не ради тебя, а чтобы занять у Кунца денег, почему же ты его от меня прятала?

— Как это прятала?

— Да так.

— Объясни! Ей-богу, я уже вообще ничего не понимаю.

— Вот видишь, как ты мне лжешь! Ведь ты проводила его... по черному ходу!

Наступила напряженная пауза.

Вдруг Клара заплакала. Щеки у нее горели, опустив голову, она громко всхлипывала, даже кончик носа у нее покраснел. Лишь спустя долгое время, она вновь овладела собой и тихо пролепетала:

— Да, проводила, это верно... Но разве ты не понимаешь, милый? Мне не хотелось, чтобы ты его увидел и подумал обо мне дурно.

— Чушь! — сказал Антон, незаметно для себя подражая дяде Хансу.

— Нет, миленький, это не чушь! — возразила Клара, стараясь говорить как можно ласковее, миролюбивее и убедительнее. — Я... я ведь знаю тебя и понимаю, что ты можешь во мне усомниться. И я сказала ему, этому прапорщику, что ко мне пришли две подружки и поэтому он, как порядочный человек, обязан сделать все... для спасения моего честного имени. Если бы у меня мелькнула хоть тень подозрения, что ты его уже видел, то я... то я... ни за что не велела бы ему уйти. Но... что за... несчастье! Если бы ты только мог себе представить, как я

его за это ненавижу, этого... этого... молокососа! Так ему и надо... с этим глазом!

Антон опять ухмыльнулся с каким-то трагическим пессимизмом, продолжая при этом смотреть куда-то вдаль. Когда девушка успокоилась, он медленно произнес:

— Да, судьба, *moira... fatum...* Кстати, лично я не испытываю к нему никакой вражды. Он... оказался для наших чувств... ну... лакмусовой бумажкой, что ли, сам он тут совсем не при чем. И я не знаю, что готов отдать, только бы он меня простил. Но он этого не сделает, потому что... Да, он этого не сделает! Не сделает!

— Конечно, ведь он и не может этого сделать — ему нечего тебе прощать. Он сам полез в драку, и ударил его Кунц, при чем тут ты! — воскликнула Клара. И тотчас же добавила нежно, примирительно, почти с мольбой: — Поверь, дорогой, поверь — мне и в голову не приходило тебя обманывать, изменять тебе! Поверь... дорогой! Поверь!

— Чушь! — отрезал Антон. — И к тому же, как я уже говорил, это не имеет значения!

— Будем... будем... как раньше... — умоляла Клара.

— Нет, я на это уже не способен! — заявил Антон, все больше входя в роль безжалостного человека. — Жизнь моя пошла кувырком, и с этим... покончено! Сердце у меня совсем остыло, помертвело... Скоро я пойду... своей дорогой. Да, я не желаю ни у кого в ногах путаться и пойду скоро своей дорогой! Мир достаточно велик, даже такой человек, как я, может найти где-нибудь... достойный конец!

— О-о! Зачем ты говоришь такие страшные слова! — воскликнула Клара сквозь слезы.

Антон вздохнул и повторил медленно:

— Да, я пойду своей дорогой, ведь должна же ты понять, что другого выхода у меня нет. Жизнь моя кончена... я пойду своей дорогой.

— Это какой же своей дорогой? — спросила девушка, наконец рассердившись.

— Да так... все равно... во всяком случае — я пойду своей дорогой! — повторил Антон.

Молчание.

Мало-помалу к Кларе вернулась ее обычная бод-
рость, она постепенно успокоилась. Теперь она заго-
ворила о том, как от самого вокзала бежала за Анто-
ном; она даже засмеялась и сразу же продолжала
быстро:

— Бог мой, я точно на крыльях летела. Как только
я заметила, что ты исчез, я вдруг почувствовала, что
должна сегодня с тобой поговорить. И, улучив
минутку, удрала и бросилась тебя искать. Я сначала
подумала, что ты пошел с дядей Хансом, и поэтому
побежала в эту сторону. И вдруг увидела сквозь
метель человека твоего роста и схватила его за руку.
А это оказался не ты... и... как же мне... неловко
было! А когда я в конце концов догнала тебя, то уже
до того устала, что... Разве ты не слышал, как я
тебя окликала?

— Не... слышал... — солгал Антон.

И Клара, вытирая мокрые от слез щеки, в свою
очередь, притворилась теперь равнодушной. Схватив
большую пригоршню снега, она принялась с аппети-
том его есть и вдруг спросила с поистине обидным
легкомыслием:

— Собственно говоря, куда ты идешь? Здесь ведь
очень ветрено и скользко. Лучше погуляем
немного... где-нибудь в другом месте...

Антон пожал плечами.

— Куда я иду? — процедил он со злостью. —
В больницу... разумеется! Навестить свою
жертву... разумеется!

— Дурак! — сказала вдруг Клара очень тихо и
очень сердито.

И повернувшись стремительно, как ветер, она
зашагала обратно — упрямая маленькая женщина с
пылающими щеками и гордо вскинутой головой.

Глава пятая

АНТОН СНОВА РОБЕЕТ

Спустя немного времени, когда Антон, дойдя до ближайшего угла, обернулся, Клара уже исчезла за пеленой густо падающего снега. Стоя против ветра, юноша смотрел вслед кузине, быстро перебирающей ногами, и ему вдруг захотелось броситься за возлюбленной и упросить ее вернуться. Ему казалось, что он должен тщательно скрывать ото всех свое духовное убожество — как тот дурацкий факт, что в роковой вечер, он под покровом темноты подглядывал за Кларой в окно, так и то, что он из ничтожной мальчишеской ревности возненавидел бедного прапорщика Кяэрика.

А теперь у него было такое чувство, будто девушка сорвала с него все до последнего, и он жметя здесь сейчас постыдно голый: «Видали дурачка... о-хо-хо, смейтесь же над ним!» И вдруг юношу охватило страшное желание изо всех сил пуститься бежать — мчаться сквозь метель по улицам через заносимый снегом город, все дальше и дальше от прошлого, от всего того, что оскорбляло его до глубины души, причиняло ему столько муки.

Но, к счастью, он довольно скоро опомнился и ясно осознал все мальчишество и глупость подобного желания. Какое-то время он шел вперед, не останавливаясь, потом задержался перед пустой витриной и стал глядеть на нее широко открытыми глазами, ничего, однако, не видя. Откуда-то со двора с шумом выбежала ватага мальчишек и девчонок; кое-кто из них взглянул на него чуть внимательнее обычного; Антон тотчас вообразил, будто за этим вниманием таится злорадная насмешка («Вилочный герой! Вилочный герой!»), и он сделал вид, будто ему не-об-

хо-димо стоять здесь и смотреть в занесенное снегом стекло. Однако из черной глубины витрины на него смотрели лишь пустые полки, покрытые рваной разноцветной бумагой, не скрывающей даже облезлых краев неотесанных досок.

Время от времени подгоняемый не покидавшим его чувством тревоги, Антон заметил, наконец, что уже добрался до переулка, ведущего к военному госпиталю, возглавляемому дядей Хансом. Проходя мимо небольшого желтого домика, юноша увидел в окне чахлые комнатные цветы и серые прокоптелые занавески, рисунок которых врезался ему в память, заметил какие-то бледные лица, с подозрением и даже ненавистью наблюдавшие за ним. Сюда ветром намело особенно много снега, Антон брел, увязая в сугробах по самые щиколотки, и вскоре ноги у него точно свинцом налились... от лодыжек до самых бедер, от лодыжек до самых бедер...

И Антон, бедняга, все спешил и спешил, широко шагая, понутив голову. Переулок кончился, надо было сворачивать налево; «ну да, налево, черт побери, теперь я опять должен свернуть налево!» — бессмысленно пробормотал он вслух. — «Куда? ах налево? Но почему же именно налево, голубчик? — спустя мгновение задал он себе столь же бессмысленный вопрос. Из-за белых гонтовых крыш показалось громоздкое здание клиники, и, пристально вглядываясь в него, Антон вдруг почувствовал, как к глазам подступают слезы.

И он снова зашагал вперед — все вперед, все вперед... «И несчастный, отважно вскинув голову, шел вперед, все вперед... навстречу своей судьбе, навстречу своей судьбе!» — «Да, я действительно болван!» — пробормотал Антон, начавший вдруг разговаривать сам с собой вслух. — «Правильно, так оно и должно быть, я иду, отважно вскинув голову, навстречу своей судьбе!» — сказал он.

— Бум-бум-бум... — пробубнил усатый швейцар, когда Антон проходил мимо него, и фамильярно кивнул юноше, потирая грязным кулаком то кончик носа, то торчащие скулы. — «Теперь я поднимусь наверх, все так же высоко держа голову, навстречу своей судьбе! Топ-топ, топ-топ...» — думал Антон.

«Бум-бум-бум», — пробубнил усатый швейцар ему вслед. А, может быть, этот человек с чумазым сморщенным лицом вовсе и не бубнил, может быть, Антону просто показалось? Пожалуй, так оно и было: быстро оглянувшись, юноша увидел бородатого старика, который с прежним усердием потирал свой мясистый нос и широкие скулы, словно от этого зависела вся его последующая жизнь.

Этот приступ стыда и страха словно вдруг пробудил Антона от сна. Он огляделся по сторонам и сразу почувствовал, что и сегодня все здесь пропитано той приторно-горьковатой, всплывающей откуда-то из глубин памяти смесью запахов, под которой словно притаился чей-то протяжный и жалобный крик. На мгновение Антону показалось даже, будто он способен видеть и даже осязать эту смесь запахов — для этого надо лишь сделать над собой усилие, напрячь душу и тело! В его мозгу вдруг родился неестественный, бессмысленный, почти болезненный образ иссиня-серой дождевой тучи с обтрепанными краями, с ярко-желтым пятном посередине, слои этой тучи были расположены правильными concentрическими кругами — один над другим, один над другим, один над другим! И этот странный, неестественный, почти болезненный образ похожей на дождевую тучу смеси запахов стал, наконец, таким ярким, что у Антона закружилась голова, и ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы удержаться на ногах, чтобы, чтобы... опять не растянуться во весь рост, как это случилось с ним там, на заснеженной улице.

Но, как всегда, Антон и сегодня мужественно овладел собой, он только провел рукой по лбу и двинулся дальше. Войдя в главный коридор, он наткнулся на доктора Кубелика и подумал, что тот, по всей вероятности, не станет его задерживать — ведь до официального часа посещения больных времени было еще порядочно. Смущенно улыбаясь, он смотрел по очереди на каждого из приближавшихся к нему людей: во-первых, на самого дядю Ханса, потом на этого молодого мужчину с сердитыми глазами, у которого постоянно ходили желваки на тощих щеках, и, наконец, на маленькую подвижную старшую

сестру, строгая серьезность которой выглядела очень забавной. Как бы непроизвольно поклонившись раза два дяде, он глотнул и спросил каким-то удивительно высоким голосом:

— Можно мне пройти к моему другу?

— К кому? К твоему другу? — переспросил доктор Кубелик.

— Да, к моему другу, — сказал Антон, и словно заметив на лицах всех троих затаенную улыбку, тотчас же добавил: — То есть... к прапорщику Кяз-рику.

— К прапор-щи-ку Кяз-рику? — протянул доктор Кубелик. И быстро поправился: — Ах, да, верно — я и забыл. Ну что ж, отчего же, иди, иди!

— Большое спасибо... Так я... — залепетал Антон и хотел было тут же свернуть.

Но дядя Ханс взял его за рукав и сказал, почему-то прищурив один глаз:

— Видишь ли, братец, я имел сейчас в виду кое-кого другого, а именно капитана Кубелика. Д-да, Ку-бе-ли-ка, не Кубеляева и не Скобелева. Сегодня, когда мы стояли на перроне и устраивали парад, я как раз собирался сказать тебе, что он уже несколько раз про тебя спрашивал, — но, к сожалению, твоя мать отвлекла меня. Так что когда ты освободишься от своих частных дел, ты непременно загляни к нему, к нашему общему родственнику.

— Да, хорошо, — пообещал Антон.

Дядя Ханс опять лукаво подмигнул и сказал:

— Спасибо! Спасибо, мой друг! И между нами говоря: твой сегодняшний приход доставит много радости. Много радости, которая... Ну да ладно, пусть это пока останется тайной... Сервус, мой господин, продолжим наш путь, ты налево, я направо... до приятного свидания! — И пожилой лысый врач, подняв руку над головой, весело пошевелил пальцами, точно мальчишка, машущий на прощанье своей любимой.

— Да... всего хорошего... значит я... — пробормотал Антон, растерянно помахав ему в ответ.

Но вместо того, чтобы сразу осуществить свое намерение, он еще больше отступил к стене и при-

слонился к ослепительно белому подоконнику, не решаясь уже больше и шага шагнуть. Провожая глазами три одетые в белое фигуры, которые удалялись от него как-то томительно бесшумно, он почему-то даже затаил дыхание. Теперь все представлялось ему каким-то возбуждающе острым, каким-то удивительно призрачным, каким-то гнетущим и надрывающим душу. И он увидел и услышал: снег бьет по стеклу... Снег бьет по стеклу и дует ветер... Снег бьет по стеклу и дует ветер, завывая в жестяном желобе на крыше — ухуу-ууу-ухуу!.. Длинный тихий коридор был пропитан запахом эфира и карболки... и этот запах эфира и карболки... ну да... ведь это же была та самая иссиня-черная, состоящая из концентрических кругов дождевая туча с ярко-желтой сердцевинкой, возникшая в его воображении, когда он сюда входил. «Э, нет, нечего мне тут стоять, надо сейчас же идти!» — подумал Антон. — «Да, в самом деле, надо сейчас же идти!» — подумал он еще раз. Откуда-то доносились неясные шорохи... и это опять была иссиня-черная дождевая туча... и это опять было шуршание снега по стеклу... и это опять был ветер... и это опять был жестяной водосточный желоб. — «Ну, надо идти, надо наконец идти!» — услышал Антон свое бормотанье. И чтобы как-то удержать ослабевшее вдруг тело — чтобы не упасть и не растянуться во весь рост, — он и впрямь пошел, старательно переставляя ноги, словно боясь, что и впрямь упадет, хотя путь перед ним был ровный, без единого препятствия.

Вдруг он застыл на месте, приподнялся на цыпочки, прикусил язык: до него донесся тихий, словно проникающий сквозь узкую щель стон. Когда Антон прислушался, ему показалось, что этот стон перемещается. Где-то раздавалась очередь мелких шажков — и эти стоны доносились справа; затем мелкие торопливые шажки сворачивали из главного коридора в боковой — и стоны доносились уже слева. «Кого это там катают на длинной раме, под белой простыней? На длинной раме, под белой простыней, углы которой, словно развеваются?.. по коридору с каменным полом — крр-крр-крр — налево и

направо... на длинной раме, под белой простыней?..» — прошептал он вслух. И вдруг подумал: «Вон, снег бьет по стеклам, и стекла от этого совсем мокрые». — И чем чаще Антон повторял эти бессвязные, какие-то далекие друг другу слова и перебирал в уме эти рождающиеся безо всякой логики мысли, тем яснее понимал, что и сегодня уйдет отсюда, как вчера и позавчера — безо всяких результатов, точно самый обыкновенный трус. Это полное неуверенности и отчаяния, раздробленное, как кошмар, состояние все не покидало его. Хотя Антон упрямо старался убедить себя, что днем раньше или днем позже, он все равно вынужден будет нанести этот тягостный визит, тем не менее он никак не решался приблизиться к белой двери, открыть ее и войти. Но на что у него все же хватило смелости — это ходить мимо двери — вперед-назад, вперед-назад, вперед-назад и еще раз... вперед-назад! Время от времени пропахшую эфиром тишину, похожую на слоистую тучу, словно разрывали звонки и сиделки суетливо спешили на зов, поглядывая на Антона с равнодушным любопытством. Какой-то сутулый и очень широкоплечий санитар, вяло покачивая головой, толкал перед собой пустую железную кровать, маленькие колесики которой перекатывались по каменному полу с квадрата на квадрат, и Антон сразу подумал: «Ну что ж, черт подери, толкай себе!» И так как за это время он опять успел далеко отойти от роковой палаты, он вдруг, слегка пригнувшись, круто повернулся на каблуках и — столкнулся с кем-то грудь в грудь, едва не обомлев от ужаса.

— Извините... извините меня... — в испуге пробормотал он, чувствуя, как весь холодеет.

— Какие уж тут извинения, ты меня чуть с ног не сбил, — сказал доктор Кубелик с шутливой серьезностью.

Ободренный этим, Антон сказал:

— Извини меня, пожалуйста, я тебя не заметил. И странно, я даже не слышал, как ты подошел.

— Мы тут умеем тихо ходить, еще тише нас движется только Она Сама — хозяйка-смерть, — сказал дядя. — Ведь это здание, как тебе известно, пред-

назначено не для тех, у кого нервы как тросы... Смешно, не правда ли — людей калечат под самый оглушительный грохот, а когда они уже искалечены, мы, врачи, должны оберегать их от самого ничтожного шороха, чтобы они в полнейшей тишине могли либо перебраться в иной мир, либо выздороветь и снова вернуться в ту же мясорубку. Ну, ты уже навелstil своего прапорщика Кяэрика?

— Да, видишь ли... — протянул Антон и хотел было пуститься в подробные объяснения, почему он и сегодня не успел еще зайти к «своей жертве».

Но доктор Кубелик, как видно, неправильно понял его и воскликнул весело:

— Да? Ну и отлично, братец, ну и отлично! Побеседовали? Помирились? Сами посмеялись над своим петушиным боем? Я заходил сюда примерно с полчаса назад, тогда он собирался соснуть, а сейчас он еще бодрствует, да?

— Да, он не спал... — сказал Антон, сам не понимая, для чего так бессмысленно лжет. Но от него словно ждали этой лжи, добивались ее, и поэтому он сразу же добавил: — Он сказал, что... ждал меня еще два дня назад...

— Ну вот видишь! — воскликнул дядя.

Антон поглядел в окно, на видневшиеся вдали серые нагромождения домов, на рассеивающийся дымок, поднимающийся там и сям к мутному осеннему небу. Он подумал: «Продолжать лгать, остаться до конца подлецом?» — и стал поспешно объяснять, хотя дядя и не задавал ему больше вопросов:

— Главное, что сегодня я... узнал. Да, это главное, потому что до сих пор я все думал, что я в самом деле... подлец. Пауль и Кунц, они все время твердили мне невесть что... А прапорщик Кяэрик ясно сказал...

Теперь настала очередь доктора Кубелика отвернуться. Ему не хотелось, чтобы парень продолжал лгать и пускался в такие подробности, оперируя которыми легко мог допустить низость. Стараясь избавиться от чувства неловкости, он дружески похлопал Антона по плечу и воскликнул:

— Ясно, ясно, братец! Ну что ж, давай тогда направим стопы в шестую палату. Погоди-ка ми-

нутку. Я только загляну в свой кабинет и тоже пойду с тобой.

Антон снова посмотрел в окно — из-за своей вынужденной лжи он испытывал теперь мучительную неловкость. Он сказал, словно извиняясь:

— Жаль... но сегодня я все же не смогу. В самом деле, у меня нет больше времени...

— Да брось ты! — воскликнул доктор Кубелик. — Минутки две у тебя наверняка найдется! Айми-Ли сейчас у брата, они ждут тебя. Ты ведь пойдешь, да?

Антон уперся.

— Нет, не пойду! — резко сказал он, тряхнув головой.

Доктор Кубелик взял несчастного племянника под руку — он понимал, что это юное существо нуждается в утешении, что ему на помощь должен прийти человек опытный и терпеливый; из-за его недавней опрометчивости парню пришлось прибегнуть к ненужной, тягостной лжи и теперь надо изменить его настроение новыми, более сильными впечатлениями! Но ясно также и то, что парень слишком упрям и горд для обычного сострадания, такое сострадание лишь повергло бы его в еще большее смущение. Доктор засмеялся и сказал, стараясь заразить несчастного горемыку своей мнимой беззаботностью:

— А-а, понимаю — тебя тянет в высшее общество — хочется послушать рассказы о приключениях полковника Скобелева и капитана Максима Мартыныча?

— Нет... не это... но... — пробормотал Антон. Доктор Кубелик махнул рукой:

— Ясно, ясно, братец, ясно! Разве я могу тебе запретить?

В это мгновение Антон опять отважился взглянуть на стоявшего перед ним старого господина, и, увидев в глазах дяди глубокую печаль, юноша почувствовал вдруг, как в нем пробуждается смутная радость. Что-то тяжелое и мучительное отступало, проходило. Он невольно улыбнулся, и глаза его наполнились слезами:

— Ладно... Ненадолго я бы мог... — сказал он тихо.

— Ага, ага, вот это уже совсем другой разговор! — воскликнул доктор Кубелик.

Снег бил по стеклу. Снег бил по стеклу, и завывал ветер. Снег бил по стеклу, завывал ветер, и жестяная водосточная труба гудела как геликон: уху-у-у, уху-у-у!

Глава шестая

КАПИТАН КУБЕЛИК ПОПРАВЛЯЕТСЯ

Первые дни в родном городе оказались для капитана Кубелика такими же тяжелыми и страшными, как горячечный бред в переполненном до отказа фронтовом лазарете, как сонное покачивание на койке санитарного поезда.

Он все еще находился в каком-то полусне. Жизнь казалась ему печальной и безутешной: печальным и безутешным был сон, печальным и безутешным бодрствование! Порой он испытывал невыразимое отвращение к своему телу, к вытянутым ногам, упиравшимся в спинку кровати, к рукам, которыми он поправлял на себе одеяло, к ноющим бедрам, которые порой буквально горели от долгого лежания. Бывали минуты, когда он готов был покончить с собой — жалкий калека, который и лежать-то уже не способен по-человечески! А в тихие, душные и жаркие ночи, когда его соседи по палате засыпали, он, стиснув зубы, глухо стонал от постыдного бессилия, которое унижало и оскорбляло его до глубины души.

Но в ночь на воскресенье, когда туман и распутица уступили, наконец, место первому настоящему зимнему дню, в состоянии капитана Кубелика словно наступил вдруг резкий перелом. Утром он проснулся с таким ощущением, будто он сейчас же встанет и уверенным, бодрым шагом отправится куда-нибудь. Его душу наполняло удивительное чувство доверия ко всем; голова была ясной, как у человека, который хорошо выспался; мысли рождались такие ослепительно четкие и легкие, что весь окружающий мир казался приятным и радостным. Улыбнувшись безо всякой причины, капитан Кубелик с удовольствием потянулся — нога, лежащая на жестком матрасе,

не причиняла ему ни малейших страданий; он поднял руку и провел пальцами по волосам — это была опять его собственная смуглая и крепкая рука... рука пехотного капитана Аугуста Кубелика... он мог ею шевелить... это движение не вызывало больше ни усталости, ни тоски! Он еще и еще раз потянулся и запрокинул голову — о да, так потягиваться, просыпаясь поутру, может только человек, который знает, чего хочет, которому совершенно ясно, к чему он стремится. И хотя из-за плотных штор на окнах комната все еще утопала во мраке, он тотчас же с каким-то веселым озорством потянулся к звонку, висевшему у него в изголовье на вбитом в стену гвозде.

Он позвонил и тихо засмеялся; однако никто не пришел, и он позвонил еще раз и опять тихо засмеялся. Но когда в коридоре и на этот раз не раздалось ни звука, он, уверенный, что уже наверное семь или половина восьмого, позвонил снова. И, затаив дыхание, стал слушать. Все большое здание словно глядело на него сквозь мрак и тишину, и капитан Кубелик подумал: очевидно, на улицах уже светло, очевидно, жизнь в городе давно уже началась. Кто-то большой и добрый, казалось, зашевелился где-то рядом, — черт возьми, может быть, это дядя Ханс, которого он разбудил своим звонком?

Капитан Кубелик еще не успел до конца додумать эту приятную мысль, как в тишине послышались легкие шаги. Эти шаги быстро приближались, дверь отворилась, и свет из коридора большой четырехугольной заплатой упал через порог в комнату. И только теперь — как бы под влиянием этого упавшего через порог света — капитан Кубелик вспомнил, что он отбросил одеяло, и, протянув руки, начал торопливо натягивать его на себя, — ведь он воспитанный человек и должен соблюдать приличия даже в присутствии ко всему привыкших и вследствие этого несколько циничных врачей и сестер!

В это мгновение под потолком вспыхнула лампа. Капитан Кубелик инстинктивно, как застигнутый на месте преступления мальчишка зажмурился, затем слегка приподнял голову и поглядел, чуть приоткрыв

веки. Сиделка, высокая, сильная женщина, подошла и спросила:

— Это вы звонили?

— Да, простите, это я, — ответил капитан Кубелик...

— Что вам угодно? — спросила сиделка, и капитан Кубелик увидел, что глаза у нее заспанные и очень усталые.

Чувствуя себя виноватым перед этой сонной, усталой женщиной, капитан Кубелик начал торопливо придумывать какую-нибудь вескую причину, чтобы оправдать свой поступок. Но ему не пришло в голову ничего такого, что и самому ему не показалось бы глупым или пустым. И он сказал искренне, так как ему казалось, что он должен с кем-то поделиться своей радостью:

— Не сердитесь, пожалуйста... Мне сейчас очень хорошо... и я был бы вам очень, оч-чень благодарен, если бы вы... принесли мне две-три книги.

Сиделка в изумлении посмотрела на него, потом вдруг добродушно улыбнулась, даже оживилась и покачала головой.

— Не-ет, этого нельзя, — сказала она. — Боже мой, господин капитан, ведь сейчас только половина шестого, а вы уже просите книги.

— Половина шестого? — протянул капитан Кубелик. — О-о, тогда простите... еще раз. Мне показалось, что уже гораздо больше.

— Нет-нет, правда, сейчас только половина шестого, — повторила женщина.

И капитан Кубелик сказал, чувствуя себя набедакурившимся школьником, которого разоблачили:

— Вот так глупая история! Простите, что я вас напрасно разбудил.

— О, ничего! Я рада, что вам наконец лучше... — сказала женщина как-то особенно тепло, особенно мягко и задушевно. Но в то же время она словно ждала, чтобы ее поскорее отпустили, и стремясь сгладить в больном это нежелательное впечатление, сиделка продолжала тем же тоном: — О том, чтобы читать в такую рань, и не думайте, это может вас утомить, и температура опять поднимется. Я потушу свет, может быть вы еще поспите немного.

— Нет, пожалуйста, оставьте лампу, — сказал капитан Кубелик.

— Как угодно, — кивнула женщина.

Когда она стала уходить, капитан Кубелик спросил:

— Не могли бы вы мне сказать, когда придет моя сестра?

— Ваша сестра? Она здесь, — ответила сиделка.

— Вот как? Разве у нее сегодня ночное дежурство?

— Да, она сегодня дежурит.

Молчание.

Капитан Кубелик сказал:

— Большое спасибо. И еще раз прошу меня извинить.

Сиделка ушла, удалилась по коридору. Даже в ее тихих шагах угадывалось теперь большое материнское сочувствие и вместе с тем сильная усталость. Капитан Кубелик вздохнул, медленно повернулся на другой бок, оглядел полутемную палату. Одноногий поручик Афанасьев спал с открытым ртом, его черные как смоль волосы рассыпались по подушке, — видно, и ему первая зимняя ночь принесла облегчение; раненный в шею артиллерийский капитан Смирнов скрежетал во сне зубами; блики света на плотных шторах были неподвижны. Потом из-под стола выползла большая серая мокрица, принялась бегать туда-сюда по полу, на миг скрылась под стулом, побежала в угол и стала как бы обнюхивать его. Графин с водой на ночном столике отражал крупные искры, они подпрыгивали, когда вода в графине шевелилась или вздрагивала.

Капитан Кубелик подложил руку под щеку и нехотя подумал, а не поспать ли ему и в самом деле еще немного. Но сна больше не было. Погруженное в тишину старое здание таило в себе какую-то торжественность, и эта торжественность наполняла капитана Кубелика беспокойством. Он снова откинул одеяло, отчего ему вскоре опять стало прохладно, согнул ноги в коленях и раза два постучал пальцами по сидению стула. Рана зудела, и этот зуд казался ему каким-то приятным и радующим: «Очевидно процесс заживления внезапно ускорился, — подумал капитан Кубелик, — разрушенные ткани

заживают, перемещаются на нужное место, скоро они образуют новые плотные пучки мышц, слегка зарубцованные, но от этого еще более прочные — вполне пригодные для дальнейшей жизни и деятельности». Когда он случайно поднял голову, то заметил соскользнувшую в проход между кроватями книгу и решил ее достать, чтобы всем назло провести за чтением те часы, которые оставались еще до официального больничного утра.

Он медленно перегнулся через край кровати и ощутил при этом лишь незначительное неудобство; затем оперся рукой о ночной столик и осторожно напрягся. Так, дело сделано, зачитанная пухлая книга, замусоленная сотнями пальцев, была у него в руках — теперь уж он ее больше не выпустит! Он снова откинулся на подушку и вдруг понял, что это маленькое испытание и впрямь знаменует новую эпоху в его жизни — он опять сумел проявить свою волю, он опять что-то совершил, он опять самостоятельно, не прибегая ни к чьей помощи, реализовал свой замысел! Задыхаясь от наполнявшей все тело усталости, он некоторое время лежал неподвижно, потом, понемногу успокоившись, раскрыл книгу. И сказал, кивнув головой: «А-а, старина Диккенс, значит это ты тут в пыли валялся!» И решительно приняв положение, показавшееся ему наиболее удобным, капитан Кубелик погрузился в историю рождения и роста бедного маленького Давида Копперфильда, читая страницу за страницей, не пропуская ни строчки.

Капитан Кубелик не заметил, как снова уснул. Вдруг он услышал какой-то тихий дребезжащий гул и сразу подумал о налете вражеских аэропланов.

В испуге приподнявшись, он увидел: шторы подняты, небольшая комната залита светом. Откуда-то до его ноздрей донесся запах табачного дыма и еще что-то похожее на запах кипящего в черной походной кухне солдатского супа. По окнам скользили хлопья мокрого снега — частые, беззвучные, похожие на белые тени. Дребезжание, от которого он проснулся, стало теперь совсем громким и раздавалось где-то у него за спиной. И ощущая удивитель-

ную, пронизывающую все тело радость, он громко зевнул и спросил, глядя через ночной столик:

— Извините, господа, верные слуги царские, не скажете ли вы мне, который теперь час.

Раненный в шею артиллерийский капитан Смирнов тоже сел на постели. Весело сощутив свои большие карие глаза, он вынул изо рта папиросу, поздоровался и ответил:

— Девять, коллега и собрат по каше. Слышите — там уже раздается звон наших серебряных сервизов. Так-так, приветствуем и поздравляем — вы тоже начинаете поправляться.

Капитан Кубелик впервые за долгое время лег на спину, скрестил под головой руки и спросил:

— Из чего вы это заключаете?

— Из весьма простых фактов, — ответил капитан Смирнов. — Когда раненый больше не дуется, первым заговаривает с соседями по палате или даже шутит, значит ему скоро пора выписываться. Так было с вашими предшественниками, так было и с нашим милым поручиком Афанасьевым. А теперь, слава богу, и с вами так, и выходит, что у нас имеются очень и очень веские основания для подобных заключений.

— Да, мне действительно немного легче, — кивнул капитан Кубелик.

— Верим, верим, — сказал капитан Смирнов, продолжая весело сверкать своими широкими белоснежными зубами. — Ну и времячко же было. Кстати, вам бы несомненно уже давно полегчало, если бы не эта долгая тряска в железнодорожном вагоне. Я знаю. Наш брат не любит увеселительных поездок. Не угодно ли папиросу, коллега?

— Спасибо, — сказал капитан Кубелик.

Одноногий поручик Афанасьев рывком повернулся на спину, тоже приветливо улыбнулся и спросил:

— Где, черт побери, вы взяли мою книгу? Мы тут как раз рассуждали с капитаном, — уж не вставляли ли вы с постели?

— Ваша книга упала на пол, а я ее подобрал, — ответил капитан Кубелик, и воспоминание о ночном подвиге невольно заставило его улыбнуться.

Принесли завтрак. Молодая девушка в белом переднике сиделки начала расставлять посуду на низкой табуретке. И капитан Кубелик заметил вдруг, что у этой молодой девушки в белом переднике сиделки очень красивые длинные пальцы. Повернув голову, он окинул ее изучающим взглядом — тонкая талия, маленькая крепкая грудь, белая шея, круглый подбородок, румянец на щеках, прямой нос, большие темные глаза, еще более темные волосы!..

Капитан Смирнов кашлянул, лукаво подмигнул и протянул насмешливо:

— Гм-м...

Сиделка что-то сказала и сразу же прошла дальше, держа широкий деревянный поднос на растопыренных пальцах. Когда минуту спустя, вся раскрасневшись, она вышла из комнаты, раненный в шею офицер буквально заржал, вертя своей косо сидящей крупной головой, и сказал, ударяя себя по колену:

— Черт побери, капитан, да вы куда здоровее, чем можно ожидать от человека, провалявшегося столько времени в постели! Ай-яй-яй, как вы только что пожирали глазами эту девицу! В том лазарете, в котором я раньше лежал, работал один старый горбатый врач, так он всегда говорил: если раненый начал приставать к сестрам и сиделкам и самым нахальным образом лапать их, — можно считать, что он спасен для своего любимого государя-императора и православной церкви. Так что еще раз поздравляем вас, дорогой коллега и собрат по каше!

Капитан Кубелик поблагодарил, шутливо поклонившись, и не отрываясь опорожнил жестяную кружку. Горячий чай лишь придал ему беззаботности. Взглянув на окно, он снова увидел скользящие по стеклу хлопья мокрого снега и проговорил не спеша: — Нет, вы ошибаетесь, капитан Смирнов. Меня просто удивило, что я раньше не замечал этой девушки... Она здесь новенькая?

— Нет, она здесь, можно сказать, уже почтенная старушка, — ответил одноногий поручик.

А раненный в шею капитан опять заржал во всю глотку и воскликнул:

— Эта синичка здесь уже настолько стара, что

даже... старше меня! И если вы только теперь ее заметили, то это лишний раз доказывает, что вы и впрямь начали поправляться. Завтра постарайтесь заговорить с ней, а послезавтра попросите нас, чтобы мы отвернулись к стене и как можно правдоподобнее храпели, когда вы заманите ее к себе под одеяло!

— Нет, об этом я вас, пожалуй, просить не стану, — заметил капитан Кубелик и вдруг подумал, что, небось, подобные вещи говорят и о его сестре Айми-Ли, этой наивной идеалисточке. И он добавил, помолчав: — В одном вы, конечно, правы — до сих пор мне действительно казалось, будто здесь вообще никого нет, кроме двух врачей... — И не договорив, он начал тихонько насвистывать, словно желая избавиться от какой-то неотвязной, мучительной мысли.

— Верим, верим — ведь даже нас, своих ближайших соседей вы до сих пор не замечали, — сказал артиллерийский капитан Смирнов, продолжая смеяться.

Сразу же после завтрака принесли градусники, — кто-то, чьей обязанностью это являлось (может быть, Айми-Ли?), забыл про них и теперь спешил исправить свою ошибку. Несмотря на то, что утро было воскресное, вокруг становилось все оживленнее. Шаги то приближались, то удалялись, время от времени где-то хлопала дверь, раздавались звонки. Раненный в шею артиллерийский капитан Смирнов начал читать газету, время от времени шелестя ею; одноногий поручик Афанасьев согнул в колене свою единственную ногу и, рассеянно поглаживая ее, заговорил:

— Та, что сейчас приходила, сестра Марья — наша палатная сестра. Ее-то вы замечали?

— Ах вот как? Марья? Да, ее я, кажется, действительно замечал, — кивнул капитан Кубелик.

Капитан Смирнов, продолжая шелестеть газетой, сказал:

— И чтобы дать вам более точную информацию: поручик Афанасьев, наш дорогой Ипполит Сергеич, по уши влюблен в сестру Марью. Я все жду, когда он, наконец, примется письмецо составлять.

— Прошу вас, прекратите эти разговоры, черт возьми... слышите? — воскликнул поручик Афана-

сьев, вдруг рассердившись. — Глупости болтаете! Как будто она не видит, какой я!

— А вы, дорогой Ипполит Сергеич, бросьте ваше дурацкое нытье, — сказал артиллерийский капитан Смирнов, на этот раз тоже серьезно. — Какой вы? Ну какой же вы, черт бы вас побрал! Положим, вам не повезло, вы потеряли ногу! Но где вы ее потеряли, позвольте спросить, что так этого стыдитесь и презираете себя? В какой-нибудь дурацкой деревенской драке? Где-нибудь на гулянке? Занимаясь какой-нибудь идиотской, бессмысленной чепухой? Нет, милейшей, нет, голубчик, вы потеряли ногу в бою! А там многие из нас теряют гораздо больше, чем только одну ногу, да-да, дружище, там может остаться совсем без ног даже сороконожка! Я, видите, вынужден расхаживать с кривой шеей, как старый коршун — таким я, братец мой, и останусь, и это меня ничуть не беспокоит. К тому же говорят, будто в последнее время научились делать такие совершенные и изящные протезы, что даже родная невеста не отличит его от вашей здоровой ноги... даже если ей случится погладить его, когда он не прикрыт брюками.

— И не говорите! Прошу вас, не говорите лучше! — воскликнул поручик Афанасьев все еще очень раздраженно.

Молчание.

— Я, Ипполит Сергеич, только об одном жалею, — сказал капитан Смирнов, снова становясь серьезным. — О том, что я со своей кривой шеей уже не гожусь в действующую армию. Потому что служба в действующей армии — это была моя профессия, друзья, моя профессия, понимаете? Если война кончится — что станет со мной? Неужели же я и впрямь в свои тридцать пять лет должен буду взяться за изучение какой-нибудь новой специальности?

Капитан Кубелик потянулся.

Он взглянул на потолок, губы его тронула легкая усмешка: да, ему по-прежнему было хорошо — даже такая печальная тема не могла сегодня взволновать его сколько-нибудь серьезно.

Глава седьмая

ЗА КАРТАМИ

После завтрака всех троих обитателей палаты немного разморило, и в маленьком, душном помещении на время воцарился ленивый и уютный покой. Капитан Кубелик от нечего делать начал было опять перелистывать роман; однако зародившееся в ночной тишине чувство глубокой радости все не покидало его, и книга показалась ему вдруг слишком скучной. Судьба маленького Давида развивалась для него недостаточно быстро, и непомерно много было в каждой главе авторского ниття, выжимающего у читателя слезы. («Черт бы его побрал, этого добренького лорда, он, небось, уже окуная перо в чернильницу, плакал, умиляясь собственной доброте».) Капитан Кубелик пропускал целые страницы, досадливо морщился над сентиментальными отрывками, несколько раз терял строку и ему приходилось кое-что перечитывать дважды. В то же время его ухо ловило каждый звук, раздававшийся в коридоре, и вдруг ему страстно захотелось, чтобы Айми-Ли или дядя Ханс пришли, наконец, его проведать.

Хлопнула дверь. Капитан Кубелик быстро повернул голову, твердо уверенный, что его желание исполнилось, но оказалось, что это опять сестра Марья. Сунув руку под рубашку, он достал градусник и, взглянув на него, сказал несколько громче, чем следовало:

— Ага-а, тридцать семь... Как по-вашему — ведь не плохо?

Сестра улыбнулась, в свою очередь взглянула на градусник, кивнула и забавно прищурилась. Казалось, она была удивлена. «О да, это в самом деле — сов-сем не плохо!» — сказала она. Хотя капитан Кубелик понимал, что это удивление было притворным,

он почувствовал себя совсем счастливым, когда маленькая молодая женщина добавила:

— Поверьте, господин капитан, меня это очень радует. Значит — скоро вы нас покинете и снова отправитесь воевать!

— Слышите, сосед, слышите! — воскликнул капитан Смирнов, успевший опять приняться за газету, и добродушно засмеялся.

Капитан Кубелик не удержался, чтобы не объяснить сестре Марье:

— Да, сегодня мне действительно гораздо лучше. Позже узнаем, что об этом думают мудрейшие.

— Я рада, поверьте, очень рада, что вам лучше, — Повторила сестра Марья, и когда глаза ее встретились с глазами капитана Кубелика, она вдруг покраснела до ушей и, почувствовав это, покраснела еще больше.

Капитан Кубелик смотрел на нее сбоку. У нее были очень веселые, красивые глаза, но рот был слишком большой и чувственный, отчего нижняя часть лица казалась несколько мальчишеской. Поручик Афанасьев беспокойно заерзал, а капитан Смирнов опять многозначительно подмигнул. Тележка с пустой посудой подкатилась к отворенной двери, и сиделка застучала каблучками в проходах между кроватями. Сестра Марья, оправившись от смущения, еще раз улыбнулась ему своей доброй, предупредительной улыбкой профессиональной утешительницы и, продолжая кивать головой, сказала:

— Поздравляю, господин капитан! И помните: чем сильнее вы хотите поправиться, тем быстрее поправитесь. Ну, поручик Афанасьев, Ипполит Сергеич, как ваши дела? — сразу же повернулась она к кровати, стоявшей у противоположной стены — все такая же добрая, предупредительная. И с тем же радостным удивлением, как минуту назад, воскликнула: — О, видите, Ипполит Сергеич! Еще недельки две, и вы нас покинете!

Но тут произошло нечто, по мнению капитана Кубелика, совсем уж некрасивое и неуместное. Молодой офицер вдруг с размаху повернулся на живот и зарыдал. Его широкие, сильные плечи судорожно вздрагивали, как у ребенка, не доставало лишь, чтобы

он, рыдая, стал сучить своей единственной ногой. Когда насмерть перепуганная сестра Марья опустилась на стоявший между кроватями стул и начала его успокаивать, он рывком перевернулся на спину и, продолжая плакать, воскликнул жалобным и в то же время пронзительным голосом, отчего стал еще больше похож на капризного ребенка:

— Нет, я не хочу... я не хочу... ну! Я... не... хочу-у!

— Перестаньте, прошу вас! Перестаньте, дорогой! — пыталась успокоить его сестра Марья.

— Черт побери, перестаньте выть! — проговорил капитан Смирнов медленно и сердито, точно простучал в барабан.

И несчастный юноша почти мгновенно успокоился, виновато улыбнулся и пробормотал:

— Простите меня, сестра, я и сам не знаю, как это получилось.

— Ничего, голубчик Ипполит Сергеич, ничего! — успокаивала его сестра Марья.

Когда трое раненых опять остались одни, артиллерийский капитан Смирнов встал с постели, набросил на плечи халат и, шлепая туфлями, подошел к окну. Прислонившись плечом к белой стене, он закурил папиросу и, нахмурившись, стал смотреть в окно. Капитан Кубелик, все еще испытывая после только что произошедшего инцидента мучительную неловкость, принялся внимательно его разглядывать — лишь бы не смотреть на несчастного поручика. Капитан Смирнов был очень смуглый, его волевой подбородок сильно выдавался вперед, чуть раскосые глаза и широкие скулы позволяли угадывать в нем далекого потомка монгольских завоевателей, чья кровь смешалась, а затем и растворилась в более сильной крови бывших данников. Его нельзя было назвать красивым, нет, скорее он был даже некрасив, но эта некрасивость не казалась отталкивающей, в ней чувствовалось что-то открытое, мужественное, располагающее. Лицо у капитана Смирнова было изжелта-бледное, кожа казалась даже немного шершавой, точно старинная медь, волосы и усы были иссиня-черные, равно как и брови, почти сходящиеся на переносице. Сухожилия на его раненой шее укороти-

лись, и поэтому казалось, будто он все время к чему-то настороженно или с любопытством прислушивается. Из-под его узких, слегка припухших век временами поблескивали как бы крошечные искорки, которые тут же гасли, так как он не мог долго держать голову прямо. Вдруг он решительно повернулся, сел на край кровати поручика Афанасьева и сказал грубым от волнения голосом, все так же резко, словно ударяя в большой барабан:

— Извините меня, Ипполит Сергеич... дружище! Это я, дурак, испортил вам прекрасное воскресное утро. Но, несмотря на это, я повторяю и остаюсь при своем: бросьте принимать так близко к сердцу вашу беду и вы скоро убедитесь, что эта ваша беда еще не самая худшая. — И затем добавил уже совсем другим тоном, точно лаская товарища каждым своим словом: — Я знал офицера, которому осколок гранаты угодил прямо в лицо, и от лица осталось лишь гладкое место... с одним глазом, двумя ноздрями и разорванным ртом. Мы встретились на каком-то перевязочном пункте и... этот человек был действительно очень несчастен. Что ваше ранение в сравнении с его? Не больше, чем ничтожная отметина, к которой рано или поздно можно привыкнуть. Смелости и твердости побольше, дружище, главное — побольше смелости и твердости.

— Мне... мне ужасно стыдно, я даже не понимаю, как это случилось со мной... — в смущении проговорил поручик Афанасьев.

— Ну, незачем так долго об этом сокрушаться! — сказал артиллерийский капитан Смирнов. И снова пройдясь по комнате, он порывлся в ящике своего ночного столика и воскликнул, словно от неожиданности: — Глядите, братцы... вот черт... у меня здесь, оказывается, колода карт. А не попытать ли нам счастья? У меня, например, за два месяца жалование не тронуто, да, кроме того, еще деньги, которые отец любезно прислал, — он у меня добрый старик и считает, что истинный царский слуга должен жить широко и швыряться деньгами даже в лазарете... Ну, так как же, господа, сыграем?

— Да я с удовольствием, — отозвался поручик Афанасьев, как видно, ему хотелось рассеять тяже-

лое настроение, вызванное его неожиданными слезами.

— Прекрасно, хвалю. А вы, сосед? — спросил капитан Смирнов, обращаясь уже прямо к капитану Кубелику.

— Отчего же, можно, — ответил капитан Кубелик, но тут же пожалел о своем согласии и хотел было отказаться. Но видя, что капитан Смирнов уже поставил перед ним табуретку, он лишь добавил: — Конечно, только на мелочь. Входить в азарт... по-настоящему... в нашем положении, мне думается, еще нежелательно.

— Разумеется, на мелочь! — воскликнул капитан Смирнов.

Усевшись на стул, он небрежно расставил ноги, перетасовал карты и начал сдавать. Первый туз достался поручику Афанасьеву — судьба делала его первым банкометом. Капитан Кубелик достал из записной книжки пачку бумажных рублей и положил их рядом с собой на кровать; одноногий сосед почему-то торопился — продавал, прикупал, нервничал, для начала выиграл, а потом несколько раз подряд проиграл и передал колоду дальше. Зато капитану Смирнову везло — о да, ему досталась вся скопившаяся на табуретке сумма — он шутя схватил ее скрюченными пальцами, точно огромный коршун своими темными когтями. Раскачиваясь всем своим полным и крепким телом и продолжая коситься исподлобья, он вдруг разговорился и принялся громко и ясно объяснять:

— Так, на добычу грех пожаловаться. С конца августа я впервые опять держу карты в руках... А раньше — с той самой поры, как война зарылась в окопы и блиндажи, — мы играли в эту простую, как коровье мычание, игру днями и ночами: делать было нечего, а времени — больше, чем надо. Смотрите, господа, я кладу перед вами две бумажки из тех счастливых, что я выиграл у своих товарищей перед тем, как выбыть из строя — два так называемых рубля... — Кстати, о том, как я выбыл из строя, это очень позорная и глупая история. По всей линии стояла тишина, как в пустой церкви, и вдруг откуда-то падает брошенная кем-то просто так, от нечего

делать граната, разрывается саженьях в двух от меня и валит меня с ног как дубиной... Ну, за сколько вы на этот раз покупаете, капитан?

— За все, — ответил капитан Кубелик.

— Молодец, хвалю. Желаете еще?

— Да, пожалуйста.

— Хватит?

— Хватит.

— Видите, братцы, слуги царевы, какую дрянную карту я для себя припас — семерку пик! На языке гадалок это означает смерть. Очевидно, правильнее всего было бы передать колоду вам, — воскликнул капитан Смирнов, с каждым мгновеньем все более оживляясь, хотя говорил он явно для себя одного. — Ого, ничего себе! — крикнул он, открывая следующую карту. — Дама! А семерка и дама — это десять. А теперь еще... теперь еще... валет, черт побери! Мина, мина, мина, братцы, ос-то-рож-но, ура, капитан Смирнов, ваше высокоблагородие! Эге, значит, мне опять везет! Двадцать очков, дражайший коллега из Лифляндской губернии.

— Выиграли, костромич! — весело сказал капитан Кубелик.

— А-а, голубчик мой, Аугуст Генрикович, вы кое-что помните из нашей беседы! — воскликнул капитан Смирнов.

И вдруг они, словно желая перещегоолять друг друга, принялись рассказывать о тех роковых днях, которые привели их сюда. Поручик Афанасьев начал первым; с преувеличенным вниманием разглядывая полученную от капитана Смирнова карту, словно защищая этим свою изболевшуюся душу, он сказал:

— Стало быть, в банке у нас сейчас четыре рубля? Пожалуйста, мне только две. Значит, вы получили свой осколок гранаты совершенно неожиданно, так сказать, невзначай? Да, пожалуйста, еще. И — еще раз! Хваа-тит! А со мной, знаете ли, все шло как по-писаному, согласно положению. Вечером сообщили, что к пяти утра мы должны быть готовы к атаке. Настроение у меня было — не считите за бахвальство — довольно приличное, во всяком случае гораздо приличнее, чем перед каким бы то ни было предыдущим сражением. Ну, идем мы, значит, в

свою атаку. А немцы — как всегда — пронюхали и встретили нашу пехоту таким бешеным заградительным огнем, что промежутков между разрывами вообще не было. Но что делать — приказ есть приказ, надо идти. Ур-р-р-а-а! Как я из окопа вылез, это я еще помню, а потом все заволокло таким туманом, все так смешалось, что... я чувствовал только свои ноги. Бежал, бежал и вдруг — бух! Ну, следующее, что мне запомнилось, был перевязочный пункт... нога у меня оказалась в нескольких местах раздробленной. В остальных частях тела — просто чудо — обнаружили лишь две-три царапины... Извините, капитан, сколько у вас очков?

— Девятнадцать... как видите, — ответил артиллерийский капитан Смирнов.

— Забирайте деньги, забирайте, — сказал поручик Афанасьев.

Артиллерийский капитан Смирнов засмеялся и сказал:

— Приступаю, голубчики, к грабежу. Если повезет, я вас обдеру как липку.

— А вы, господин капитан? — спросил поручик Афанасьев, обращаясь теперь к капитану Кубелику. — Где вас судьба настигла?

— При отступлении. Поэтому я не могу рассказать вам никаких подробностей. В таких случаях, как известно, назад не оглядываются, — сказал капитан Кубелик.

— Это верно! В таких случаях назад не оглядываются, — кивнул капитан Смирнов и опять сдал карты. Поплевывая на кончики пальцев, он продолжал словно в раздумье: — О да, друзья, отступление, отступление — мне оно знакомо. На войне все можно как-нибудь стерпеть, но это... просто с ума сводит! Я имею в виду, конечно, не спокойные ночные «перемещения», как их называют штабисты, а катастрофы, которые мы с начала войны не одну пережили. Если бы вы видели тот адский хаос, в котором мы очутились во время Восточно-Прусской операции в лесах и болотах между Мазурскими озерами. Чего стоит одно это непомерное противоречие — вспомните, пожалуйста: победа следует за победой, люди жалеют, что у них для продвижения вперед

всего одна пара ног, а не десять; как о близком факте, говорят о падении самого Берлина... И вдруг — нате вам! Конец всем этим победам и — давай бог ноги! А при поголовном бегстве, которое тогда началось, каждому из нас следовало бы иметь по меньшей мере, сто пар ног, ха-ха-ха! У Самсонова нервы не выдержали — его сиятельство, как известно, пустил себе пулю в лоб... — В банке сейчас восемь рублей, Август Генрикович. Сколько желаете?

— Две, ответил капитан Кубелик.

— Молодец, правильно! Скромность украшает православного русского человека, поди, она украшает и вас, угрюмых чухонцев! Еще? Пожалуйста, пожалуйста, отчего же... И самое страшное, конечно, жуткая неизвестность: где немцы, где наши? Штабы, потеряв голову, сыпали приказами, противоречившими один другому, поползли слухи, просто чудовищные... — продолжал капитан Смирнов, опять сделал небольшую паузу, затем как-то замысловато прищелкнул пальцами и снова стал рассказывать с оттенком иронии.

— Да... И эти чудовищные слухи распространяли не только кашевары и вестовые, их распространяли и им верили даже офицеры в довольно-таки солидных чинах. И тут, якобы, враг прорвался и там прорвался. Роты, охваченные паникой, стреляли в кого попало... Под покровом ночи на наш дивизион напали наши собственные легендарные донские казаки и принялись рубить нас как самых презренных татар... Так что нечего удивляться, если некоторые из нас, маленьких людей, теряли голову и, стремясь лишь к одному — вырваться из этого сумасшедшего развала, — следовали примеру генерала... Семнадцать очков. С меня хватит.

— У меня на этот раз все же немного больше, — сказал капитан Кубелик.

— Я участвовал в этом отступлении, я знаю! — заметил поручик Афанасьев.

— А-а, и вы тоже! В таком случае, дорогой коллега, вы довольно-таки высокообразованное пушечное мясо! — воскликнул капитан Смирнов.

— Не лучше было и при нашем отступлении из Австрии! — заметил капитан Кубелик, — как и тем

двоим, ему мучительно захотелось рассказывать, излагать события, говорить о своих передрягах. Но когда он попробовал начать, то с удивлением заметил, что ему, собственно, не о чем рассказывать, нечего излагать, не о чем говорить! В душе его, правда, бурлило какое-то странное, беспокойное желание, оно как бы рвалось наружу, но на пути этого желания высилась преграда и подавляла его. Щеки у капитана Кубелика горели, — как видно, поднялся жар. И нетерпеливо отодвинув от себя карты, он снова лег на спину, недовольно поморщился и сказал: — Вообще... война это, по-моему, такая каша, в которой наш брат может разобраться лишь в пределах мизерной сферы собственной деятельности. Я имею в виду не только отступление, но и победоносное наступление. Штабы, быть может, кое-что понимают и знают, мы же не понимаем и не знаем ничего. Так порой тебе приходится оставлять рубеж, ради овладения которым ты потерял чуть ли не половину личного состава и который казался тебе страшно важным; а порой приходится отчаянно штурмовать рубеж, на твой взгляд, совершенно ненужный... Кому сдавать? — закончил он вопросом, хотя и знал, чья очередь метать банк.

— Вам самому, — ответил капитан Смирнов, не переставая шуршать бумажными деньгами.

Но продолжать игру им уже не пришлось: дверь распахнулась, и в палату вошел доктор Кубелик в сопровождении дежурного врача и Айми-Ли. Мгновенно поняв, в чем дело, доктор Кубелик нахмурился и проговорил с осуждением:

— Так, так, господа офицеры, ничего хуже вы придумать не могли? Э-эх, герои, простите за откровенность, ума у вас нет ни капли. — И обращаясь к поручику Афанасьеву и капитану Смирнову, продолжал: — Вам двоим это уже не повредит, вы уже отдохнули... — И тут же повернулся к капитану Кубелику: — А ты, ваше благородие, племянник? Может, ты боишься, что без этих мальчишеских глупостей ты чересчур быстро поправишься?

— Милый дорогой господин доктор, наш добрый Ганс Мартыныч, мы же не всерьез! — воскликнул артиллерийский капитан Смирнов. — Мы только

попробовали чуточку время скоротать, вряд ли это повредит нашему славному Августу Генриковичу!

— Разрешите, я запру эти жирные отбивные на несколько дней в свой сейф, — сказал доктор Кубелик, и, протянув руку, с гримасой отвращения взял колоду двумя пальцами. — Вы не бойтесь, я их не порву. Даже будь они почище, я бы к ним и не приотронулся — ведь я не бог весть какой игрок. Вы ничего не имеете против подобного ограничения свободы, господа?

— Нет, нисколько, пожалуйста, Ганс Мартыныч, — воскликнул артиллерийский капитан Смирнов и снова жизнерадостно заржал.

Айми-Ли, подойдя к постели брата, сняла со стены историю болезни и, передав ее дяде, спросила тихо и озабоченно:

— Зачем ты так переутомляешься, Аугуст? Ты же знаешь, что это тебе сейчас вредно. Позже... недели через две... у тебя же времени хватит... для каких угодно глупостей!

На душе у капитана Кубелика все еще было очень легко и очень радостно. Он лишь усмехнулся и ответил:

— Не сердись, пожалуйста, это, право же, мне не повредит. Скоро я опять буду на ногах... как раньше.

— Дождись сперва этого «скоро» как полагается! — сказала Айми-Ли.

— Ладно, подождем! Если ты так искренне советуешь, подождем! — сказал капитан Кубелик.

Дядя, просмотрев историю его болезни и задав ему несколько вопросов, похлопал племянника по плечу и сказал:

— Не плохо, тебя можно поздравить. Теперь все пойдет уже быстрее. Завтра сделаем очередную перевязку и как следует тебя осмотрим. Кстати, верно ли это: мне сказали, будто ты в половине шестого утра книгу потребовал?

— Верно, мудрейший, потребовал. Только это было недоразумение. Я не посмотрел на часы и решил, что уже гораздо позже, — ответил капитан Кубелик и опять улыбнулся, охваченный все тем же смутным ощущением светлого, согревающего душу счастья.

Глава восьмая

КАПИТАН КУБЕЛИК УТЕШАЕТ

Доктор Кубелик держал Антона под руку, словно и впрямь боялся, что тот убежит. Хотя глаза у дяди были печальные, он не переставая о чем-то болтал — удивительно плавно, торопливо и усыпляюще многословно; и эта плавная торопливость и ласковая, усыпляющая многословность стали навевать на Антона сон, разгонять его мысли. Опять возник противоестественный, даже жуткий образ: голос дяди состоял как бы из бесчисленного множества разноцветных мячиков, которые все кружились, кружились, кружились... и вдруг исчезли где-то в глубинах необозримого пространства...

«Я, кажется, схожу с ума... О, я, кажется, действительно схожу с ума!» — подумал Антон, испуганно и криво улыбаясь. И едва лишь он об этом подумал, как неумолкающий голос дяди вернулся из глубин необозримого пространства, проник в его сознание и снова превратился в слова, не понять которых Антон уже не мог. Доктор Кубелик засмеялся и сказал:

— Это хорошо, брат, что ты послушался меня и все же не ушел. Со своими сегодняшними делами я более-менее покончил и теперь могу пойти с тобой. Нам на днях увеличили персонал, и теперь всем стало легче дышать... Так... Вот сюда. Входи, дорогой гость, входи!

С этими словами доктор Кубелик открыл ему дверь и пропустил Антона вперед. Они вошли в палату. При виде двоюродного брата капитан Кубелик от неожиданности широко открыл глаза и дружески помахал ему рукой:

— Будь так добр, подойди поближе! — И слегка

приподнявшись, оперся на локоть и воскликнул с искренней радостью:

— Здравствуй, Антон. Спасибо, что не забыл меня! — и он протянул двоюродному брату обе потемневшие от окопной жизни руки, показавшиеся тому сегодня очень теплыми и нежными.

— Здравствуй, — ответил Антон тихо, стараясь хотя бы здесь скрыть от других свое дурное настроение; он словно невзначай положил кулаки на спинку стула, кашлянул и спросил несколько небрежно, как бы между прочим:

— Ну, как твои дела?

Айми-Ли инстинктивно поняв ребяческое намерение Антона, ответила за брата:

— Не правда ли — Аугуст сегоня уже намного крепче, чем тогда, когда ты приходил сюда в последний раз?

— Конечно... конечно... намного крепче... — заикаясь, точно виноватый, пробормотал Антон.

Капитан Кубелик засмеялся и воскликнул:

— Да, брат, это верно — я чувствую себя преотлично. — И обращаясь к соседям по палате, которые с удивленным и даже несколько обиженным выражением прислушивались к этой беседе, извинился: — Простите, что мы говорим тут о семейных делах на своем языке, — так проще.

— Пожалуйста, голубчики, пожалуйста! — сразу же ответил артиллерийский капитан Смирнов, к которому тотчас вернулось его обычное добродушие.

— Садись, садись, пожалуйста, — пригласила Айми-Ли.

Доктор Кубелик сказал капитану Кубелику — явно лишь для того, чтобы смягчить возникающую напряженность:

— Ладно, ладно, ваше высокоблагородие, не хвастайся! Сам знаешь, что рана твоя еще не совсем зажила, ты легко можешь ее разбередить!

— Чепуха, мудрейший! — возразил капитан Кубелик. — Принимая своего молодого друга, я могу принести ей только пользу.

Антон нервно заерзал на стуле, на который он успел усесться, и счел нужным еще раз спросить:

— Ну, так как же твои дела?

— Если быть совсем точным — преотлично, преотлично, как я уже докладывал, — засмеялся капитан Кубелик.

Айми-Ли спросила, наклоняясь к Антону через кровать:

— Ты успел хоть немного поговорить со...

— Да, успел, — торопливо ответил Антон, не дав ей закончить.

Но Айми-Ли сразу догадалась, что они говорят о совсем разных людях. И она уточнила:

— ... со своими двоюродными братьями, которые сегодня приехали?

— Нет, с ними не успел, — проговорил Антон с облегчением.

Капитан Кубелик многозначительно кивнул, хлопнул себя ладонью по колену и воскликнул все так же весело:

— Еще успеешь! Успеешь! Настолько успеешь, что эти разговоры тебе даже наскучат. Кстати — начиная с сегодняшнего дня, тебе не надо больше хранить тайну и ты можешь сообщить о моем пребывании в родном городе хоть самому полковнику Скобелеву Александру Мартынычу. Так как теперь я более или менее готов к бою и могу принимать добрейших посетителей не кверху задом, что неучтиво, а как полагается — с обращенным к небу фасадом. — И тут же откашлявшись, добавил с шутливым пафосом: — Итак... моя первая просьба к тебе, милейший кузен: когда вернешься домой, передай моим дорогим родителям, моему дорогому отцу и дорогой матери, что так, мол, и так... там-то и там-то лежит ваш сын-герой Кусти... ха-ха-ха! — И через мгновение продолжал прежним тоном: — А почему ты сам все это время меня избегал? Чуть ли не целую неделю о тебе не было ни слуху ни духу.

— У меня... у меня времени не было... — пролепетал Антон.

И капитан Кубелик спросил напрямик, не обращая внимания на предостерегающие сигналы, посылаемые ему дядей Хансом:

— Не было времени? Ну-ну, милейший! Не было времени навестить даже своего одноглазого сопер-

ника, из-за которого ты недавно тут так убивался? Ай-яй-яй!

— Я... я... только что... был у него... — ответил Антон, — снова прибегая к опутавшей его ненужной лжи.

Айми-Ли сказала, глядя на свои пальцы:

— Прапорщик Кяэрик тоже быстро поправляется. Скоро он сможет уже выписаться.

И доктор Кубелик, спеша уберечь Антона от новой необходимости лгать, тут же пояснил:

— Да это верно, прапорщик Кяэрик сможет скоро выписаться. Я вчера довольно долго с ним беседовал, и мне кажется, что он начал примиряться со своей судьбой. Очевидно, некоторые вещи не будут больше приводить его в телячий восторг, и он не станет отчаиваться из-за потери одного глаза, учитывая, что тогда, имея оба глаза, он мог бы потерять и голову. Из этого ты можешь заключить, как порой случайность меняет направление жизненного пути человека и пробуждает в нем совершенно новые интересы. Полковника с напояженной бородкой из него, конечно, не получится, а настоящий человек на каком-нибудь другом поприще — наверняка.

— О, мудрейший, судьбы мира и человека определяют как раз такие вот мелкие случайности, — сказал капитан Кубелик. И, как видно, желая загладить свою давешнюю оплошность, поспешил развить эту мысль. — Особенно, я сказал бы, судьбы мира! Разумеется, я не считаю, что на судьбы отдельных людей такие случайности влияют меньше. Для доказательства возьмем, кроме твоего драчливого прапорщика, хотя бы меня, вашего верного друга... Судите сами, пожалуйста: вот я лежу перед вами, и совершенно очевидно, что из меня никогда не получится ни полковника с раздвоенной бородкой, ни... ну, скажем, скорохода. И поэтому, Антон, мой дорогой юный друг...

Капитан Кубелик замолк и, словно прося совета, повернулся к дяде — он и сам понимал, что опять дал маху.

Антон хотел встать, попрощаться и уйти — в его сознании опять всплыла мысль о великом и могучем

искуплении, начать которое ему следовало сейчас же.

Доктор Кубелик, пристально наблюдавший за ним, стряхнул пепел с кончика папиросы и сделал еще одну попытку переменить разговор:

— Это верно, что толчком для больших дел зачастую становятся незначительные и случайные причины, которых мы иной раз... даже не замечаем. Маленький камешек, лежащий где-нибудь на вершине горы, чаще всего не имеет никакого значения — ни сам он, ни то, что он там лежит, — это поистине лишь случайность; и если этот камешек покатится, это тоже будет лишь пустая, слепая случайность. Однако в результате таких происходящих в случайной последовательности событий разрушаются целые селения и даже города, гибнут тысячи и десятки тысяч людей. Возьмем хотя бы эту гигантскую бойню, которая длится уже больше года, — ведь и она началась с каких-то случайных револьверных выстрелов, которые произвел какой-то случайный, наивный ветрогон, решивший, будто этими случайными револьверными выстрелами в какого-то столь же случайного эрцгерцога, в мире можно что-то изменить. Не правда ли, друзья, всего пятнадцать месяцев тому назад мы ничего не знали ни об этом револьвере, ни об этом ветрогоне, ни об этом эрцгерцоге, хотя сами по себе эти величины существовали на свете уже долгое время!

Айми-Ли сказала тихо (и трудно было понять, к чему, собственно, относятся ее слова):

— Да, это ужасно... О боже, это ужасно!..

Капитан Кубелик опять весело рассмеялся и сказал:

— Нет, мудрейший, можешь обижаться на меня, но ты ошибаешься! Сараевское событие — это ноль! Понимаешь — круглый ноль, абсолютный ноль, ноль из нулей, ноль в минус десятой степени! Из-за каких-то там дурацких револьверных выстрелов война никогда бы не вспыхнула, о нет — про них скоро забыли бы, и люди и народы давно бы успокоились, если бы я не заварил всю кашу. Да, да, да, не будем отрицать и признаем прямо и открыто: виновником этой большой войны являюсь я, пехотный

капитан Аугуст Хенрикович Кубелик, а не какой-то горячий серб, как все считают. — И говоря это, он трагически поджал губы, как человек, кающийся в грехах.

— Ах, ты? — воскликнул доктор Кубелик, — Вот это новость, чего не знал, того не знал! И каким же образом... расскажи, пожалуйста!

— Прошу тебя, Аугуст, не выдумывай опять каких-нибудь глупостей! — взмолилась Айми-Ли.

— Каких-нибудь глупостей? Да нет же! Я хочу рассказать правду, чистую правду, святую православную правду, без тени лжи или утайки! — ответил капитан Кубелик. И склонив голову, добавил, придав еще более трагическое выражение своему красивому худощавому лицу: — Судите меня, друзья, это был действительно я! Будьте справедливы и судите меня!

— Ну так объясни же, наконец, — каким образом? — воскликнул доктор Кубелик, все с той же деланной серьезностью.

Капитан Кубелик вздохнул, горестно развел руками и начал подробно рассказывать:

— М-да, значит, каким это образом... А вот каким... Вы, друзья мои, вероятно, помните, я однажды вскользь упомянул, что я стукнул господа бога березовой палкой по спине, и от этого удара он потерял заднюю половину своего священного тела, или, другими словами, — то грешное место, которое в приличном обществе и называть-то не принято... Жуткая история, не правда ли? Не случись этой истории, в мире сейчас царила бы тишь да благодать... Но... что тут долго рассуждать — эта история случилась, и теперь уж ничем делу не поможешь — ни змеиным ядом, ни порохом — сколько бы обе стороны того и другого ни потратили.

— Ого! — воскликнул доктор Кубелик и, казалось, наконец-то опять почувствовал себя в своей тарелке.

— Аугуст! Перестань! Я же просила тебя, не наговори опять каких-нибудь глупостей! — повторила Айми-Ли.

Капитан Кубелик не ответил сестре, вместо этого

он внимательно покосился на Антона, увидел, что тот все еще не смеется, и продолжал:

— Да, поверьте мне, я не могу больше нести свое бремя — я должен перед вами исповедаться. И когда я выскажу вам все, что у меня на душе, вы вынесете мне приговор, какой вам подскажет ваша совесть! Я повторяю с полной серьезностью, мои друзья и братья, — эта война наверняка не разразилась, если бы у милосердного господа было время ей воспрепятствовать. Ибо кто, кто из нас осмелится утверждать, что он, всемогущий и всесильный, допустил бы подобные вещи сознательно, либо по непозволительной небрежности? Он, который не причинит зла даже былинке в поле, даже птичке в поднебесье?! Он, без воли которого даже жалкий воробей не упадет с дерева?! Нет, о нет, ни за что он не допустил бы ничего подобного, не случись эта дурацкая, эта сверхдурацкая, эта... эта архидурацкая история, о которой я расскажу вам теперь со всеми подробностями. А заключалась эта архидурацкая история вот в чем. ... Однажды, странствуя по свету, господь бог в виде прелестной стрекозы залетел на склад знаменитой Вальдгофской бумажной фабрики в городе Пярну и очутился от меня в пределах досягаемости; я размахивал в это время березовой палкой, и так как я не умел отличить всемогущего от простой стрекозы, то и угодил прямо по нему. Раз — и пополам! Я еще так ясно помню, как он, извиваясь, полетел дальше... Я же, тысячекратный злодей, затоптал отвалившуюся часть его тела в песок... и продолжал размахивать своей палкой. А сам при этом мечтал. Да! А о чем я мечтал?! О войне! Да, друзья и братья, выслушайте мое признание: я мечтал — о войне! Так оно и случилось — господь бог не сразу нашел в песке свой потерянный зад, он потратил на его поиски слишком много времени и не заметил, как мы, мечтавшие о войне, успели вцепиться друг другу в горло; а когда он, в конце концов, нашел его, было уже поздно! Не правда ли, друзья, из этого явствует, что именно я являюсь тем человеком, на чьей душе лежит ответственность за бесчисленные жертвы, что покоятся в земле, укрытые шинелями, с раздробленными конечностями?

— О-о! — воскликнул доктор Кубелик и тоже покосился на Антона. Но вдруг его хорошее настроение улетучилось: последние слова раненого племянника показались ему неуместными, они словно оскорбляли или обижали кого-то.

Айми-Ли, угадав ход мыслей дяди, покраснела и воскликнула:

— Аугуст, я ведь просила тебя! Нельзя же... нельзя же... надо всем смеяться!

— Знаю, знаю! — сказал капитан Кубелик. — Но я не мог больше носить это бремя в своей душе, я должен был вам во всем признаться. — И пересказав эту историю для своих соседей по-русски, он продолжал под веселый раскатистый смех приятелей: — Кстати, я думаю, что никто из вас не представляет себе, как эта жуткая история меня все время мучила! Сердце у меня все ныло и ныло... хотя я долго не мог понять, почему, собственно, оно ноет. Одно время я думал было, что это страх перед смертью, что я боюсь за свою жизнь, но как-то ночью, когда я, лежа в своей земляной берлоге, сомкнул ненадолго глаза, мне приснилось, как господь бог летает здесь, в нашем городе, все в виде той же разрубленной пополам стрекозы, ища свою пропавшую заднюю часть. И тут-то я и понял, почему он не помешал войне и дал ей так затянуться. Знаешь, мудрейший, когда ты иной раз поругиваешь его за мнимое бессилие или беспомощность, ты допускаешь по отношению к нему жестокую несправедливость, — разве это он, наш всемогущий Творец, виноват, если мы в наглости своей ежеминутно отрываем его от тех благих намерений, которые он имел в отношении нас? Вот так-то, братья и друзья мои, разве эта история не наглядный пример того, от каких пустяков зависит иной раз судьба великого мира? Будь я в то утро более мягко настроен, или не будь у меня в руках березовой палки, или не заметь я этой стрекозы, чей образ принял наш всемогущий Отец, заигрывая с какой-то стрекозихой... или промахнись я просто-напросто!.. Но, как назло, все перечисленные возможности в то утро отпали, осталась та единственная, о которой я вам тут сейчас рассказал...

— Вот оно что, значит, вот как обстоят дела! — проговорил доктор Кубелик.

— Аугуст! Перестань же, наконец! — взмолилась Айми-Ли.

Доктор Кубелик становился все рассеянее — казалось, он испытывал мучительную потребность сосредоточиться. И помедлив, он сказал:

— Ну, что ж, так оно и есть. В эти дни испытаний даже самая безумная фантазия выглядит беспомощным жонглированием...

— Да, как видишь, даже я начал понимать всю бесспорность этой истины, — кивнул капитан Кубелик, тоже становясь серьезным.

Антон криво усмехнулся, встал и вышел, не сказав ни слова.

Когда он шагал по длинному, тихому коридору, ему опять показалось, будто он видит очень запутанный и нудный сон, который никак не может кончиться.

Он так крепко стиснул зубы, что зашумело в ушах и мышцы щек свело судорогой.

Глава девятая

АЙМИ-ЛИ ЗАЛИВАЕТСЯ СЛЕЗАМИ

После ухода гостя в палате на некоторое время воцарилась гнетущая тишина — старый врач задумчиво смотрел в окно, капитан Кубелик грыз мундштук папиросы, Айми-Ли по-прежнему казалась глубоко озабоченной. Снегопад за окном все усиливался, ветер опять пронесся по жестяному водосточному желобу на крыше, и этот жестяной желоб загудел каким-то низким, грубым голосом: уху-у, ууу, уху-у! Артиллерийский капитан Смирнов принялся рассказывать поручику Афанасьеву про свои веселые любовные приключения. «Что же, валяйте, господа, в конце концов в каждом из нас имеется доля кокетства!» — думал доктор Кубелик, прислушиваясь к рассказам офицера с кривой шеей.

— Так, так! — проговорил капитан Кубелик, словно подтверждая мысли своего лысого дядюшки.

— Бедный, глупый мальчишка! — вдруг тихо сказала Айми-Ли.

— Точ-но, похоже, таков он и есть, этот юнец! — кивнул доктор Кубелик. Затем опять наступило долгое молчание — все, казалось, внимательно слушали. Шаги Антона давно затихли, затем вдруг громко хлопнула наружная дверь. — «Так, так, значит, теперь он вышел на улицу, этот попавший в беду человек, как видно, не способный пока понять ни причины своих несчастий, ни их подлинного характера», — подумал доктор Кубелик. А капитан Кубелик, не в силах больше выносить воцарившееся в комнате гнетущее молчание, вдруг беспокойно заворочался и пробормотал, ни на кого не глядя:

— Стало быть, он все никак не может отделаться от дурацкой мысли, что это именно он выколол вилкой глаз прапорщику Кязэрику?

— Нет, от этого страха он, слава богу, избавился, — пробормотал доктор Кубелик, качая головой.

— Мне его так ужасно жалко, что... — прошептала Айми-Ли.

Молчание.

Капитан Кубелик недовольно поморщился, все еще продолжая грызть мундштук папиросы. Положив на ночной столик книгу, которую он от нечего делать перелистывал, он спросил, немного погодя:

— Да? Но какого же дьявола он тогда так мучается?

— Потому что таких страхов у него в запасе еще несколько, — ответил доктор Кубелик.

И Айми-Ли, вздрогнув, словно от внезапного порыва ветра, прошептала опять:

— Последние две недели он почти каждый день приходит сюда... и, по-видимому, все с одной и той же целью. Видно, и сегодня смелость покинула его: он опять ушел, так и не посетив того, ради кого сюда явился.

Капитан Кубелик, у которого вдруг опять — по-видимому, от волнения — разболелась рана, лег на живот и, коснувшись пальцами пола, почувствовал неприятную шероховатость стертого дерева. Все еще недовольно морщась, он сказал, обращаясь к сестре, которая, казалось, ждала, как он отнесется к ее объяснению:

— Вот что? А у меня создалось совсем другое впечатление — мне показалось, что он зашел сюда именно после этого тягостного визита.

— Вот-вот, как раз такое впечатление он и хотел произвести, — пожал плечами, заметил доктор Кубелик. И закулив папиросу, он вдруг ощутил сильную потребность говорить, что-то кому-то объяснять. Он встал, раза два прошелся взад-вперед по комнате и заговорил, время от времени слегка запинаясь: — Да, Айми-Ли права — ниоткуда он не пришел, он сегодня даже не дошел до двери той палаты! А вы только представьте себе, что значит для такого чувствительного человека, как Антон, лгать и в то же время понимать, что окружающие отлично все видят.

Капитан Кубелик явно утомился. Убедившись, что ни дядя, ни сестра уходить пока не собираются, он спросил, наконец, не скрывая усталости:

— А как же, собственно, все это произошло — действительно ли ваш прапорщик Кяэрик сам себя покалечил, или этот роковой удар ему все же нанес... кто-нибудь из молодых Кубеликов?

— Конечно, один из молодых Кубеликов! — уверенно ответил дядя. — Я еще раз осмотрел сегодня его рану. На нижнем веке отчетливо виден след глубокого пореза, которого не могли произвести ни сучок, ни вилка. Клара рассказала мне вчера всю эту нелепую историю. Да, безусловно, за свою пожизненную инвалидность прапорщик Кяэрик должен благодарить одного из нас, Кубеликов, но это все-таки не Антон! — закончил он, безо всякой причины вдруг рассердившись.

— А кто же это, если не Антон? — спросил капитан Кубелик, снова почувствовав нарастающий интерес к этой беседе.

— Это ваш брат Кунц! — сказал доктор Кубелик.

— О-о, Кунц? — воскликнул капитан Кубелик.

— Да, Кунц! — кивнул дядя.

Айми-Ли тихо заплакала — казалось, она все время ожидала чего-то в этом роде. Хотя она изо всех сил старалась сдерживаться, рыдания так и рвались из нее. И так как артиллерийский капитан Смирнов и поручик Афанасьев, заметив это, сразу насторожились, она выбежала из палаты, закрыв руками лицо.

Капитан Кубелик некоторое время прислушивался к удаляющимся шагам сестры, затем сказал, выговаривая слова очень медленно и задумчиво:

— Черт побери, вот это новость! Молокососы, которым следовало бы еще читать Жюль Верна... или истории «Кожаного чулка»... уже сводят счеты с ножами в руках, точно самое настоящее жулье! По-видимому, мудрейший, ты прав — когда лавина движется, мы не в состоянии определить ее размеры. У нас в тылу жизнь стала совсем какая-то диковинная!

Доктор Кубелик потушил папиросу о дно пепельницы, встал и печально махнул рукой.

— Диковинная? — медленно переспросил он. Ты, ваше высокоблагородие, употребил неподходящее слово. По-моему, положение создалось не диковинное, а просто... мерзкое.

— Да, пожалуй, ты прав, это мерзость. Культура, мораль, цивилизация — выходит, все это лишь внешняя лакировка, а стоит измениться обстановке, как этот лак трескается и выпускает на волю рыкающего троглодита, которому на все наплевать, — в раздумье проговорил капитан Кубелик. — Когда-то я был ослеплен мыслью, что героический поступок есть оправдание и цель всех решаемых при помощи оружия спорных вопросов, а дело, оказывается, куда проще! Убийство, как видно, было некогда вполне естественным делом как в борьбе за жизнь, так и в борьбе за удовольствия. И всем нам достаточно малейшего толчка, чтобы оно опять стало таким же естественным делом. И не только убийство, а и прочие безобразия; человеку достаточно лишь оказаться в соответствующей среде и обстановке.

— Так... значит теперь ты, наконец, видишь и понимаешь, как совершается это проповедуемое тобой обновление крови народов и расходование избытка их духовных сил, о чем ты так красиво рассуждал минувшим летом, — сказал доктор Кубелик.

Капитан Кубелик кивнул в знак согласия.

— Да, как ты, очевидно, давно уже заметил, теперь я, наконец, вижу, и понимаю, — ответил он. — В ту пору, когда я провозглашал эти мудрые истины, я был такой же сапог, как и остальные. — И вдруг добавил, после минутного раздумья: — Кстати, столь же ошибочными были и твои принципы, мудрейший.

— Мои? Вот как? — доктор Кубелик с легким изумлением поднял брови. И протянув племяннику свою неестественно белую от бесконечного мытья, набрякшую ладонь, добавил с какой-то жалобной, вымученно бодрой улыбкой: — Доказательства, ваше высокоблагородие, доказательства!

— Доказательства? Ну что ж! — ответил капитан Кубелик, пожимая плечами. — Было, к примеру,

время, когда ты, как и всякий передовой человек, щеголял своим свободомыслием и отрицанием так называемой общепринятой морали... все равно в каком виде и каким образом... Ты ведь сам помнишь это время, не так ли? А теперь, мудрейший, когда это отрицание морали и свободомыслие приняли массовый характер и угрожают твоему собственному покою, ты указуешь перстом: «Смотрите, какое свинство — такой-то нарушает священную супружескую верность, такой-то спит с солдаткой, делает ей детей! Так что... и для свинства нужна свободная от свинства обстановка, в которой можно было бы после свинства отдохнуть, набраться сил для... нового свинства...

Доктор Кубелик попробовал опять улыбнуться, затем медленно опустил вытянутую руку и густо покраснел. Его первым порывом было ответить на резкость резкостью, но затем он передумал и только пожал плечами. И лишь спустя какое-то время сказал, заложив руки за спину и покачиваясь на носках:

— В какой-то мере ты, безусловно, прав, не спору. Все то, о чем ты тут недавно говорил, случилось и в мирное время и, очевидно, будет случаться и в будущем. Но в мирное время такие вещи встречались и будут встречаться все же как исключение, а не как общепринятая норма поведения. Если подобные мне повесы совершают глупости, остальному миру от этого ни жарко ни холодно, но если остальной мир сам, то есть подавляющее большинство, совершает глупости, то уж...

Он не закончил фразы, в волнении пожал плечами и снова потемнел от ударившей в голову крови.

Капитан Кубелик сказал резко, сердито и даже враждебно, косясь на дядю из-под опущенных век:

— Еще бы. Я ведь понимаю, я понимаю.

Молчание.

— Мне кажется, я утомил тебя, ваше высокоблагородие, — заявил доктор Кубелик, словно вдруг спохватившись.

— Да, я устал и... хочу спать, — сказал капитан Кубелик, но опять оживился, приподнялся на локте и заговорил, не спеша: — Кстати, мудрейший, очень

может быть, что моя теория, будто убийство это естественный инстинкт человека, тоже... всего лишь глупость. В последние месяцы на фронте распространялось довольно много тайных листовок, в которых говорилось, что войны обуславливаются совсем другими факторами. Тебе случалось видеть эти тайные листовки?

— Случалось, ваше высокоблагородие, случалось, — кивнул доктор Кубелик, затем, словно извиняясь, похлопал друга по плечу и вышел из палаты. Ему стало вдруг мучительно стыдно — разве это напоминание о его прошлом циника не было ему настоящей пощечиной? Он осторожно прикрыл за собой дверь и почувствовал, что руки у него влажные и горячие, а лоб покрыт мелкими капельками пота. И вдруг ему показалось, будто его где-то ждут, и он должен очень спешить, чтобы не опоздать самым роковым образом.

Доктор Кубелик прошел в свой кабинет и сел за стол, подперев руками голову. И невольно прислушался: он был в комнате не один, здесь присутствовал еще кто-то. И этот кто-то плакал. Когда доктор Кубелик оглянулся, он увидел на стоящей за ширмой кушетке ноги и край белого передника, который непрерывно вздрагивал, словно его дергали чьи-то невидимые, безжалостные пальцы.

Доктор Кубелик повернулся на стуле и, не вставая, спросил ласково:

— Это ты, Айми-Ли?

— Да... да... это я, — слышалось сквозь рыдания.

— Что с тобой?

Молчание.

— Сестра, ты ведь слышишь меня — что с тобой? — повторил доктор Кубелик.

Только теперь Айми-Ли нашла в себе силы пролепетать чуть более внятно:

— Нет... нет... ничего... Нет... ничего.

— Как же так — ничего! Говори, говори, — сказал доктор Кубелик, теряя терпение.

Но Айми-Ли еще сильнее разрыдалась, и он, наконец, встал и подошел к ней. Девушка лежала, как-то беспомощно подогнув ноги и уткнувшись лицом в

подушку. Ее маленькое тело сотрясилось, будто от судорог, ноги дрожали, видневшиеся из-под волос мочки ушей горели как в огне.

Доктор Кубелик не унимался:

— Ну, говори, говори же, черт возьми! Что с тобой, говори!

— Ни-чего... — пролепетала Айми-Ли.

Молчание.

Доктор Кубелик, сгорбившись, опустился на край кушетки — хотя он еще и понятия не имел, в чем дело, эта страдальца возбуждала в нем глубокое и искреннее сочувствие. И вместе с тем ему хотелось встать, зажать руками уши и уйти. Он подумал, все более мрачней, — ведь не обязан же я, в конце концов, страдать со всеми страдальцами, ныть со всеми нытиками. «Если мир сошел с ума, неужели все должны бросаться на землю друг подле друга и выть — кто громче?» — сердито подумал он.

Он вдруг встал и принялся обеими руками стаскивать с себя халат, чтобы переодеться; при этом он сильно ударился коленом о стул. Боль от удара вернула его к прежнему состоянию — в нем опять проснулась столь присущая ему мягкость и нежность. И подойдя к стоящей за ширмой кушетке, он сказал, стараясь успокоить девушку:

— Ну, детка, это уж никуда не годится! Довольно, ну-ну, довольно! Уж не я ли своими дурацкими разговорами так тебя расстроил? А, сестрица?

— Нет... нет, дядя! — пролепетала Айми-Ли.

— Скрываешь, сестрица? — спросил доктор Кубелик.

— Нет... не скрываю... — пролепетала Айми-Ли.

Молчание.

Доктор Кубелик спросил опять:

— Неужто я в самом деле ничем не могу тебе помочь?

— Не можешь... дядя... не можешь! — ответила Айми-Ли.

И доктор Кубелик сразу же ушел. Походкой усталого старика пошел он по коридорам, поднял воротник пальто и невольно улыбнулся: странно, все хотели сегодня от него отделаться — сперва Антон, затем раненый племянник, а теперь эта добрая

девушка, которую он за последние месяцы успел по-настоящему полюбить. «Ну, что ж, они имеют на это полное право, весьма возможно, что я со своей жалостью и сочувствием зашел слишком далеко!» — не без грусти подумал он и направился к ведущей на первый этаж главной лестнице.

Приближался обеденный час. Сиделки проходили мимо него, толкая перед собой низкие тележки с посудой, — резиновые шины колес чуть слышно шуршали.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

КАЮЩАЯСЯ ГРЕШНИЦА

Кубелики уезжали со станции.

Госпожа Эмилия сидела в самой последней пролетке между Рондольфом и Эрикой. Погруженная в свои тяжелые мысли, она глядела на квадратный затылок извозчика, на его потертый воротник, на мохнатую шапку, из-под которой торчали большие, грязные уши. Лошадь бежала рысцой, высоко разбрасывая комья снега. До госпожи Эмилии доносились громкие выкрики деверя Мартина, гулкий смех капитана Максима Мартыныча, монотонный, спокойный голос подполковника Кубеляева-Скобелева, который, казалось, беспрерывно что-то объяснял, рассказывал или констатировал. Вдоль улицы серыми волнами неслась поземка — казалось, это пробегали приземистые, резвые звери — они исчезали или робко прижимались к земле, стоило к ним только присмотреться.

Через несколько минут быстрой езды (ведь чаевые делают чудеса!) они домчались до угла улицы, на которой жили. Круто свернули налево. Деверь Мартин становился все громогласнее, и из-за оголенных парков ему отвечал теперь бурный залив, отчаянно штурмующий берег.

Эрика, прижимаясь к матери, спросила шепотом: — А мы тоже... пойдём к дяде Хенрику?

Госпожа Эмилия вздрогнула, отрываясь от тяжелых мыслей, перевела взгляд с серого неба на свои сжатые колени. В последние дни она стала очень рассеянной, и этот неожиданный вопрос смутил ее — ей показалось, будто ее застали за чем-то нехорошим, и ей остается лишь громко заплакать и попытаться все отрицать. Густо покраснев, она принялась нервно теребить пуговицу пальто, дергала ее,

крутила и, наконец, немного овладев собой, протянула сильным от холода голосом:

— К дяде Хенрику? Нет, милая, туда мы пойдём... попозже. Ведь гости устали и хотят отдохнуть. Попозже... попозже — да, непременно!

— Когда попозже? — разочарованно спросил Рондольф.

— Вечером, ну... когда же ещё! — ответила госпожа Эмилия.

— Ве-ечером! — плаксиво пробормотала Эрика.

И госпожа Эмилия, которую это невинное возражение почему-то обидело чуть не до слез, воскликнула дрожащим голосом:

— О господи, какие же вы упрямые! Хоть бы подумали — с кем, с кем вы так разговариваете! Со своей матерью! Сами учитесь в школе, хотите стать образованными, а родителей уважать не умеете!

Вскоре они доехали до ворот своего дома, госпожа Эмилия велела извозчику остановиться, расплатилась с ним, ступила в глубокий снег и хотела сразу же открыть калитку. Но перед калиткой намело невысокий сугроб, и женщине пришлось навалиться на нее всей тяжестью своего тела. Хотя госпожа Эмилия старалась не смотреть по сторонам, она все же видела краем глаза, как остальные родственники, сойдя с пролеток, веселой гурьбой, тесня и толкая друг друга, повалили в дом.

В глубине души она опасалась, как бы они не окликнули ее и не позвали с собой, однако, когда этого не случилось, почувствовала горькое разочарование. Крупные хлопья снега били ее по лицу — по лбу, по носу, по щекам, по надбровным дугам. Несмотря на все ее усилия, калитка не поддавалась. Госпожа Эмилия начала тихонько всхлипывать и отвернулась, стыдясь детей, которые, стоя у нее за спиной, сразу насупились.

— Калитка... калитка... так разбухла, что не... — пробормотала она.

И Рондольф вдруг буркнул с жестоким злорадством, отчего на душе у матери стало еще горше.

— Эх-хе, ха-ха-ха... Калитка вовсе не разбухла, калитка просто на крючке!

— На крючке? — переспросила госпожа Эмилия и убедилась, что и впрямь занимается пустым делом, — калитка действительно была на крючке.

Все так же, опустив голову и плечи, госпожа Эмилия, словно оскорбительный тон сына больно стегнул ее, поспешила в дом и повесила покрытое снегом пальто в передней на вешалку; она всеми силами старалась успокоиться. Дети, которые с радостью побежали бы к дяде Хенрику, чтобы послушать рассказы об увлекательных приключениях приехавших на побывку героев, стали молча подниматься по лестнице. Старый деревянный дом скрипел и трещал под порывами пляшущего на крыше ветра и бьющей в стены и окна метели. Пауль с шумом хлопнул парадной дверью, вошел, присвистнул, сделал даже несколько па — он был в приподнятом настроении — да, черт побери, ведь и он офицер, ведь и его в любую минуту могут послать на передовую, и там, на передовой, он тоже сможет дослужиться до высоких чинов! Мать, возмущенная этой, столь неуместной, по ее мнению, веселостью, сразу же одернула своего первенца:

— Прошу тебя, опомнись, и о чем ты только думаешь! Точно мужик какой-нибудь... Не забывай, что отец болен... может быть, спит сейчас. Ты что же, хочешь своим шумом убить его... г-глупый мальчишка!

— Пардо-он, мада-ам! — сказал Пауль и беззаботно осклабился — он только вчера узнал от Кунца, какие в их семье разыгрываются любовные истории, и теперь держался с матерью высокомерно и пренебрежительно: — «Ха-ха-ха, ишь ты, человеку уже на тот свет пора, а ему еще райские утехи подавай!»

Госпожа Эмилия отвернулась от наглого юнца, горестно поджала губы и попыталась разыграть перед самой собой и перед детьми полное безразличие. Однако из этого ничего не получилось, она и сама поняла, что из этого ничего не получилось.

Затем госпожа Эмилия прошла через зал — робко, на цыпочках — тихонько толкнула дверь в спальню и заглянула в нее. Да, они оба уснули — больной в

своей постели и сиделка в своем кресле. В блеклом свете осеннего дня Эмилия увидела пылающие скулы Юстуса, его ввалившиеся глаза, круглый кончик приплюснутого носа, и сегодня густо осыпанного бисером пота, клок белой бороды, шевелившийся при дыхании. Воздух был пропитан запахом лекарств, давно не мытого тела, сваренного на сливках какао, недопитая чашка которого стояла на свободном стуле. Комнату наполняло душное тепло, характерное для помещений, в которых лежат больные, и это тепло в один миг напомнило госпоже Эмилии последние часы ее обоих умерших младенцев. И уже не в силах больше сдерживаться, она отдалась во власть сладких утешительных слез, которые, казалось, хлынули из всего ее тела, даже из пальцев сжатых узкими ботинками ног. Через минуту, немного успокоившись, госпожа Эмилия, стараясь не производить ни малейшего шума, побрела к софе и легла ничком на ее подушки. С чувством жгучей жалости к себе она думала: итак, она всего лишь достойная презрения, безнравственная женщина («Бедная, бедная Мария Магдалина!» — беззвучно прошептала она); ей следует поставить точку над своей жизнью и покончить с собой; ей уже никогда нельзя будет появиться в порядочном обществе, даже в храм божий нельзя будет пойти, ибо этим она оскорбит самого господа. Постепенно, шаг за шагом перед ее мысленным взором прошла вся некрасивая история, в которую она впуталась, — от самого ее начала до ужасного, катастрофического конца — история, которая мучила ее уже четвертый день и которую она еще ни разу не осмелилась обстоятельно продумать. Госпожа Эмилия снова видела, как она тайком взбирается по грязной деревянной лестнице, спеша к своему любовнику, как грешит с ним («О-о, бесчисленное множество раз!»); как она, счастливая, выходит на улицу и, сделав большой крюк, торопливо возвращается домой. Все, что она там вытворяла, все подробности, которые она прежде сразу же забывала, возникали теперь перед нею с поистине пугающей ясностью — как тогда, в тот самый момент, когда это происходило... изо дня в день, из недели в неделю... короткий отрезок жизни,

повторявшийся точно и неизменно, как восход и заход солнца.

Всю свою низость госпожа Эмилия видела сейчас словно при ослепительно ярком свете, и чем отчетливее она ее видела, тем отвратительнее сама себе казалась: старая женщина, способная своим запоздалым сластолюбием вызвать в окружающих одно лишь омерзение. Она всхлипнула, проглотила слюну, заохала, ломая руки. Да, да, да, только теперь, когда ее чуть ли не силой вернули на путь истинный, она осознала подлинные размеры своей вины; но так как поняла она это слишком внезапно, то никак не могла вновь найти утраченное душевное равновесие! Сердце у нее ныло, не переставая, она едва не теряла сознание, она и не пыталась себя оправдать, она лишь надеялась на прощение.

Терзаясь угрызениями совести, госпожа Эмилия ни на минуту не сомневалась в том, что рано или поздно Юстус узнает об этой глупой истории и, как безжалостный судья, призовет ее к ответу. Она не обладала особенно поэтической душой, нет, этого о ней не скажешь, но тем не менее она не могла отделаться от некоторых чрезвычайно волнующих образов: озверевший от ревности муж, в ярости воздев руки, стоит посреди комнаты, готовый все разметать и разрушить, а она, несчастная грешница, лежит перед ним во прахе, готовая с благодарностью принять самую жестокую кару! Эти сладостно волнующие образы и сегодня еще долго преследовали ее. Госпожа Эмилия снова и снова принималась всхлипывать, затем встала и подошла к окну, надеясь, что прохлада, исходящая от больших стекол, освежит ее.

Госпожа Эмилия довольно долго стояла, не двигаясь, и смотрела на безлюдную улицу. Слезы, застилавшие ей взор, несколько искажали картину, придавая ей такую же расплывчатость и зыбкость, какую бедная женщина ощущала сейчас в своей душе, в своем теле. Верхушки старых деревьев, окутанные серой дымкой метели, утратили ясные очертания; дощатый забор вдоль тротуара время от времени словно задумывался, казался то светлее, то темнее; синие громады туч в высоком небе слились в одну, затянув весь видимый мир сплошным скорб-

ным покровом, который временами опускался почти до самых крыш, и тут же вновь медленно поднимался. Начиналась оттепель, как это всегда бывает в метель, и мокрые хлопья снега, гонимые непрекращающимся южным ветром, порой, казалось, летели ей прямо в глаза — холодные и приятные... даже в воображении...

Когда служанка Хенрика, держа над головой зонтик, прошла мимо дома и с любопытством покосилась на окно, бедная грешница боязливо отступила в глубину комнаты и лишь украдкой поглядывала оттуда на улицу. Ей казалось, будто ее могут сейчас увидеть даже сквозь плотные занавески, даже сквозь толстую каменную стену — ее душу, которая томится и горит словно в адском пламени, ее тело, безнадежно погрязшее в трясине греха... Госпожа Эмилия поспешно вытерла уголком шали глаза, на цыпочках подбежала к шкафу и спряталась за него, прижав палец к губам, точно набедокуривший ребенок. Она немного успокоилась лишь тогда, когда эхо шагов за окном давно уже смолкло, когда улица стала по-прежнему пустой и заброшенной, безлюдной и холодной, оживляемой лишь печальным завыванием ветра и все усиливающейся вьюгой.

И тогда порыв отчаяния прошел: госпожа Эмилия перестала всхлипывать, на душе у нее стало гораздо легче, окружающий мир с его жизнью уже не казался ей таким черным, как всего лишь минуту назад. Госпожа Эмилия раза два потянула носом, глубоко вздохнула, прошла раз-другой по комнате — от двери к окну, от окна к двери. Лицо ее горело, и она вдруг забеспокоилась, что на нем выступят пятна и прыщи, как всегда после таких волнений. Тяжело переваливаясь, она подошла к туалетному столику, внимательно поглядела на свое отражение в зеркале, стерла с щек следы слез, затем открыла небольшую стеклянную витрину и начала передвигать фарфоровые статуэтки — ставила их то туда, то сюда, выбирая для каждой наиболее подходящее место. Два гномика опрокинулись, и она поспешила осторожно поднять их, но руки у нее все еще дрожали, и поэтому в шкафчике лишь прибавилось беспорядка.

Опять тихонько заплакав, но уже без особого отчаяния, госпожа Эмилия положила на мягкую ладонь розовощекого, изображенного в парящей позе ангелочка, поглядела на него, медленно покачала на руке вверх-вниз и... вдруг продекламировала первую строфу из ужасной «Песни об адских муках», которая так мучила ее прошлой ночью:

«Когда тебя черти терзают
И с места на место бросают,
И грызут тебя точно псы...»

И затем сразу же вторую строфу, которую она сочинила сама, так как подлинные слова песни давно уже улетучились из ее памяти, оставив там лишь смутный след:

«На душе твоей тяжкое горе,
Твоя плоть превратилась в тлен,
Руки, ноги твои отмирают...»

И вдруг бесцельно блуждающая мысль госпожи Эмилии опять больно обожгла ее. Она с завистью представила себе своих счастливых сограждан, которые после смерти попадут на небо и станут там ангелами... Эти счастливцы обретут вечность и будут продолжать жить — чистые душой и девственные телом, точно белые агнцы, между тем как она... «Да, да, да, между тем как она, на радость злым чертям и в наказание за земные утехы должна будет своим грузным телом ублажать самого сатану! И упав в приливе горя на колени, госпожа Эмилия вдребезги разбила об угол шкафа голову фарфорового ангелочка и, судорожно всхлипнув, громко запричитала: «Господи, господи, прости несчастную рабу свою! Только тебе одному хочу я принадлежать и... и... только самого Агнца хочу быть вечно невестой...»

Этот жгучий порыв экстаза, наполнивший ее тело чувством, похожим на плотскую радость, был прерван мелкими шажками — кто-то вошел в комнату и теперь приближался к ней сзади. То была служанка — добрая женщина, буквально тающая от горячего сочувствия. Набожная женщина уже

довольно долго подглядывала в замочную скважину и, по-своему оценив обстановку в доме, вошла, полная решимости предложить хозяйке свою христианскую, сестринскую помощь. Выговаривая слова как-то нараспев, с умильными руладами, как умеют говорить проповедники лишь той секты, к которой она принадлежала, служанка сказала:

— Милая, дорогая барыня, возлюбленная сестра моя во Христе... не надо так убиваться! Вот увидите, что господь всемогущий, отец наш небесный поможет нашему доброму барину поправиться!

Госпожа Эмилия послушно позволила усадить себя на диван.

— Вы молились сейчас, барыня? — спросила благочестивая служанка.

— Да... я... я... молилась, да... я сейчас... — ответила госпожа Эмилия, всхлипывая.

Служанка пальцем смахнула с дрожащего второго подбородка хозяйки несколько слезинок («Ну и манеры, прости господи!») и добавила все тем же смиренным тоном:

— Я сама... все мы, кто собирается в храме нашем, молились за нашего барина. Он обязательно выздоровеет, тому уже немало примет, барыня... возлюбленная сестра моя во Христе. — И она сразу же вышла из комнаты, так как приближалось время обеда и надо было торопиться.

Госпожа Эмилия снова осталась одна. Она вообразила себе, что и впрямь молилась, и что во время этой молитвы господь укрепил ее душу, пролил бальзам на ее болящие раны. Продолжая сидеть, смиренно согнувшись, она время от времени вытирала мокрые глаза, проводила пальцем по мокрому носу и вдруг опять как-то не к месту подумала о своей наружности. Сразу же устыдившись этого и покраснев, она убрала за ухо упавшую на лоб прядь волос, водворила на место выбившийся роскошный гребень из слоновой кости и затем легла на бок, подняв на диван и ноги...

Молча полежав так, она вскоре почувствовала себя хорошо и уютно — нежданные слезы словно умыли ее — смыли излишнюю остроту мыслей, сгладили их болезненные бугорки. Глаза ее сладко сомкну-

лись, и она невольно предалась воспоминаниям, которые всплывали в ее сознании, сменяясь, точно картинки в книге.

В конце концов она захотела спать, однако уснуть ей не удалось — любопытная служанка, делая вид, будто должна прибрать в зале, все приходила и уходила. И пока госпожа Эмилия, совершенно разбитая, лежала на диване, ее вдруг беспокоила совсем уже земная проблема, оттеснившая в сторону все прочее: отдаст ей деверь Ханс полученные от господина Нярепа деньги или вручит их Юстусу, чтобы тем самым придать своему обвинению больший вес?

Служанка опять вошла в комнату и, остановившись на минутку возле дивана, спросила:

— Ну как, барыне теперь немного лучше?

— Да, благодарю вас, мне теперь действительно гораздо лучше, — ответила госпожа Эмилия кротким и жалобным голосом.

Заботливая служанка сказала с материнской нежностью:

— Я приготовлю барину малинового чаю. Если и вам угодно, я заварю побольше...

— О да... пожалуйста! О-о, прошу, прошу вас! — пробормотала госпожа Эмилия. — Или... может быть, найдется... что-нибудь покрепче... и поесть чего-нибудь! — добавила она, и впрямь почувствовав вдруг аппетит.

Служанка вскоре вернулась с чашкой какао и двумя бутербродиками. Госпожа Эмилия села и сразу же принялась за еду. Служанка держала тарелку, вздыхала, горестно закатывала глаза, всячески выказывая готовность в любую минуту прийти барыне на помощь.

Когда чашка опустела, госпожа Эмилия снова прилегла, испытывая удовольствие от приятного тепла, постепенно разлившегося по всему ее телу. И снова подумала о деньгах, об этой довольно крупной сумме, которую боялась потерять. Она могла бы хоть сегодня пойти к деверю и просто-напросто попросить его вернуть их ей — и в самом деле, почему бы нет? — Однако немного погодя она придумала нечто более остроумное, нечто такое, что, возможно, смыло бы с нее всякую вину: надо рас-

пустить слух, будто господин Няреп ее близкий родственник, ну, скажем, двоюродный брат! И вытаскивая кончиком языка застрявшие в зубах крошки хлеба и кусочки ветчины, она улыбнулась, уже преисполненная надежды, что в конце концов все уладится. Затем, положив ладонь под щеку, она снова закрыла глаза — сон совсем сморил ее.

Но служанка еще раз помешала барыне своей неумеренной заботливостью. Она приоткрыла дверь и шепотом, чуть слышно спросила:

— Барыня... вам теперь... совсем хорошо?

— Да, спасибо, теперь мне действительно совсем хорошо, — ответила госпожа Эмилия, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не разразиться бранью.

— Вы бы подремали немного... — прошептала служанка. — Я разбужу, если барин про вас спросит.

— Да... спасибо... я попытаюсь... хотя не думаю, чтобы... — ответила госпожа Эмилия.

Но едва заботливая сектантка закрыла за собой дверь, как госпожа Эмилия тотчас же уснула. Она словно погрузилась в мягкое, слегка покачивающееся воздушное течение, которое, кружа, понесло ее вперед. Да, она летела — она была ангелом, — а господин Няреп был ее двоюродным братом и летел вместе с ней... и она в глазах всего света была теперь такой же чистой, как прежде. Сперва она не видела поблизости ни одной души, вокруг царила лишь вьюжная мгла, но потом все мало-помалу приобрело очертания и сделалось видимым. Они кружили над многолюдными улицами, господин Няреп, ее добрый кузен и дорогой возлюбленный, все время парил рядом с ней; они где-то приземлялись, входили в бесчисленное количество дверей, поднимались по высоким, крутым лестницам, оказывались в бесчисленных просторных комнатах, целовались там, лежали, предаваясь греху, пока в конце концов не очутились в большом, ярко освещенном зале, где она начала держать речь. Вдоль стен зала высились груды разноцветных свертков с подарками — их скоро должны были разослать по фронтам — героям, защищающим родину. И она, устроительница и глава всего этого, в пламенных выражениях говорила о

готовности к самопожертвованию, которую каждый должен носить в своем сердце, о стремлении к подвигам, которые должны всех вдохновлять, о страданиях, которых не следует избегать, а надлежит встречать геройски... во славу государя-императора, на благо любимой отчизны. И пока она так говорила, глубоко дыша от радостного волнения и патетически размахивая руками, на краю возвышения у ее ног сидел господин Няреп, ее дорогой кузен и незабвенный возлюбленный — он казался теперь крошечным и хрупким, точно грудной младенец, и на нем почему-то не было ничего, кроме золотанных, забавно коротких подштанников...

Госпожа Эмилия проснулась оттого, что кто-то тронул ее за плечо. Служанка, которая в своей материнской заботливости начала уже переходить всякие границы, стоя у ее изголовья, спрашивала шепотом:

— Барыня, а не принести ли вам... уксусный компресс?... Это непременно успокоит ваши нервы.

Госпожа Эмилия вдруг с неожиданной энергией села, глаза ее сверкали, уголки губ вздрагивали.

— Знаете что, моя милая, мои нервы непременно успокоятся, если вы перестанете то и дело хватать меня своими руками, — проговорила она похожим на шмелиное жужжание голосом.

— Я... я... думала, что... — пролепетала благочестивая служанка.

— Вы... мужичка... такая... о чем вы вообще можете думать! Смотрите, как бы вы у меня не вылетели! Свой... свой уксусный компресс отнесите в сени... таксе под хвост!

Заботливая душа покраснела до ушей и пробормотала:

— Извините, барыня, если я...

— Вон! Чтобы и духу вашего здесь больше не было! — крикнула госпожа Эмилия.

Рондольф сбежал по лестнице, швырнул снежком в задребезжавшее окно и пронзительно крикнул, изображая индейца:

— Охо-о! Умри, Вил-лем!

Глава вторая

«ПИСЬМО, МИЛОСТИВАЯ БАРЫНЯ!»

Госпожа Эмилия опять погрузилась в легкий, но живительный и облегчающий душевные муки сон, и тут ее еще раз потревожили. Теперь это был короткий, резкий звонок у входной двери, как-то грубо вторгшийся в царящую в доме глубокую тишину; в этом звонке было что-то очень неожиданное, и у госпожи Эмилии сильно забилося сердце. Она тихонько вскрикнула, тотчас же вскочила, прислушалась, судорожно сжав губы. Шаги служанки проследовали из кухни в столовую (о, как раздражали ее сейчас эти шаги!), свернули в коридор и затихли в сенях. Немного погодя, служанка вернулась и, войдя в залу, проговорила с подчеркнутой вежливостью оскорбленной благодетельницы:

— Письмо, милостивая барыня!

— Ну так давайте его сюда, что вы там... топчетесь! — мрачно огрызнулась госпожа Эмилия.

Но едва она взглянула на конверт, как почувствовала, что всю ее обдало жаром и что ей необходимы сейчас совет и сочувствие хотя бы даже этой глупой рабыни. Она была глубоко поражена, она была прямо-таки потрясена! Настолько удивлена и потрясена, что едва не лишилась сил! — Да, да, да, этот наклонный, стелющийся по серой бумаге почерк был слишком хорошо ей знаком, чтобы она могла ошибиться!

С бьющимся от дурного предчувствия сердцем госпожа Эмилия смахнула клочки бумаги с колен и сразу же принялась читать. И каждая строчка, которую она пожирала своими широко открытыми глазами, словно грозила убить ее страшным унижением, как бы источающим даже какой-то запах — приторно-горький, точно... точно... точно селедка,

долго пролежавшая и протухшая в запертом шкафу...

Письмо было коротенькое и простое, какое может составить лишь тот, кто знает, чего он хочет, тот, кому даже в голову не приходит усомниться в удаче. Господин Такой-то двумя-тремя сухими фразами обращал внимание уважаемой госпожи Кубелик на то, что у него в руках, якобы, остались документы, которые, якобы, свидетельствуют о таких-то и таких-то интимных делах — о ее тоске и волнении в связи с долгой разлукой, о боязни забеременеть, ибо... для подобных страхов имеются некоторые основания («Ах ты подлец, ах подлец!» — в отчаянии думала госпожа Эмилия). Он, господин Такой-то, убежден, что уважаемая госпожа Кубелик питает к упомянутым документам вполне естественный интерес и желает получить их в свои руки («Ах ты подлец, ах подлец!» — в отчаянии думала госпожа Эмилия). Он, господин Такой-то, ничего не имеет против этого желания — он всем сердцем согласен, как честный человек («Подлец, подлец, подлец, под-лец!» — в отчаянии думала госпожа Эмилия). И, наконец, господин Такой-то надеется, что сумма, которую он назовет, не слишком велика и не превышает имеющихся в распоряжении госпожи Кубелик средств, тем более, что господин Такой-то — как честный человек — согласен и на то, чтобы эта сумма была выплачена ему по частям («О боже, о боже, о боже! Подлец ты этакий, подлец, подлец!» — думала госпожа Эмилия).

И все — да, больше на этом грязно-сером листке не было ни словечка. Госпожа Эмилия уже ни о чем не думала; она лишь глотнула, почувствовав вдруг тошноту, ее руки бессильно упали на колени; она лишь чувствовала! Она чувствовала себя безнадежно запутавшейся в силках и не видела никакой возможности выпутаться из них. «Если я не соглашусь на условия этого мародера, Юстусу скоро станет известна вся история... вся история...» — подумала она, наконец. Потом она еще долго пристально смотрела на свисавшую со стола бахромую скатерть, на поблескивавший в сумерках дождливого осеннего дня пол, на картины, с которых на нее сурово смот-

рели его величество государь-император со своим семейством и большое число розовощеких ангелов... какими в ее недавнем сне были она сама и... и... этот проклятый вымогатель! И затем, после долгого перерыва она с усилием продолжала думать — итак, ее жизнь окончательно зашла в тупик, и прошедшие десятилетия, в течение которых она не ведала ни одной подобной заботы, показались ей теперь поистине сказочными!

Как ни странно, бедная страдальца уже не могла искать утешения в слезах — глаза ее были сухи, в них не осталось ни единой слезинки, она могла лишь всхлипывать без слез, как бывает, когда проглотишь что-то очень крепкое, что обжигает и стремится исторгнуться обратно. Так она просидела около часа, пока ею не овладела тяжелая, почти смертельная усталость. Тогда она поднялась, медленно подошла к туалетному столику, взяла в руки еще одного фарфорового ангелочка и стала повторять, шевеля губами: «Ах ты подлец... ах ты... подлец этакий!» Стекло витрины отражало ее очень смутно, однако в глубине его она все же видела свою сгорбленную спину, поникшие плечи, растрепанную голову, большие груди, которые словно перевешивали ее. Госпожа Эмилия с превеликой радостью убежала бы куда-нибудь или спряталась, но она ясно сознавала, что бежать ей некуда и прятаться негде. Сумма, которую господин Няреп («Старый мерзавец, разэтакий!» — подумала она с презрением) указывал в своем письме, отчетливо стояла перед ее глазами, и бедная женщина понимала, что выплатить ее из хозяйских денег невозможно, на это понадобились бы годы. Да и какой в этом толк, разве это имеет какой-нибудь смысл, разве у нее есть основания быть уверенной, что эта подлая душа («Господин Такой-то, тьфу!» — подумала она) вернет ей весь тот дурацкий бред, который она подолгу выводила здесь на бумаге — с большим трудом и с ошибками («Мадам, господин Такой-то нашел еще один интересующий вас листок; мадам, вы не хотели бы выкупить у господина Такого-то и этот листок?»). И вдруг она почувствовала мучительную потребность поговорить с кем-нибудь обо всем этом ужасе, открыто и честно

исповедаться кому-нибудь, кому-то довериться, хотя такой решительный шаг и не имеет смысла, ведь даже это не защитит ее от надвигающейся гибели.

Человек, о котором бедная пожилая жена коммерсанта сразу же подумала, был опять-таки доктор Кубелик, ее сердитый деверь. Она никогда не любила старого доктора, и теперь в ее воображении предстала душещипательная картина: она явится в его приемную как жалкая просительница и будет сидеть там рядом с другими страждущими; она падет перед ним на колени и станет умолять, умолять...

Умолять — о чем?

О прощении!

Но ведь простить ее могли бы только Юстус и дети, на которых она навлекла позор своим поведением!

О помощи?

Но разве можно еще помочь ей, падшей?

Об утешении?

Утешать может один лишь богом призванный духовный пастырь и то лишь тех несчастных, кто что-то утратил в жизни, а не тех, кто грешит сознательно, кто только и умеет обманывать и делать зло.

И обрета, наконец, способность плакать, госпожа Эмилия от этих путаных мыслей снова завывала в голос, встревоженная и удрученная, готовая пасть под ударами своей страшной судьбы.

Однако ей и теперь никак не удавалось придумать какой-нибудь выход — как видно, на свете не осталось уже ни одного пути, который увел бы ее подальше от дурного прошлого, ни одной самой узенькой тропинки, по которой она могла бы убежать из-под власти содеянного. Она вытерла щеки, привела себя в порядок и решила пойти в спальню, взглянуть на больного мужа.

Госпожа Эмилия на цыпочках переступила порог, как-то беспомощно и жалко улыбнулась, взяла со стула пустой стакан и поставила его на подоконник. Сиделка, уставшая от ночного бдения и продолжительного дежурства, хотела было встать, но не смогла и лишь широко зевнула. И госпожа Эмилия при-

ветливо обратилась к ней, говоря ясно и медленно, старательно подчеркивая каждое слово:

— Пожалуйста, ложитесь теперь спать. Если хотите, можете пойти домой — до завтра вы свободны. Я сама... постараюсь с божьей помощью... посидеть здесь.

— Что мне там, дома-то... одинокому человеку... я бы только погулять сходила, подышать воздухом... — проговорила костлявая сиделка словно в раздумье и опять зевнула, прикрыв ладонью рот.

— Как вам угодно, — ответила госпожа Эмилия. — В башне для вас приготовлена комнатка.

Коммерсант Юстус тоже не спал. Он смотрел из-под опухших век на свою опечаленную супругу и пытался улыбнуться. Во время сна у него изо рта натекло на подушку много слюны, и госпоже Эмилии — точно далекое, смутное воспоминание — представилась карта из учебника не то Рондольфа, не то Эрики: серовато-темные пятна означали большие моря; а места, на которых проступали черточки и зигзаги, были материками. И вдруг этот пустяк как бы начал ее подгонять: «Надо покаяться, надо излить душу... надо пасть на колени и униженно просить прощения у господ бога и у Юстуса, своего венчанного супруга!»

Но она тут же поняла неуместность подобного поступка и усилием воли подавила в себе это безумное желание. Крепко сжав губы, она начала молиться, так сильно ломая руки, что даже суставы захрустели.

Коммерсант Юстус, все еще стараясь благодарно улыбаться жене, спросил тихим, бархатным голосом:

— Ну... ты уже вернулась? Значит оба сына Мартина приехали в отпуск?

— Да... оба. Я только что со станции, — ответила госпожа Эмилия, не сообразив даже, что опять солгала — бессмысленно, глупо, безо всякой нужды. И она сразу же добавила, чтобы хоть сегодня избежать греха: — То есть не совсем только что, а примерно с час назад.

— А-а... — протянул больной коммерсант еще мягче.

— Да... — сказала госпожа Эмилия и зачем-то несколько раз подряд кивнула.

Молчание. Лицо у господина Юстуса выглядело очень мятым, казалось, кожа на его крупной голове сильно растянулась, и у него не хватает мяса и костей, чтобы ее как следует заполнить.

За последние дни в его постоянно улыбающихся глазах появилась какая-то странная неуверенность, отчего он стал похож на животное, встревоженное предчувствием приближающейся смерти. Вытирая тыльной стороной руки мокрую от слюны и пота бороду, он пробормотал, стараясь обмануть себя наигранной бодростью:

— Чертовски жаль, что... я сам не смог пойти поздороваться с ними. Небось все это очень интересно... о чем они рассказывают. Но, может быть, они навестят меня, своего больного дядю, который... Что они говорили? Надолго они... домой приехали?

— К сожалению... я не спросила их об этом, — ответила госпожа Эмилия. Ей трудно было выносить взгляд мужа, и поэтому она добавила поспешно: — Пожалуйста, не переутомляйся! Тебе вредно разговаривать... ты ведь сам знаешь. Счастье, что ты уснул... Это, несомненно, укрепило тебя.

— Да, я чувствую себя совсем неплохо, — сказал Юстус. И ободренный тем, что смог произнести эту фразу единым духом, он тотчас же продолжал: — Нет, я не буду здесь долго под теплым одеялом... париться... Ханс с самого начала сказал, что это скоро пройдет. Сегодня мне во всяком случае го-раз-до легче... До сих пор я не видел ничего... кроме всякой дряни... мусора и... хлама, а теперь... совсем... другое дело! — И снова растянув сухие губы в ласковой улыбке, продолжал: — Я сегодня... во сне... тебя... видел...

Жена покраснела, отвернулась и долго не решалась взглянуть больному в глаза. Но испугавшись, как бы это замешательство не выдало ее, она попыталась взять себя в руки. И в конце концов пробормотала, сознавая, что ей следовало бы сказать что-то совсем другое:

— Видел во сне... меня? Ну-у!

— Да, — подтвердил коммерсант Юстус. — Я видел тебя так ясно... Может быть, потому, что моя некрасивая выходка по отношению к тебе меня самого очень огорчила... Как будто ты опять ушла, а я стоял перед запертой дверью и стучал... стучал... стучал... и плакал... и плакал... И я знал, что ты ушла, ничего мне не сказав... потому что опять рассердилась на меня... И когда ты, наконец, вернулась, я был так рад...

— В самом деле? — спросила госпожа Эмилия — ей все еще не приходило в голову ничего более удачного или хотя бы более уместного.

— Да, я прямо-таки был от радости! — продолжал Юстус. — Пока я стоял за дверью и стучался... все было очень плохо... и... очень... тяжело... а как только ты вернулась... домой... все стало... легко. Так легко, что я... сразу стал летать... Кувыряться, как... когда-то... в детстве... и все прыгал... прыг... скок... Наконец... меня... подхватило... Ха-ха-ха... Разве не странный... сон, а? Мужчина моего веса... вдруг... поднимается в воздух... и летит!

— Пожалуйста, дорогой Юсти, муженек, не утомляй себя! — сказала госпожа Эмилия, думая при этом, что и сама недавно летала во сне, точно ангел, и опять в сильном смущении отвернулась.

Но больной коммерсант становился все разговорчивее — жар подгонял его и придавал ему даже необходимые силы. Он продолжал хрипло, прерываемый лишь легкими приступами кашля, который резкими уколами отдавался у него в боках и спине:

— Нет... ничего... ты... не бойся. Все равно... я... целыми... часами... молчу... как рыба... Поди этак... и рот... совсем... зарастет. — И вдруг с какой-то неожиданной бодростью и даже радостью продолжал: — Эммочка... женушка... ведь я не говорил тебе еще, что именно так я поджидал тебя... наяву. Это было в то утро, помнишь, когда я совсем слег. Я вернулся вечером немного нездоровый, лег в зале на диван и... уснул. И провалялся там до... утра.

Потом захотел перелечь на кровать, потому что мне стало холодно, и постучался в дверь. Но... ничего! Я еще раз постучал — опять ничего! Гос-поди... как... я... тогда... испугался. Ведь как раз накануне я был к тебе... страшно несправедлив... И я подумал, что... может быть... ты... с горя... и от обиды... сделала... какую-нибудь глупость... Ха-ха-ха... так... я подумал. Ну, тогда я принялся барабанить в дверь кулаком... Но дверь оставалась запертой... Помнишь — ты как раз перед этим вышла погулять...

— Да... я... ходила... на рынок! — пролепетала госпожа Эмилия.

— Я и сам... потом... так подумал, хотя мы... до сих пор об этом... еще... не говорили... — кивнул Юстус, все сильнее задыхаясь от волнения и усталости, и продолжал так же прерывисто, словно подыскивая каждое слово. — И поверь... я действительно... не обратил внимания, что... ключ был с наружной стороны... и... что заперта дверь тоже была снаружи. Служанка... наконец... заметила это. Я просто... был... при смерти... от страха. А теперь во сне... страх мой... был... как будто... еще... сильнее!

— Милый Юсти... о-о, прошу тебя — не утомляй себя! — повторяла госпожа Эмилия.

— Не... бойся... ничего! Я... ведь... теперь... окреп! — сказал коммерсант Юстус и продолжал: — Но с этого дня... вернее... с того дня, когда... я слег... все должно измениться! Куда же... это... годится! Налетаю... на тебя, точно... свирепый пес... безо всякой... причины. Ходи, милая женушка, занимайся... чем хочешь! Ведь в нынешнее время... и твоя... помощь... нужна. Вчера... ночью... когда я тут... лежал... и бредил... меня охватило... такое... странное... чувство, как будто и я... сижу... в глубоком... окопе и... с нетерпением жду... какого-нибудь подарка... или... пакета... Там, видно, многие... ждут... очень многие... твоего подарка... Как ты... думаешь? ждут... они?

— Да, мы верим и надеемся, что... ждут! — пролепетала жена.

И Юстус, все больше краснея от волнения и жара, взял ее руку своими горячими, влажными от пота пальцами и сказал медленно и очень ласково:

— Видишь ли... милая Эмми... Мы должны... вообще... начать жить совершенно по-другому! Да, совершенно... по-другому. Так... нельзя... больше. Я много и долго... думал... об этом. И я... должен... сказать, что старик Ханс, хотя он... в некоторых вещах... большой повеса... и насмешник... иной раз говорит... совсем разумные вещи. А то... что он вам... в вашей деятельности... пытается помешать, это я... не считаю... правильным. Ведь это именно он... заметил... что такой человек, как я... старый... с добрым именем... коммерсант... не должен... позорить себя... разного рода... сомнительными сделками. Хотя я... старался свои теперешние дела... скрывать... от знакомых... они все же... выплыли наружу... Ну это... не очень-то хорошо! Время махинаций... скоро... пройдет... тот, кто удержался... опять будет в чести... Я имею в виду тех, кто выстоял честно... не так, как я! Хенрик был прав... хотя я тебе... раньше... говорил... обратное. Мы ведь... не такие... бедняки, чтобы... иначе не могли... прожить. Не надо... транжирить. Ведь я... не вру... Эмми?

— Нет, почему же! Конечно, не врешь! — ответила госпожа Эмилия.

— Да, это... верно... я... не вру! — подтвердил коммерсант Юстус. — Ведь... у нас... есть... сбережения! На несколько лет... как... тебе... известно! Даже если бы я... был... вынужден... из-за недостатка товаров... на некоторое время... запечатать двери... мы бы выдержали. Хенрик мне... ясно сказал, что... он... не будет участвовать... в моем мародерстве... и... что... будет жить... честно. Когда-нибудь, когда... настанут... лучшие дни... мы опять ударим... по рукам и станем сообща...

Госпожа Эмилия, не в силах больше сдерживаться, опять начала тихонько всхлипывать. — «Всевышний Иегова, не мучай меня, не мучай меня!» — думала она с отчаянием.

И господин коммерсант Юстус, тихий и печальный, сказал с улыбкой, все еще держа ее за руку:

— Глупая, зачем же... реветь! Где это видано, чтобы... такой крепкий мужик... как я... умер... от такой... пустяковой... болезни? Скоро я... опять... буду на ногах и... мы снова поднимем... паруса! Правда, Эмми? Ведь... ты же... не хочешь, чтобы... я сейчас... продолжал... спекулировать?

— Нет... не хочу! — воскликнула госпожа Эмилия.

Господин Юстус все больше слабел, задыхался, сотрясаясь всем телом. Время от времени на него нападал сильный кашель, сопровождаемый пронзительной икотой, глухим хрипом и сквозь все это доносились резкие, гулкие удары. Потом больного стал мучить озноб: щетина, покрывавшая его небритые щеки, встала торчком; с усилием поднимая руку, он поглаживал то движущийся при глотании кадык, то полысевшую макушку, как будто хотел остудить себя собственной потной ладонью.

Госпожа Эмилия спросила сквозь почти непрерывные рыдания:

— Тебе... очень... плохо... дорогой?

— Плохо? Почему... плохо? Нээру... брешет... старый... хитрец! — пробормотал больной, опять медленно погружаясь в мир призраков.

Когда, наконец, благодаря холодным компрессам и жаропонижающим порошкам господин Юстус снова уснул, госпожа Эмилия еще немного посидела, беззвучно проливая горькие слезы, затем успокоилась и предалась размышлениям. Она все еще не видела никакого выхода из создавшегося положения. Весь мир представлялся ей теперь безмерно жестоким и несправедливым, вся жизнь человеческая казалась долгим незаслуженным страданием, положить конец которому может лишь один помощник — смерть! Она еще раз перечитала полученное от господина Нярепа письмо, затем, глядя на трепещущую в углу паутину, с громким хрустом принялась ломать пальцы. И так как все ее попытки придумать какой-нибудь выход оказались тщетными, она опять начала шептать молитву, глядя при этом на широ-

кие усы мужа, будто надеялась услышать от него хотя бы одно ободряющее слово.

В окна бились крупные хлопья мокрого снега, и осеннее небо, все более темневшее, казалось, хмуро глядело на госпожу Эмилию, размышляя над ее тяжелой судьбой.

Пауль, который вертелся на парадной лестнице, позвякивая длинной саблей офицера действующей армии, получил от Рондольфа удар снежком прямо в переносицу и разразился громкой бранью.

Глава третья

«НЕ СКУЛИ, ПОЖАЛУЙСТА!»

Антон, словно в раздумье, постоял немного на тротуаре, затем прошел до ближайшего угла и оглянулся. Время летело быстро, часы в городе пробили один раз, от мокрого снега шинель на Антоне промокла, плечи ощущали ее растущую тяжесть. Повсюду царила такая мучительная пустота, что юноше невольно пришло в голову: а вдруг люди под прикрытием осенних ночей оставили свои старые жилища и куда-нибудь переселились. Он продрог от холодного ветра; время от времени до него доносились громкие и резкие удары, но и это был все тот же холодный и пронизывающий ветер, это он с тяжелым вздохом отрывал где-то ставню и сердито колотил ею по стене.

Чтобы как-нибудь согреться, Антон начал прохаживаться взад-вперед. Он все ходил взад-вперед, только и делал, что ходил взад-вперед, снова и снова ходил взад-вперед, взад-вперед! Он, быть может, немного удлинил бы отрезок улицы, по которому сновал, чтобы согреться, если бы не опасение: а вдруг дядя, которого он поджидал здесь уже битый час, незаметно проскользнет мимо и пойдет своей дорогой... А он и не узнает, что дядя незаметно проскользнул мимо и пошел своей дорогой... он будет по-прежнему ходить взад-вперед... будет все сильнее мерзнуть, мерзнуть и дрожать от холодного ветра... И поэтому Антон продолжал кружить на одном и том же месте, все на одном и том же месте — двадцать шагов налево, затем двадцать шагов направо... — все на одном и том же месте, все на одном и том же месте! И хотя ему, несмотря на это, было ужасно холодно, мозг его здесь, на морозе, работал куда более четко и трезво, и юноша

подумал спокойно и деловито — будь что будет, но теперь он непременно возьмется за ум... не скрывая своего скотского поступка, постарается полностью искупить свою вину.

Наконец дверь клиники тяжело хлопнула, и когда Антон, дойдя до угла, снова оглянулся, он увидел, что дядя спускается по широкой мокрой лестнице и направляется прямо к нему. Доктор Кубелик шел очень медленно, лицо у него было задумчиво, как всегда в последнее время, железным наконечником палки он сердито стучал по камням мостовой.

Он шел, пристально глядя себе под ноги, и поэтому заметил племянника лишь тогда, когда почти столкнулся с ним; доктор Кубелик испуганно поднял глаза, но тут же улыбнулся и сказал приветливо:

— Гм... это опять ты, братец? Ведь не стоял же ты все время под этим отвратительным мокрым снегом?

— Стоял... да, стоял... — как-то робко ответил Антон, хотя ему и хотелось держаться свободно и чуть-чуть беспечно; и он почувствовал, что залива-ется краской до самых ушей.

— Как верный солдат на своем посту! — сказал доктор Кубелик. И словно только сейчас догадав-шись об этом, спросил: — Или это ты меня дожидался?

— Да, я дожидался... тебя, — пробормотал Антон, снова теряя всю свою смелость и решительность.

Некоторое время они молча шли рядом, поднимая воротники и съежившись. Доктор Кубелик краешком глаза следил за парнем — может быть, надо опять поддержать этого будущего мужчину, может быть, его надо поддержать или даже удержать твердой рукой? И тут же вспомнив Айми-Ли, слез которой он все еще никак не мог себе объяснить, тихо спросил:

— Зачем ты, братец, так усердно ждал меня? Может быть, ты хочешь сообщить мне что-то, не предназначенное для посторонних ушей? По-моему, тебе все же не следовало так долго мерзнуть, обо всех твоих важных делах мы могли бы поговорить у меня в кабинете.

Антону стало ужасно стыдно за свое ребячество

(именно таким представилось ему теперь это ожидание под мокрым снегом), и он никак не мог подыскать слов, чтобы выразить бродившие в голове мысли. Он переминался с ноги на ногу, сильно хмурился, вытаскивал руки из карманов и тут же засовывал их обратно. Дядя продолжал внимательно наблюдать за ним, и когда тротуар стал чересчур узким, чтобы они могли идти рядом, он пропустил удрученного парня вперед и снова перешел в наступление:

— Ну, говори, говори — зачем ты так меня ждал?

И Антон, у которого по-прежнему горели щеки и уши, наконец, объяснил:

— Я хотел тебе... сказать, что я... что я... скоро отправлюсь на войну.

О-о, это и в самом деле большая новость, черт побери! И резко остановившись, доктор Кубелик спросил, явно не веря своим ушам.

— Куда... ты скоро отправишься?

— На вой-ну!

Доктор Кубелик, словно уразумев, наконец, в чем дело, несколько раз подряд кивнул, откашлялся и зашагал дальше. А когда эта неожиданная новость («Черт побери, черт побери!») окончательно дошла до его сознания, проговорил не спеша:

— Гм-гм... стало быть, вот как... Но как же это я проглядел приказ о мобилизации юношей твоего возраста! Может быть, ты, милейший, все же ошибаешься?

— Нет! Не ошибаюсь... Нисколько... не ошибаюсь! Я отправляюсь добровольцем! — ответил Антон вдруг очень смело и даже с вызовом.

— Вот как? Добровольцем? Ну тогда другое дело, тогда, конечно! — кивнул доктор Кубелик.

Некоторое время они продолжали шагать молча, наклонив голову, чтобы спрятать лицо от снега. Доктор Кубелик опять заговорил первым:

— Ага... Стало быть, это ты и хотел мне сообщить?

— Да, — ответил Антон.

Молчание.

— Ты уже всесторонне обдумал эту проблему? — деловито осведомился доктор Кубелик.

— Да. Всесторонне, — ответил Антон.

Доктор Кубелик потер мокрый от тающего снега нос, быстро-быстро заморгал — он вдруг почувствовал, что ему нечего сказать, что не знает, какими словами осудить эту глупую затею. А может быть, черт побери, ее вообще незачем осуждать? Разве он, старый, усталый человек, обязан быть поверенным всех этих горемык, которые не умеют сами устраивать свои дела! Мысль его работала быстро и трезво, он ясно представлял себе, как зародился и оформился этот дурацкий замысел. В решении парня — хотя оно выглядело наивным и ненужным, — было все же что-то мужественное, по-детски чистое и благородное. Доктор Кубелик долго шел, молча глядя в затылок шагнувшего впереди парня, затем откашлялся и сказал с неожиданной нежностью, которой он сам тут же устыдился:

— Так, значит та-ак!.. Ах, стало быть, даже ты, умный человек, уже начинаешь терять рассудок?.. Нет, нет, я не могу этому поверить! Не могу поверить! Неужели все это из-за случая с глазом несчастного прапорщика, о чем мы уже не раз с тобой говорили?

— Да, из-за этого! — пролепетал Антон.

Молчание.

— У меня на этот счет своя точка зрения! — сказал доктор Кубелик после минутного раздумья.

— Своя... точка зрения? — переспросил Антон.

— Да, — кивнул доктор Кубелик. И тотчас продолжал строгим, почти сердитым тоном: — Ах, стало быть, ты решил разыграть из себя романтического героя? Решил разыграть мужчину, которым восхищаются, в честь которого рукоплещут! Этакого полковника Скобелева, не так ли? Ты пришел ко мне за советом... Ну так знай — я первый подниму тебя на смех, если ты в самом деле совершишь подобную глупость!

Доктор Кубелик произнес все это медленно, строгим, даже сердитым тоном, делая длинные паузы между словами.

Антон все больше робел, становился все нерешительнее. Наконец он снова пересилил себя и спросил:

— Но... почему?

— Почему? — переспросил доктор Кубелик. И сразу же начал объяснять: — А потому, братец, что надо называть вещи своими именами. Все мы совершаем те или иные ошибки, и если бы мы из-за каждой такой ошибки стали приходить в отчаяние или разыгрывать из себя патетических романтиков, большинству из нас пришлось бы биться головой об стену, как это собираешься делать ты.

Пауза.

Из-за старого, выкрашенного в желтый цвет домишка на них вдруг набросился такой порыв ветра, что они вынуждены были втянуть голову в плечи и сильно притнуться.

Доктор Кубелик смахнул налипший на брови снег и продолжал:

— Кстати, о подвигах, братец, не мечтай, подвиги в нынешней войне совершают только Кузьмы Крючковы и подполковники Скобелевы, а изредка также капитаны Максимы Мартынычи. Если тебе повезет, останешься жив, а если нет — в первом же бою получишь пулю в голову или штыковую рану в живот и умрешь самой жалкой из всех смертей. Умрешь, рыча как зверь, тщетно взывая о помощи. На твои крики и зовы явятся старые, грязные могильщики, подцепят тебя крюком за шинель или воткнут его в твое разлагающееся тело и поволокнут в общую могилу, где тебя не станут даже как следует укладывать. Покойся в мире и корми червей, герой, безропотно отдавший свою жизнь за веру, царя и отечество. Все! Прекрасная перспектива, не правда ли?

— Дядя! — жалобно пробормотал Антон.

— Молчи, не скули, герой этаким! — сказал доктор Кубелик. — Взять бы и выпороть тебя как следует, вот что следовало бы с тобой сделать, приятель! И... хочешь верь, хочешь нет, эту услугу я оказал бы тебе сам! (Пауза). — Ты, герой, слыхал когда-нибудь о людях, которые накладывают на себя руки, вешаются, топятся или стреляются из пистолета? Слыхал? Так вот, если тебе вовремя не дать хорошую взбучку, ты станешь таким же самоубийцей. Таким же слюнтяем! Таким же тряпкой! Таким же беспозвоночным моллюском, ползающим по земле

на своем мягком брюхе! (Пауза). И доктор Кубелик продолжал все тем же тоном: — Да, приятель, можешь быть уверен, и не думай, что я преувеличиваю — именно таким ты и станешь когда-нибудь, если не захочешь или не сможешь взять себя в руки. А такие люди, милый мой, омерзительны! Человек должен быть твердым и стойким, он не должен ныть, даже когда от боли или отчаяния готов... вопить! Даже не все собаки скулят и воют так, как подобные тебе люди, — так скулят и воют одни лишь жалкие неудачники, а ты будь мужчиной! Даже когда твое сердце действительно сжимается от боли и муки, ты стисни зубы и... будь мужчиной! Я не желаю тебе, разумеется, быть таким бессердечным, как Кунц, но лучше уж быть таким, чем совать голову в петлю или стрелять себе в рот из револьвера! Ты ведь понимаешь меня, Антон, не так ли? Понимаешь меня, дружище? — закончил доктор Кубелик свою длинную увещательную речь, беря плетущегося рядом парня за руку.

— Понимаю... понимаю... — проговорил Антон.

— Не скули, герой, — опять повторил доктор Кубелик.

И Антон, глядя на старого врача лихорадочно горящими глазами, заговорил вдруг очень быстро, словно страшно спешил:

— Ведь я... ведь я... не только из-за этой драки... Да... да... видишь ли, дядя, у меня для такого решения есть и другая причина...

— Вот как? У тебя в самом деле есть еще причины? — осведомился доктор Кубелик, вновь проникаясь нежностью к томимому отчаянием юноше.

— Да... есть... — сказал Антон.

— Например — какие?

— Тут замешана одна девушка, которую я очень... очень любил. Из-за этой девушки я и разозлился на прапорщика Кяэрика! Если бы не она, я бы... не гнался так за ним и... не подстрекал.

— Э-э, какие дьявольские приемы — гнаться, подстрекать! — насмешливо произнес доктор Кубелик.

— Да, я бы этого не делал, — кивнул Антон, неожиданно всхлипнув, но тут же опять немного

успокоился. — Кунц знал об этой девушке и наверняка приходил в клинику... и рассказал обо всем прапорщику Кяэрику... И... и... мне теперь ужасно стыдно, что...

— Не скули, герой! — сказал доктор Кубелик.

— Но... я же не скулю... я же не скулю... — пролепетал Антон.

— Как это — не скулишь? Вот именно — скулишь! — сказал доктор Кубелик. — Прожуй-ка теперь еще раз все как следует, приятель. Значит так: твой двоюродный брат Кунц насплетничал на тебя; тебе стыдно за твое ребячество; ты думаешь, что лучше всего смыть этот ужасный позор где-нибудь в окопах среди вшей и грязи, позволяя колотить себя прикладом и, в свою очередь, колотя прикладом по зубам какого-нибудь немца или австрийца! Та-ак! Я бы, приятель, на твоём месте действовал совершенно иначе!

— А... как бы ты действовал, дядя? — спросил Антон по-детски.

— А я на твоём месте ещё сегодня разыскал бы Кунца и, как подобает мужчине, залепил бы ему такую оплеуху, что ему сразу все стало бы ясно! Можешь быть уверен — это моментально положит конец вашей некрасивой истории и тебе не придется идти в солдаты.

— Я... я... уже дал ему один такой урок! — сказал Антон, вдруг воинственно сверкнув глазами.

— Дал? Значит, мало дал, дай ещё! — воскликнул доктор Кубелик.

Молчание. Они продолжали шагать вперед, шлепая по лужам и время от времени глубже зарываясь в воротник шинели. Известняковые плиты тротуаров были скользкими от слякоти, в канавах журчала вода, кругом все капало, все было мокро, все набухло, точно гигантский разлагающийся труп. Тут и там на оголенных деревьях сидели мокрые вороны, покачиваясь вместе с веткой вверх и вниз, они изредка кричали, словно от страха. Антон снова попытался обосновать свое важное намерение, все еще не желая от него отказываться.

— Кроме всего прочего... и домашняя обстановка. Я не могу больше ее выносить!

— Домашняя... обстановка?

— Да... Все это ведь ужасно грязно... и подло. Кто в нашем городе не знает, что коммерсант Кубелик связался с казнокрадами, что он торгует и спекулирует в компании с какими-то мародерами, что он поит их и дает им взятки! Или же... безнравственное поведение моей матери... Все... все... порядочные люди... смеются над нами за глаза... и издеваются!

— Тебе уже приходилось слышать эти насмешки и издевки? — спросил доктор Кубелик, хотя и знал, что последнее утверждение племянника более чем справедливо.

— Нет, но... — пролепетал Антон.

— Не скули, герой! — сказал доктор Кубелик опять теми же словами и тем же осуждающим тоном.

Но Антон вдруг буквально рассвирепел. Он воскликнул:

— Ладно, я скулю. Да! Скулю! Потому что жизнь заставляет меня скулить, понимаешь? Все больше и больше заставляет, понимаешь? В то время как другие жертвуют собой ради того, чтобы наступило более светлое и прекрасное время, мы сидим здесь... точно пауки возле своей паутины... или... как свиньи в своем занавоженном закутке!.. Я не хочу... я не хочу в этом участвовать! Уж лучше я погибну на войне, вот так безобразно и жалко, как ты описывал, чем...

— Чушь! Ты просто повторяешь громкие слова и сдуру сам им веришь! — резко возразил доктор Кубелик.

Молчание.

— Продолжай издеваться, продолжай! Жаль, что я вообще начал рассказывать тебе все это! — проговорил, наконец, Антон очень низким голосом. И тут же хотел было уйти.

Но доктор Кубелик, подавив приступ гнева, удержал его:

— Ну-ну, погоди, для того, чтобы наделать глупостей, времени у тебя всегда хватит. А издеваться над тобой я не думал, не думаю и впредь не намерен. Я только одно тебе скажу: могущественная

Российская империя воюет со столь же могущественной Германской империей, и нам, комарам, незачем залетать слишком уж большим роем под могучие кулаки этих великанов. Заходи-ка лучше ко мне после обеда — я наверняка буду дома — выпьем по рюмочке водки и поговорим об этом подробнее. Мне надо зайти сейчас вот в этот дом... Больную навестить. До свидания. Я тебя жду.

— Я... я... может быть, действительно... приду... — пробормотал Антон.

— Конечно, приходи! — сказал доктор Кубелик и, пожав вялые пальцы племянника, быстро зашагал через покрытую мокрым снегом улицу — высоко держа голову, упрямо выпятив грудь.

Дощатые заборы вдоль тротуаров зловеще потрескивали, и туманную пустоту вокруг по-прежнему оглашало лишь зловещее завывание промозглого осеннего ветра.

Глава четвертая

МЕЧТЫ АГНЕС

Стоя в низком дверном проеме, доктор Кубелик ждал пока Антон скроется за углом, затем повернулся к почти отвесной деревянной лестнице. Она казалась сегодня какой-то особенно пустой, пыльной и трещала под тяжестью его шагов. Доктор Кубелик постучался; ему тотчас же открыли — по-видимому, его давно уже ждали. Маленькая девочка, улыбаясь, пропустила его вперед. В прихожей было темновато, и перед его усталыми, старческими глазами, казалось, что-то медленно парило — серая, тяжелая, мешающая видеть пыльная завеса, которую кто-то словно бы все время незаметно шевелил.

Доктор Кубелик стащил с себя мокрую шинель, повесил ее на вешалку, по привычке пошарил в карманах, ища коробку с папиросами и не переставая думать при этом, что курить здесь, разумеется, нельзя. Агнес стояла возле него, болтая о своих маленьких горестях: мама все еще неважно себя чувствует, погода очень плохая, и им не разрешают гулять; дядя Пээтер вернулся из деревни от бабушки и бабушки. Он привез с собой масла, сепика и большой кусок свинины. В первой комнате дети играли в войну: горбатый мальчик колотил палочкой по пустой коробке из-под кильки, а его маленькая белокурая сестренка послушно маршировала под его команду и барабанную дробь. По полу было раскидано множество оловянных солдатиков — они не маршировали, хотя у всех у них были красивые красные винтовки, и их синие ноги были лихо выброшены вперед, — они уже отвоевали, они уже были убиты.

Вдруг из-за закрытой двери донесся плач новорожденного и тихий разговор, который тут же прервался.

Когда доктор Кубелик вошел, он увидел, что молодая мать лежит, вытянувшись под одеялом, ее волосы разметались по подушке, а возле кровати сидит рослый солдат — вернувшийся из деревни брат Пээтер. Одна рука беспутной женщины была закинута за голову, другая мирно покоилась во влажной ручище гостя. Лицо ее опять выражало тихую радость — как видно, они уже успели помириться, эти дети одной матери, между которыми жестокое время посеяло было вражду.

Доктор Кубелик пожал слабые пальцы больной и спросил:

— Ну, как видно, дела идут на поправку?

— Да, теперь мне хорошо, — ответила Эва. И едва-едва улыбаясь, добавила: — Большое спасибо, доктор, что вы пришли. Садитесь, пожалуйста.

— Обо мне, милая родственница, не беспокойтесь, — сказал доктор Кубелик.

— А вы обо мне разве мало беспокоились? — воскликнула женщина, вдруг покраснев, и сразу же продолжала торопливо: — Знаете, господин доктор, мне очень неловко, что я не могу вас за все это хоть чем-нибудь отблагодарить. Еще с неделю назад я о вас и представления не имела... как и вы обо мне... и вдруг в один прекрасный день вы явились и начали обо мне заботиться. Не знаю, почему, но когда я думаю об этом... все это как-то удивительно...

— Увы, в этом нет ничего удивительного — вы только воображаете, будто это так! — сказал доктор Кубелик. — Я врач, меня пригласили осмотреть вас, и я пришел. Вот и все. Такими удивительными вещами я занимаюсь уже с двадцати пяти лет изо дня в день и порой не только с утра до вечера, но и с вечера до утра. Такими удивительными вещами я и живу...

— Да, может быть... Но мне кажется, что вы... очень хороший человек, — сказала Эва, опять сильно покраснев.

— Оставьте, — возразил доктор Кубелик. — Каждый второй из моих собратьев... еще лучше меня. А я такой же, как все.

И женщина, вся раскрасневшись, продолжала после короткого молчания:

— Я уже так привыкла к вашим посещениям, что... Да, не смейтесь, но мне кажется, что я просто... жду вас. — И сразу же добавила еще тише, еще более счастливым тоном: — Больше всех по вас скучает, конечно, Агнес. Вчера она целый день сидела у окна и смотрела на улицу.

— Вчера я никак не мог прийти — много было неотложных визитов, — объяснил доктор Кубелик. — Так. А теперь поставим вам градусник и посмотрим, может быть, я скоро разрешу вам вставать.

— Не стоит — мне ведь уже совсем хорошо! — заметила Эва, но было очевидно, что сказала она это просто так, лишь бы что-нибудь сказать, лишь бы не отмалчиваться.

— Все-таки, все-таки! — стоял на своем доктор Кубелик. — Мы, врачи, недоверчивый народ... Пожалуйста. Ужасная погода, знаете ли, переход от теплого времени к холодам. Улицы буквально залиты грязью и мокрым снегом.

Так, дружески беседуя с больной, доктор Кубелик пододвинул к кровати стул и тоже сел. Он все время старался казаться беззаботным, а сам между тем украдкой поглядывал на сидящего рядом понурого солдата, задумчивое, словно окаменевшее лицо которого внушало ему тревогу. Бледная линия тонких губ Пээтера едва просвечивала сквозь густую бороду; склонив голову, прищурив свои светло-голубые глаза, он смотрел в окно. Когда сестра пошевелилась, он поспешил ей помочь с неуклюжей нежностью сурового человека, которая никак не вязалась с застывшей на его лице серьезностью. После долгого молчания он сказал, всем корпусом повернувшись к доктору Кубелику и впервые взглянув ему прямо в глаза:

— Метет. Ведь с самого начала было ясно, что такой ранний снег долго не пролежит. Земля замерзла, не впитывает влагу, оттого и болото такое... грязь.

— Я слышал от Агнес, что вы в деревню ездили? — спросил доктор Кубелик.

— Да, я только что вернулся, — ответил солдат. Молчание. В соседней комнате дети маршировали

и распевали воинственные песни. Пятилетний мальчуган строил крепости, затем разрушал их, сравнивая с землей, потом опять строил и опять разрушал до основания. Четырехлетняя девочка победоносно вскрикивала, перевязывала раненых и хоронила павших; каждый раненый был отец, каждый павший — дядя Пауль. Барабан из килечной коробки звал на борьбу, изображал грохот орудий и стрекотание пулемета. Шерстяное одеяло на груди больной женщины вздрагивало при каждом ударе сердца, краснолицый младенец не переставая плакал — монотонно, назойливо. Солдат пошевелил губами; солдат потянулся, пошевелил губами и, как видно, хотел что-то сказать, но все же промолчал, принял прежнюю позу и еще раз пошевелил губами — как видно, сам того не замечая. Часы с длинным маятником, висевшие в углу рядом с комодом, отбивали секунды — тик-так, тик-так, тик-так! Четырехлетняя девочка в соседней комнате еще раз перевязала раны отцу и еще раз похоронила дядю Пауля. Доктор Кубелик, пристально глядя на циферблат своих серебряных часов, сосчитал до трехсот и увидел, что стрелка за это время прошла как раз нужное расстояние. Он потянулся и сказал:

— Так. Хватит. Пожалуйста.

Женщина протянула ему градусник, и он ощутил кончиками пальцев его теплоту; ртуть стояла на уровне красной цифры, отделявшую нормальную температуру от повышенной. Прохудившаяся жестяная крыша гудела, словно кто-то в волнении бегал по ней взад-вперед. Рослый солдат пошевелил губами. Рослый солдат еще раз пошевелил губами и вдруг громко зевнул. Рослый солдат пошевелил губами, а маленькая белокурая Агнес спросила, кладя крошечную ручку на рукав мундира доктора Кубелика:

— Этот градусник показывает, что мама теперь совсем здорова?

— Да, доченька, я теперь совсем здорова, — поспешила ответить Эва.

Рослый солдат повернул свою крупную голову, будто внимательно к чему-то прислушиваясь, и затем тоже спросил:

— Значит, ей в самом деле скоро можно будет встать?

Доктор Кубелик опять взглянул на циферблат карманных часов, словно раздумывая, что ему ответить и отвечать ли вообще, и, наконец, сказал деловито:

— Тридцать семь градусов в половине второго — это ведь не плохо. Но к вечеру температура может немного повыситься... И после минутного раздумья добавил, обращаясь уже к самой больной: — Что, если я скажу вам — в субботу?

— В субботу? А раньше нельзя? Дома такой беспорядок... Агнес, бедняжке, ведь со всем не управиться... пробормотала грешная женщина, слегка опечалившись.

Но брат, успевший окончательно стряхнуть с себя вялость, прервал ее и сказал решительно:

— Не торгуйся, Эва. Переступила через собаку, переступишь и через собачий хвост! Ведь и я могу иной раз помочь девочке, если ей одной... не управиться.

— Нет, дядя, я управляюсь, я управляюсь! Вчера я пробовала мыть пол, и это совсем не так трудно, как мама всегда говорит! — воскликнула Агнес.

— Конечно! — сказал рослый солдат и вдруг улыбнулся как-то очень торопливо и коротко, обнажив на миг крупные, потемневшие от табака зубы.

И доктор Кубелик сказал, поднимаясь:

— Прекрасно, я не стану вам больше мешать. Через несколько дней во мне здесь и вовсе не будет нужды, и я исчезну так же тихо, как в свое время появился. С самым юным гражданином тоже все в порядке?

— Да, и с ним... все хорошо, — сказала женщина и снова покраснела смущенно, точно виноватая.

Агнес воскликнула со слезами разочарования на глазах:

— Милый дедушка, не уходи! Не уходи, слышишь? Ты только что пришел и уже хочешь уйти!

— Вот видите! — сказала женщина, пытаясь улыбнуться. И стала объяснять дочери, которая, словно моля о пощаде, смотрела на нее своими большими голубыми глазами: — У дедушки много других дел,

ему некогда сидеть здесь и болтать с нами. Погода теперь плохая, а в городе, небось, кроме тебя, полно непослушных детей, которые простудились... и теперь дедушке приходится всех их лечить. Конечно, если у него есть время...

Доктор Кубелик, собравшийся было уходить, остановился, вновь ощутив такой же прилив нежности, как и тогда, когда он пришел сюда. Все в этой полутемной комнате сегодня как-то приятно пахло и дышало покоем: огромная волна обрушилась на ютящееся в этой маленькой комнате счастье, теперь она схлынула, и обитатели комнатки могли опять отдыхать и набираться сил. Прямые плечи солдата уже не казались усталыми, исчез затаившийся в глазах бедной грешницы страх затравленного существа, казалось, покосившаяся судьба вновь возвращалась в свое прежнее положение. И доктор Кубелик сказал, наконец, слегка смущенный собственной уступчивостью:

— Да, ноги у меня и впрямь очень устали — ведь я уже не в том возрасте, когда отмеренные за день версты никак на нас не сказываются... Если только я не помешаю вам своим присутствием?

— Что вы, бог с вами! — воскликнула Эва. — Как вы вообще можете говорить такие вещи!

— Садитесь... садитесь... посидите еще немного! — защебетала Агнес.

— Спасибо, — кивнул доктор Кубелик и сел на прежнее место.

Молчание. Рослый солдат безо всякой причины опять печально улыбнулся, взял трубку и принялся ее набивать; пожилой усталый военный врач наблюдал за неторопливыми движениями его толстых пальцев и думал, что небось в боях эти пальцы погасили не одну трепетную свечу жизни. Теперь он вернется на фронт и скоро, быть может, кто-нибудь погасит трепетный огонек его собственной жизни. Крошечное личико младенца в складках одеяла сделалось квадратным: он уже не плакал, первая улыбка коснулась его губ. — Он видит во сне ангелов, — шепотом сказала Агнес. «Ангелов?» — подумал доктор Кубелик. «Значит, человек, который видит во сне ангелов, непременно должен улы-

баться», — подумал доктор Кубелик. Серый воздух нагонял сонливость, сонливость убаюкивала мозг, убаюканный мозг посылал в тело приятную расслабленность. Четырехлетняя девочка в соседней комнате перевязывала раненого отца и хоронила дядю Пауля... снова перевязывала раненого отца и снова хоронила дядю Пауля... через минуту снова перевязывала раненого отца и тут же снова хоронила дядю Пауля. — Ну вот, тепель он навсегда подох... стала жаб! Пусть челви его глызут! — проговорил горбатый мальчик. — Пусть грызут, пусть грызут! — воскликнула четырехлетняя девочка и затем опять раздался воинственный грохот килечной коробки, что свидетельствовало о страстном желании, чтобы дядя Пауль еще раз погиб и его можно было еще раз похоронить. Неожиданно всем не о чем стало говорить — даже тем двоим там, за закрытой дверью — да, все как будто очутились на узкой грани между бодрствованием и сном.

У доктора Кубелика глаза вдруг и вправду сомкнулись, и голова резко качнулась, сразу же отогнав сон. Он решительно встал, зевнул и сказал:

— Нет, я все же пойду! Иначе я еще усну прямо тут, на стуле и не проснусь до самого вечера.

Когда он подал женщине на прощанье руку, та спросила, помедлив:

— Вы в самом деле считаете, что к субботе мне станет намного лучше, и я опять смогу заняться своими повседневными делами?

— Надеюсь. Это будет уже девятый день, а девяти дней бывает достаточно, — сказал доктор Кубелик.

И солдат, тоже встав, произнес неторопливо, как-то по-деревенски:

— Я, пожалуй, провожу вас маленько. А то сию здесь уже битых два часа, даже спина занемела...

— Ладно, проводите меня, — кивнул доктор Кубелик.

И еще один человек вызвался проводить доктора — маленькая Агнес, которая прямо-таки влюбилась в него. Девочка что-то зашептала матери на ухо, как видно, давая ей твердое обещание, потом надула губки и принялась настаивать. — «Она уже умеет настоять на своем, эта маленькая, слишком много

видевшая, бойкая девочка!» — подумал доктор Кубелик, стоя на пороге соседней комнаты и глядя на девочку, которую с удовольствием взял бы на руки. Солдат громко пыхтел трубкой. Вдруг горбатый мальчик схватил туфлю матери, нацелился ею в сооруженную из щепок крепость и стал выкрикивать команду выстроившимся на полу оловянными солдатами, очевидно, впервые как следует справившись с трудной буквой «р» — «Р-рота пли... по этому чер-тову дяде Паулю!» — И Агнес, добившись, наконец, у матери необходимого ей разрешения, выскочила в переднюю и начала искать свою жалкую одежду, объясняя шепотом:

— Видишь, дядя, мама разрешила и мне выйти. Мама мне никогда не отказывает, если я обещаю не промочить одежду. Со вчерашнего утра и ноги моей на улице не было, только в лавку сбегала. Я зонтик захвачу, тогда дождь мне нич-чего не делает. Ну — пошли! Я с дядей вернусь, а если дядя будет держать зонтик, можно не бояться, что ветер его вывернет.

— Совершенно верно, так и сделай! — кивнул доктор Кубелик.

Они спустились по лестнице. Уже на пороге в лицо им ударил влажный ветер, как бы состоящий из стремительно несущихся комьев мокрого снега и крупного, частого дождя. Солдат молча раскрыл зонтик и наклонил его против ветра. Свободной рукой он вынул трубку изо рта и молча сунул ее в карман, продолжая держать зонтик наклоненным против ветра. Доктор Кубелик тоже молчал. Зато шедшая между ними маленькая девочка не молчала — она шла на цыпочках, отчего стала гораздо выше, и все болтала, болтала — без передышки:

— Скоро и Антс подрастет, тогда мы поиграем и пошалим вволю. Сейчас он еще слишком слабый и должен очень много спать — ведь дети в другое время не растут, только во сне... А скоро ему уже не надо будет так страшно много спать, и тогда мы сможем с ним играть. Однажды, когда я была еще совсем маленькая, мне хотелось иметь такую большую куклу, как теперь Антс. Папа купил бы мне такую — он уже обещал, — но война помешала. Я все

свои игрушки, которые мне уже не нужны, отдам Антсу. Антс ведь будет беречь их не хуже, чем я сама. Как ты думаешь, дедушка, будет Антс беречь мои игрушки не хуже, чем я сама?

— Конечно, будет! Непременно! — с уверенностью воскликнул доктор Кубелик.

— У меня сейчас три девочки и две коровы. Одна из них, правда, бык, и он на колесиках. Иногда мы играем, что он очень злой и бодается, тогда мы забираемся на кровать и сидим там тихонько. А он бродит по комнате и ревет, старается найти нас по запаху. Когда папа вернется с войны, он купит Антсу быка побольше! Я сама его попрошу об этом. Как ты думаешь, дедушка, папа скоро вернется с войны?

— Скоро, скоро! Почему же не скоро! — сказал доктор Кубелик.

Солдат вдруг сердито хмыкнул, покосился на девочку и нахмурился.

— Молчите, не мешайте ей! — проговорил доктор Кубелик.

— Э-эх вы, ангелочек с крылышками! — сквозь зубы проворчал солдат.

Агнес сказала:

— Антс из нас самый маленький и самый слабый, и пусть только кто-нибудь попробует его обидеть! Маленьких ведь легко обидеть, а... нельзя! Таких маленьких как Антс. Они ведь еще глупенькие, ничего не понимают и поэтому иногда не слушаются и шалят. Но потом они становятся умнее и... перестают озорничать. У меня, кроме трех кукол и двух коров, есть еще маленькая тележка, тряпичная собака и красная утка. У нее на хвосте дырочка и если в эту дырочку подуть, утка свистит. Антс сперва не будет уметь так дуть, но не беда, потом научится, главное, чтобы он теперь как можно больше спал и поскорее вырос. А ты, дедушка, во сне рос?

— Конечно, конечно, во сне, как же иначе! — ответил доктор Кубелик.

— А ты, дядя, тоже во сне рос? — спросила Агнес дядю Пээтера.

— Да... во сне... рос! — пробурчал солдат басом.

Откуда-то с крыши к их ногам упал большой ком голубоватого подтаявшего снега.

И Агнес продолжала, прижимаясь к доктору Кубелику:

— Я смотрела, как мама кормит Антса — он уже намного крепче, чем был... когда родился. Пальчики у него прямо совсем толстенькие, и личико не такое уже красное. Интересно, у всех новорожденных такие красные личики, как у нашего Антса? И долго ли... долго еще ждать, пока он говорить научится?... Когда маленький ребенок еще не умеет говорить, он же ничего не понимает и с ним гораздо труднее играть, чем... потом. Я видела однажды такого ребеночка, который не умеет еще говорить... Бегает как все — только ноги немного заплетаются, а сам и словечка сказать не может. Ой, вот было бы славно, если бы Антс научился говорить к тому времени, когда папа вернется, вот бы папа удивился: открывает дверь, входит в комнату и видит, что нас уже не трое, а четверо, и этот четвертый, маленький Антс, почти такой, как я сейчас... Как ты думаешь, дедушка, папа сделает большие глаза, когда увидит Антса?

— Конечно, сделает, а то как же! — кивнул доктор Кубелик.

Солдат еще раз сердито хмыкнул.

— Пожалуйста, не мешайте ей! — снова сказал доктор Кубелик.

Агнес же взяла его за руку и продолжала мечтать:

— Знаешь, что мы тогда сделаем, дедушка? Мы спрячем Антса под стол и заставим папу искать его. Мы не скажем ему, что тот, кого он ищет, маленький мальчик, наш брат, которого он никогда в жизни не видел. Он станет искать, а Антс будет сидеть под столом и смеяться. И мы тоже будем смеяться... И мама будет смеяться. Когда папа, обыскав все углы, вдруг поднимет край скатерти, он... прямо испугается... и скажет — боже милостивый, кто же тут сидит? Ведь он сперва подумает, что это чей-нибудь чужой мальчик к нам пришел, и когда мама расскажет ему всю историю от начала до конца, он прямо до колик будет смеяться! Правда, это было бы замечательно, дедушка?

Доктор Кубелик не мог больше отвечать — каждое слово вбивалось в него точно когтями.

И солдат, который, как видно, испытывал то же самое, положил руку девочке на плечо и сказал тихо:

— Агнес... пойдём-ка теперь домой. Видишь, какой сильный ветер, ещё простудишься... и тоже заболеешь.

— Хорошо, пойдём, в самом деле что-то холодно, — весело согласилась девочка и протянула дедушке на прощанье руку.

Доктор Кубелик ступил под сень толстого каштана и сказал солдату, который печально ему улыбался:

— Возвращайтесь быстрее -- я подожду вас.

Глава пятая

ФРОНТОВИК УГРОЖАЕТ

Солдат скоро вернулся. Он проводил Агнес до самой двери, забыл отдать ей зонтик и теперь держал его как-то неумело — зажав под мышкой. Полы его шинели промокли и отяжелели и на каждом шагу хлопали по голенищам. Подойдя к доктору Кубелику, солдат сердито сплюнул и сказал:

— Мерзко! Это уж... слишком мерзко!

— Что, что слишком мерзко? — спросил доктор Кубелик с явным намерением дать решительный отпор этому рослому, озлобленному фронтовику.

— Что... — повторил солдат. — Вспомните же, черт побери! Что скажет папа, когда, вернувшись с войны, найдет дома мальчика, которого еще ни разу в жизни не видел? Папа станет искать, мы будем смеяться, даже Антс будет смеяться под столом, и тогда мама расскажет папе всю историю... Вы слышали, как она все это говорила? Слышали?

— Слышал, — коротко ответил доктор Кубелик.

— Ну... и разве, по-вашему, это... не мерзко? — спросил солдат.

И доктор Кубелик, настороженный и гибкий, всегда готовый к отпору, тотчас же ответил:

— Да, конечно, это мерзко. А разрешите-ка мне, в свою очередь, задать вам... небольшой вопрос...

— Спрашивайте! — буркнул солдат.

— Скажите мне, когда вы на долгий или короткий срок уезжали с передовой в тыл, в какой-нибудь польский городишко, откуда мужья и сыновья также были разбросаны кто куда — вы не совершали там... примерно таких же мерзостей и не расплачивались за них караваем хлеба, как это делают сейчас здесь? — спросил доктор Кубелик неторопливо.

Солдат сердито нахмурился — он не ожидал ничего подобного. И ответил, слегка смутившись:

— Н-ну... случилось... Мы же не дети малые... Но сейчас это не при чем.

— При чем! Очень даже при чем! — отрезал доктор Кубелик.

Солдат вдруг зло рассмеялся:

— Сдается мне, вы решили меня дураком выставить! — пробормотал он.

— Вовсе нет! Я только хочу обратить ваше внимание на то, что если уж вы так жестоко судите свою сестру, то... спросите-ка себя — не случилось ли и вам вторгаться в семью своего неизвестного собрата. Не случилось ли и вам покупать какую-нибудь бедную солдатку... на ночь или на две... за кусок хлеба? А? Ответьте мне, пожалуйста, честно, как мужчина мужчине!

Солдат снова нахмурился, снова помедлил с ответом. Наконец он сказал очень тихо, засунув руки в рукава шинели, словно вдруг сильно продрог:

— Да, так поступало большинство из нас. И только сейчас я понимаю, что так... не следовало бы. — Он умолк. И через минуту продолжал, как-то неумело и виновато одергивая на себе одежду: — Но до тех пор, пока это не коснулось меня самого, я смотрел на такие вещи как на обычные и естественные, от этого не становились хуже ни мы сами, ни те... кого мы покупали.

— Ага, видите! Стало быть — меня не судите, но сам я волен судить других. Или, как изволят глаголить благочестивые пасторы: «Поступайте не по делам моим, а по словам моим». Ну что ж, в жизни всегда так — мерзость становится в наших глазах мерзостью лишь в том случае, если она совершается по отношению к нам! — сказал доктор Кубелик, помолчал немного и затем продолжал: — Как видите, вы ни на волос не лучше своей сестры и поэтому не бросайте в нее камень, который можно было бы швырнуть в вас самих! Поступки и поведение людей отражают время, в котором они живут. Господу богу следовало бы дать миру мораторий... как я однажды уже говорил: все проступки, совершенные в теперешней обстановке, по окончании войны вели-

кодушно вычеркиваются из памяти людей и жизнь продолжается с тысяча девятьсот четырнадцатого года.

Молчание. Солдат думал, поглядывая через плечо, улыбался как-то грустно и безнадежно, обнажая свои крупные, коричневые от курения зубы. Немного погодя, он сказал, и доктор Кубелик опять услышал в его голосе злобу и осуждение:

— Может быть, он и впрямь должен был так поступить, этот ваш господь. Кстати, я не бросаю больше камень в свою сестру, я готов все сделать, только бы она помирилась с мужем. — И после паузы солдат продолжал еще более строго, еще более мрачно: — И еще я хочу вам сказать, что если мы там, у линии огня, допускаем такие мерзости, то мы платим за них очень дорого... и мы, и те женщины. Да, очень дорого, и не только караваем хлеба, как вы недавно заметили. А чем вы здесь в тылу расплачиваетесь за свое скотство? Вам еще ни разу не приходилось класть свою жизнь на весы, дрожа от страха, ползти по грязи, с замиранием сердца ждать приказа об атаке!... Скажите, скажите мне, господин доктор, чем вы здесь, в тылу расплачиваетесь за свое скотство?

Доктор Кубелик пожал плечами; он невольно проникся уважением к этому грубому, но здоровому человеческому разуму и прилагал все усилия, чтобы подыскать достойный ответ. Наконец он сказал не спеша:

— Конечно, мы за это не расплачивались... ничем. Что касается лично меня, то... поскольку я не расплачивался, я воздерживаюсь и от... этих безобразий, — добавил он с грустной улыбкой.

— Вас я и не обвиняю, — сказал солдат и тоже улыбнулся. — Когда я стоял там на улице под дождем и проклинал только что появившегося на свет младенца, вы пригрозили, что при первом же неуместном слове вы с вашим коллегой вышвырнете меня из комнаты, и я чувствовал, что вы намного сильнее меня. Я имею в виду не силу, а... совсем другое. Видите ли, я не умею этого объяснить, но так оно было, так оно и осталось. И мне временами кажется, будто я должен вам низко поклониться.

— Ерунду мелете... Как и ваша сестра. Это у вас великолепно получается! — воскликнул доктор Кубелик.

Они снова шли рядом, улица за улицей. Дождь, смешанный со снегом, понемногу перестал. Зато ветер все усиливался, серое небо стало пятнистым, потом начало подниматься все выше и выше; в канавах журчала густая черная вода, крутясь, она затягивала в глубину крупные комья снега, которые, дробясь, протискивались между железными прутьями решетки, точно неповоротливые серые крысы. И солдат сказал, наконец, ступая прямо в лужу, оказавшуюся у них на пути:

— Одну вещь я понял теперь именно благодаря собственному опыту... Нас, бедняков, всегда покупали и продавали, но в настоящее время это делается прямо-таки зверским образом.

— М-да... — промычал доктор Кубелик.

— Что вы сказали? — спросил солдат.

— Я ничего не сказал, — ответил доктор Кубелик.

Солдат вытащил руки из рукавов шинели, помахал ими и продолжал:

— Когда в деревне, в своем родном селе, я столкнулся с такими же вещами, я понял, что был несправедлив к сестре. У нее также трое детей и ей также приходится жить на голодный паек. Она тоже одинокий человек, которому приходится когтями и зубами драться за кусок хлеба. И вот — для того, чтобы прокормить себя и своих детей, она выбрала путь, который выбрали... тысячи наших женщин.

— М-да... — протянул доктор Кубелик.

И солдат продолжал:

— Что ж, посмотрим, долго ли нас будут этак топтать! Пословица гласит: придет пора, ударит и час — так оно и есть! Когда-нибудь ударит и наш час! Да, когда-нибудь это наступит! Обязательно наступит.

— Это что же обязательно наступит? — спросил доктор Кубелик.

Но солдат не обратил на него внимания и продолжал:

— Как я уже говорил, я ездил к отцу в деревню. То, что я там увидел своими глазами, многому меня

научило. Мой брат, еще совсем мальчишка, читает книжки с разными историями, а когда надоест читать — спрячет под полу несколько соленых салачин или кусок сала и крадется в бобыльскую лачугу — к солдатке... Сегодня перед обедом я ходил за реку, на окраину — обещал передать от одного своего знакомого горемыки письмо его жене, да забыл это письмо из-за истории с Эвой. Ну, взял я с собой небольшой узелок с гостинцем — ложку масла, немного крупы и пару сухарей. Там, в каморке под лестницей царила ужасная нищета. Отдал я женщине этот сверток, и когда она развязала платок, она прямо-таки разрыдалась. Можете себе представить вы, мужчина с багровой от сытости шеей, — что это значит, когда человек плачет при виде пригоршни крупы, кусочка масла и двух-трех сухарей? Можете вы себе это представить, а? Скажите, можете?

— М-да... — протянул доктор Кубелик.

— Черт побери, да отвечайте же! — закричал солдат, впадая в ярость, потом остановился и посмотрел на спутника налившимися кровью глазами.

— Да, я могу себе это представить, — ответил доктор Кубелик тихо, точно со скамьи подсудимых.

Молчание.

— Когда-нибудь мы этого дождемся! Когда-нибудь обязательно дождемся! — снова проговорил солдат.

Доктор Кубелик спросил, стараясь перекрыть шум ветра:

— Прошу вас, скажите, чего мы когда-нибудь непременно дождемся?

— Резни! — ответил солдат уже с угрозой.

Они опять шли некоторое время молча. У доктора Кубелика от тяжести шинели заныли плечи, время от времени он расправлял их, чтобы облегчить эту боль. Сапоги уже давно промокли, пальцы ног стали скользкими и озябли. А кругом была все та же картина: колотились оторвавшиеся ставни, двери и ворота ударялись о стены и заборы, тут и там свалившиеся с крыши чешуйки черепицы лежали на тротуаре неподвижно, как маленькие трупки. Буревестники носились наперегонки с ветром, временами опускаясь чуть ли не до самых крыш и пронзительно

крича. Где-то в глубине блестящего оконного стекла мелькнуло морщинистое женское лицо, угловатая тень, похожая на призрак. И солдат снова заговорил, кивая головой в такт шагам:

— Да, сейчас мы улаживаем дела могущественных императоров и занимаемся резней в их честь, а когда-нибудь наступит великая резня, когда каждый начнет сводить свои личные счета. И тогда уже тщетны будут мольбы о пощаде! Несколько дней назад я говорил вам, что беспокоюсь о своем младшем брате — ведь один из нас уже нашел свой конец, теперь очередь может дойти и до него. Но только я вам вот что скажу: если начнется эта резня и тот, чей очаг брат сейчас так подло оскверняет, затащит его в кусты и там ужокошит, я для его спасения и пальцем не шевельну!

— Чепуха, небось шевельнете... и наверняка не только пальцем — всем кулаком шевельнете! — сказал доктор Кубелик.

— Нет! — прорычал солдат. — Не стану. Я в нужный момент отвернусь, чтобы не видеть его конца, а потом зарюю его, пададь этакую, и все! Да, вы, тыловые жеребцы, еще дождетесь, вы еще повоюете и поскулите, когда мы будем вам шеи сворачивать!

Доктор Кубелик закончил за него:

— ... и перерезать нам глотки?

— Да, когда мы начнем сворачивать вам шеи и перерезать глотки! — подтвердил солдат.

Так, изо всех сил напрягая голос, чтобы услышать друг друга, они добрались, наконец, до улицы, на которой жил доктор Кубелик. Солдат остановился, выбил трубку о каблук сапога и проговорил чуть спокойнее, словно ставя точку после всего сказанного:

— Сегодня, до вашего прихода, она уже начала мне исповедоваться. Я надеюсь, что рано или поздно я узнаю имя этого подлеца. Я... я... до тех пор буду бить этого мерзавца, пока он... не заревет... как под ножом. Пусть я за это уйду в Сибирь, но ни пощады, ни жалости ему не будет!

— А я, в свою очередь, надеюсь, что ваша сестра не поведает вам ничего лишнего, — сказал доктор Кубелик вдруг почти так же зло и решительно. —

И не в интересах того, другого, а как раз в ваших собственных интересах, понимаете? Неужели вы думаете, что с помощью своей сумасшедшей логики сможете что-то вычеркнуть из вашей жизни? Нет, не сможете! Вы убьете любовника своей сестры, вас действительно сошлют в Сибирь, и получится, что какой-то оболтус, который заслужил лишь хорошую взбучку, вдобавок ко всему погубит еще и вас, мстителя! Кстати, да будет вам известно — до сих пор существующие в мире порядки и устои изменяли не вы, обманутые отцы, а ваши голодные жены и дети, чей бунт вы лишь поддерживаете своими штыками и винтовками... когда он уже в разгаре!

Сердитый фронтовик пропустил это мимо ушей и еще раз повторил:

— Да, я... я... колотил бы этого мерзавца до тех пор, пока он не стал бы... холодным, как кочерыжка!

— Глупо, глупо! — возразил доктор Кубелик, чувствуя страшную усталость и оцепенение. — Собака, которая лает, редко кусается, и если когда-нибудь и впрямь начнется резня, вас среди головорезов наверняка не будет! — Пауза. — Н-ну... а впрочем может быть... разве я знаю... — проговорил он после небольшого раздумья. — Делайте, как вам будет угодно, и если вы убеждены, что в этом ваше призвание, перерезайте людям глотки. А теперь — прощайте. С меня довольно.

— Будьте здоровы, господин доктор, — сказал солдат, улыбнулся, словно извиняясь, и сразу же, широко шагая, пустился в обратный путь.

Глава шестая

КАПИТАНА КУБЕЛИКА НАВЕЩАЮТ

В то время как Антон, продрогший в своей мокрой шинели, шагал к дому, сердитый рослый солдат сидел у постели своей сестры, а госпожа Эмилия, глядя на влажные от пота усы мужа, молилась богу, капитан Кубелик молча лежал на своей постели и от нечего делать разглядывал дырочки в стенной штукатурке. От долгого лежания он опять стал нервничать, ложился то на левый бок, то на правый и никак не мог устроиться, тогда он, по примеру поручика Афанасьева, принялся капризно вздыхать. В конце концов — как видно, от этих непрерывных движений — у него разболелась рана, и им овладела тяжелая усталость, та самая усталость, которая в последнее время почти непрерывно томила его тело и душу. Артиллерийский капитан Смирнов уже давно уснул, а поручик Афанасьев пристально смотрел в потолок и время от времени глубоко вздыхал. Раздававшиеся в коридоре шаги, казалось, начинались в каком-то очень далеком, пустом помещении и в таком же далеком, пустом помещении исчезали. И в сердце капитана Кубелика опять закралась тоска по людям, ему захотелось, чтобы к нему кто-нибудь пришел, чтобы посидел возле его постели, поговорил с ним, чтобы задавал ему разные дурацкие вопросы о его ранении, и при этом он стыдился самого себя, чувствовал себя почему-то виноватым. Он вспомнил отца, любящую высокопарные фразы мать, Кунца, этого хитрого и злого драчуна, Клару, дядю Юстуса; он вспоминал друзей и знакомых: судью Эббермана, нотариуса Лоренцона, Брауншвейга, этого отчаянного повесу; он вспомнил даже старого господина Баумана, этого поразительного обжору — капитан

Кубелик сейчас так ясно представлял себе его морщинистые, непрерывно перемалывающие пищу челюсти. Под конец вспомнились еще более далекие, еще более случайные знакомые — люди, с которыми он в течение многих лет соприкасался в этом тихом и мирном портовом городке, которые, встречаясь с ним, останавливались и опять шли дальше; при этом он не помнил даже, как их зовут — кто из них Петерсоны, кто Кулламы, кто Кадаки, кто Тамманы... И пока он их всех вспоминал, он был совершенно уверен, что никто из них не придет сегодня его проводить — никто, ни-кто, черт побери, да, ни одна душа!

Капитан Кубелик закинул руку за голову, попытался уснуть и... продолжал думать. Воспоминания о близких вдруг так разрослись, что ему стало от них больно. Надо полагать, Антон скоро доберется до дому и сразу же сообщит там свою новость; и тогда отец и мать примутся дрожащими руками напяливать на себя одежду и бегом бросятся сюда! А если и эти двое придут вместе с ними, эти два восходящих светила — подполковник Кубеляев-Скобелев и капитан Максим Мартыныч — ну, что ж, пусть приходят, пусть себе приходят! Капитан Кубелик протянул руку, пошарил на ночном столике в поисках часов и внимательно поглядел на циферблат: — О-о, всего половина второго! — И словно против воли он начал прислушиваться — его уши вдруг словно мгновенно выросли, и он начал ловить каждый звук.

Однако никто из тех, о ком он вспоминал, не явился — как он и предполагал; за дверями раздавался лишь самый обычный повседневный шум военного госпиталя: шаги выздоравливающих, обрывки рассказов о чьих-то приключениях, гул шагов сестер и сиделок, приглушенное дребезжание звонков. Антон, как видно, отправился побродить, и вернется домой попозже, — думал капитан Кубелик, вспомнив удрученное настроение парня. И он опять принялся разглядывать неровности в штукатурке, снова скатившись до уровня больного ребенка: та извилистая линия, что начинается над печкой — река, круглое пятно между печкой и окном представляет собой озеро, а это кофейно-коричневое,

самое близкое к его кровати пятно — часть огромного океана, в который впадает все остальное... Откуда-то взялся паук и отправился своей дорогой — висящая на чудовищно высоких ногах черная точка, — и капитан Кубелик загадал: если паук за пять минут доберется до карниза, старики непременно придут его навестить, если же свернет в сторону, — не стоит мучить себя напрасным ожиданием.

Спустя некоторое время, капитан Кубелик все же уснул и увидел себя в столовой дяди Юстуса за большим столом в окружении шумных гостей. Но эти крикуны не были обитателями их городка, это были его однополчане — он знал даже, что некоторые из них давно уже погибли. Однако это сознание ничуть не мешало ему: ну и что же, товарищи, приятного вам аппетита! Под блюдами и бутылками была разостлана гигантская карта генерального штаба, утыканная маленькими флажками и разноцветными кнопками, и каждый раз, когда капитан Кубелик, намеревался откусить кусок, какой-нибудь из этих флажков или кнопок попадал ему на зуб и противно скрипел во рту, точно песок. А под самый конец он проглотил три (да, именно три) ячменных колоса, и никак не мог вытащить их изо рта, хотя старался изо всех сил, оскалив зубы от ужаса и засунув пальцы глубоко в рот.

Наконец капитан Кубелик проснулся с тяжестью на душе: ему казалось, что его вот-вот вырвет. Он решил, что и это, как видно, объясняется чрезмерно долгим лежанием на спине. Ему опять захотелось переменить положение, но он вдруг заметил, что кто-то стоит в комнате — белая фигура, похожая на призрак.

Да, сомнений быть не могло, это Айми-Ли. И так как приход сестры немного обрадовал его, он в благодарность за это попытался ей улыбнуться.

Но сразу же заметил, что с девушкой творится что-то неладное: веки у нее были красные, щеки бледные, кончик носа заострился. Ее, несомненно, что-то мучило. И капитан Кубелик, ударив Айми-Ли пальцем по руке, сказал чуть сентиментально, не спуская с нее глаз:

— Спасибо, Ли, что ты пришла. Этот проклятый день кажется мне в десять раз скучнее, чем все предыдущие, вместе взятые. Если бы я знал, что это связано с выздоровлением, я был бы счастлив, но я ведь не знаю этого и потому готов послать его ко всем чертям, этот сегодняшний день! Сядь, пожалуйста.

Айми-Ли сказала, глядя мимо него:

— Тут к тебе пришли.

Капитан Кубелик быстро повернулся на бок — вот дьявол, неужели его надеждам и ожиданиям и в самом деле суждено сбыться?

— Ко мне, пришли? — переспросил он словно в испуге, стараясь скрыть от сестры охватившее его сильное волнение. Впусти! Даже если это сама чертова бабушка — впусти!

— Это... бывшая барышня Брок, — сказала Айми-Ли.

Капитан Кубелик почувствовал, как вся кровь отхлынула от его лица. Молчание, вызванное этой неожиданной новостью, наполнилось воспоминаниями, которые, тщетно стремясь соединиться в единое целое, бессмысленно метались. Он словно вдыхал какой-то смолистый запах, сухой и горячий, напоминающий запах полевицы. И затем сразу же замелькала беспорядочная вереница коротеньких обрывков: душный лес; песчаная почва под ногами; коричневые иглы на пригорках; хрустящие на беспощадном солнцепеке сосновые шишки; пыльная дорога, отделяющая лес от луга; пышные ивы на широкой пойме; таволга; собачья петрушка среди молодых берез; серебристая гладь реки, прорезанная сверкающими отблесками; полевица, полевица, полевица! Он видел себя склоненным над узкой белой ногой и глубоко вдыхающим исходящий от нее солоноватый запах пота; он чувствовал на губах отпечаток чулочных петель, мягкое прикосновение подола платья к мочке уха... В его душе поднялось какое-то округлое воспоминание, озаряемое как бы короткими вспышками молний, в этом воспоминании преобладало ослепительно голубое небо с ослепительно белыми облачками. И за тот короткий миг, пока воспоминания жгли его, мимо него вдруг словно

пронеслась огромная глыба живой жизни — частица его самого, неповторимый эпизод, которым ему не довелось воспользоваться до конца.

— Быв-шая... барышня Брок?... — переспросил он. — Почему — бывшая?

— Она уже почти год как овдовела, — сказала Айми-Ли, и брату показалось, будто за этими словами скрывается какой-то тайный смысл.

Капитан Кубелик повторил снова:

— Быв-шая барышня Брок?

Айми-Ли спросила тихо:

— Может быть, здесь надо немного прибрать... прежде чем я впущу ее?

— Смотри сама... я не знаю, — пробормотал капитан Кубелик.

Айми-Ли подошла к кровати, поправила одеяло, взбила подушку. Капитан Кубелик заметил, что у сестры слегка дрожат руки.

Но он был настолько занят собственными мыслями, что сразу перестал обращать на это внимание. Хотя он по-прежнему старался казаться равнодушным, он все же не удержался и спросил:

— Разве она за это время успела... выйти замуж?

— Да, я же... сказала. Ты, как видно, не обратил внимания, она даже успела овдоветь.

— Да? И за кого же?

— За провизора Ламберта.

Молчание.

— Стало быть, ее муж погиб?

— Да. Отец говорил, что провизор Ламберт служил где-то за германским фронтом в одной военной аптеке. Однажды во время воздушного налета в эту аптеку... попала бомба.

— Да? — пробормотал капитан Кубелик.

Айми-Ли кончила убирать и сказала:

— Значит, теперь я могу... ее позвать? Ах да — о том, что ты здесь, ей якобы сообщил доктор Гринбергс. Один из молодых Броков находится у нас на исследовании, так как хочет, чтобы его освободили от военной службы, и сестра каждый день приходит его навещать.

— Хорошо... — пробормотал капитан Кубелик, и было трудно понять, к чему это относится.

Айми-Ли ушла, и он опять остался один. Он изо всех сил старался успокоиться. От волнения у него поднялась температура, щеки горели, сердце сильно стучало. Но когда через мгновение в дверях появилась женщина в черном, под густой вуалью, капитан Кубелик нашел в себе силы улыбнуться ей своей обычной улыбкой, хотя волнение еще больше усилилось и буквально душило его.

— Простите, может быть, я помешала, — проговорила бывшая барышня Брок, стягивая с руки перчатку и глядя на него, словно из-за легкой дымки.

— Разве богини могут помешать нам, грешным скитальцам! — ответил капитан Кубелик, целуя пальцы протянутой ему руки. И тотчас же добавил, указывая на стул: — Прошу вас, сударыня! Я вам глубоко признателен, ведь дни здесь не блещут разнообразием.

— Да, я вам верю, — ответила женщина с какой-то подчеркнутой серьезностью.

Капитан Кубелик, прижавшись щекой к подушке, следил глазами за удаляющейся белой рукой, перехваченной узкой золотой цепочкой. Перчатка из тонкой кожи лежала на коленях, на угадываемом сквозь платье промежутке между коленями; грудь, обтянутая блузкой, была большая и тяжелая; под траурной одеждой изгибались мягкие линии молодого женского тела. Глядя на эту давно уже взрослую красавицу, капитан Кубелик вдруг почувствовал, что вся его смелость вновь возвращается к нему, и прежде чем он сам успел догадаться о направлении своих мыслей, он сказал, смеясь:

— Видите, сударыня, мир все же слишком тесен для того, чтобы два человека могли окончательно потерять друг друга из вида. Порой наши планы, которые, казалось бы, потерпели полный крах, спустя некоторое время, вдруг неожиданно выполняются. Минувшим летом я имел честь письменно пригласить вас на свидание... вот мы сегодня и встретились. Хотя после того я жил от вас за тысячи верст и вообще многое в нашей с вами жизни в корне изменилось.

Бывшая барышня Брок кивнула медленно и — как

показалось капитану Кубелику — несколько театрально. Она сказала:

— Да, вы правы — многое в нашей жизни в корне изменилось.

Уголок губ у капитана Кубелика начал нервно подрагивать. В его душе скопилось огромное, грозящее все сокрушить напряжение. Чтобы скрыть это, он пробормотал:

— Я не смел и надеяться, что вы придете меня навестить... Я право же... очень... очень вам благодарен...

— Да, я подумала, что... может быть, вы не рассердитесь, если... — отрывисто проговорила молодая женщина, слегка наклоняясь к нему. — Наверное из всех ваших знакомых я пришла вас навестить последней... Но я право же не имела понятия, что вы вернулись в наш город, хотя и вспоминала вас... неоднократно.

Пауза.

— Не-од-но-кратно? — медленно переспросил капитан Кубелик.

Женщина, снова откинувшись назад, поправилась:

— То есть... да... довольно часто. Наверное потому, что и мой муж на третьем месяце войны был призван... Вы наверное уже слышали, что я... замужем... То есть была? — спросила она вдруг как-то поспешно.

— Да, я услышал об этом сегодня. Сестра сказала мне перед самым вашим приходом, — кивнул капитан Кубелик.

Женщина медленным, плавным движением откинула вуаль и, глядя куда-то в сторону, промолвила:

— Да, ему не повезло. Это... случилось с ним... уже... в декабре.

Капитан Кубелик разглядывал украдкой узкое лицо сидящей перед ним молодой вдовы, ее длинные ресницы и две скорбные складки у рта. Он опять невольно вспомнил об этой покоящейся где-то в далеком прошлом поездке за город: о танцах на песчаной полянке, о сухом зное под старыми соснами, о болотце, через которое надо было пройти. В глубинных, плотно слежавшихся и обреченных на полное исчезновение пластах памяти, где-то на невидимом

дне души как бы поблескивали расположенные концентрическими кругами маслянистые пятна. И капитану Кубелику захотелось сказать что-то очень значительное и важное, от чего зависит многое и что явится решающим для будущего. Но вместо этого он сентиментально, по-мальчишески вздохнул и сказал:

— Да, что поделаешь! Это каждый день случается... с кем-нибудь.

Молчание.

Женщина по-прежнему смотрела куда-то в сторону — на окно, по которому непрерывно струилась смешанная со снегом серая вода. Гостья тоже погрузилась в воспоминания, хотя, как видно, несколько другие. Одноногий поручик Афанасьев и разговорчивый капитан Смирнов громко храпели. Дождь стучал по окнам. Дождь стучал по стенам и окнам. Дождь стучал по старой железной крыше, по стенам и окнам... Дождь шумел на булыжниках мостовой, но если внимательно прислушаться, казалось, будто этот шум идет прямо с неба, из стелющихся, точно чад, облаков. Дождь шумел, шумел, шумел. И сидящая возле постели бывшая барышня Брок вдруг посмотрела капитану Кубелику прямо в глаза и сказала:

— Когда я услышала, что вы здесь, я решила, что не пойду к вам. Но, как видите, не смогла не пойти! Да... отчего и не пойти. Мы с вами были не бог весть как близко знакомы... но все же. И к тому же вас, бедных раненых, часто навещают даже совсем чужие люди.

— Да, конечно — нас, бедных раненых, часто навещают и совсем чужие люди, — кивнул капитан Кубелик, улыбаясь как-то жалко, точно обиженный.

Губы у женщины были ярко-красные и какие-то жизнерадостные — они совсем не вязались с ее мрачной траурной одеждой.

Дождь стучал по окнам, дождь стучал по старой железной крыше, по стенам и окнам, дождь шумел, шумел, шумел.

— Ого, слышите, как шумит дождь... — сказал капитан Кубелик, стараясь казаться бодрым и веселым.

— Да, дождь сегодня... сильно шумит... — согласилась женщина. — Надеюсь, в том, что я пришла вас навестить, нет ничего дурного. В самом деле... дождь стал еще сильнее... как он шумит, а утром была еще настоящая зима. Может быть, я своим приходом вам... помешала? К тому же я... наверное последней из ваших знакомых... пришла вас... ах да, об этом мы, кажется, уже говорили.

— Да, об этом мы уже говорили. Кстати, сударыня, как раз наоборот, вы первая, почти первая... пришли меня навестить, — сказал капитан Кубелик, продолжая смотреть на губы посетительницы.

— Первая? В самом деле? — спросила бывшая барышня Брок.

— Да, это так, сударыня, вы действительно первая пришли меня проводить, — сказал капитан Кубелик. — Дело в том, что сначала я держал в секрете свое пребывание в городе, я даже взял слово с дяди, с сестры и с двоюродного брата, что они будут молчать, — с улыбкой пояснил он, словно боялся, что его неправильно поймут.

— Боже мой, значит я действительно... почти первая? — спросила бывшая барышня Брок и тоже вдруг улыбнулась, словно услышала что-то очень забавное и приятное.

— Да, это действительно... так, — ответил капитан Кубелик.

Молчание.

— Хорошо... извините... теперь мне надо идти, — сказала бывшая барышня Брок, однако не поднялась, только опустила вуаль на лицо.

Капитана Кубелика мучило ощущение, что она смотрит на него сквозь вуаль с какой-то тайной мыслью.

Женщина сказала:

— Да, теперь я пойду. — И затем добавила: — Мне бы уже давно следовало уйти... потому что дома меня ждут... — И еще через мгновение продолжала: — Брат просит, чтобы я навещала его. И представьте себе — ему хочется, чтобы я приходила к нему каждый день. А у меня так мало времени —

мама болеет и отец совсем плох, но я не могу его огорчать... своего брата... то есть.

При этих словах бывшая барышня Брок вздохнула, почему-то закрыла глаза, но тут же открыла их и поднялась. Капитан Кубелик вдруг повернулся к ней и сказал:

— В прошлом году я не успел спросить вас... об одном письме. Оно попало в ваши руки... своевременно?

— Да, своевременно, — ответила женщина и долго смотрела вниз, щурясь как от яркого света. И наконец, все еще не поднимая головы, проговорила: — Я не опоздала... Я пришла к тому часу... как вы и просили.

И она тут же попрощалась и ушла. Ее густые волосы были собраны на затылке и длинное платье шуршало, задевая ноги.

А дождь за окном по-прежнему шумел... Шумел, шумел, все шумел.

Глава седьмая

СМЯТЕНИЕ

После ухода бывшей барышни Брок капитан Кубелик почувствовал сильную слабость — словно из него вычерпали все, что до сих пор поддерживало его душу, придавало ему силы. Он уткнулся ртом в подушку, закрыл глаза; голова болела и была очень тяжелой. Наконец он обнаружил, что тихонько мычит сквозь зубы: «Элиза Брок... Фрейлейн Элиза Брок... молодая немецкая девушка... зачем она вышла замуж... так поспешно?» — думал он с лихорадочным волнением. Временами ему казалось, будто жар, недавно достигший наивысшей точки, начал спадать, но тут же ему стала мерещиться скопившаяся где-то за тонкой перегородкой гигантская сила, которая вот-вот прорвется через нее.

Когда он решил уснуть, чтобы избавиться, наконец, от этого неослабевающего беспокойства, дверь открылась и кто-то на цыпочках вошел в комнату: опять Айми-Ли в своем белом чепце! И он спросил вдруг по-русски, так как ему все еще казалось, будто он должен от всех что-то скрывать и тщательно прятать:

— Который час?

— Недавно пробило четыре, — ответила Айми-Ли.

— Вот как! Уже... четыре! — пробормотал капитан Кубелик и словно стараясь что-то вспомнить, потер лоб и проговорил, хотя сестра и понимала, что думает он совсем о другом: — Ты, значит, не ушла еще домой?... Ведь твое дежурство кончилось в обед?

— Я заменяю сейчас подругу, ей необходимо было куда-то пойти, — ответила Айми-Ли.

— Садись, что ты стоишь! — сказал капитан Кубелик.

Раненный в шею офицер крикнул через своего спящего товарища:

— Как всегда — тра-та-та! — Одним вечно необходимо куда-то отлучаться, а другие страдают, как глупые ослы тащат двойной груз. Ай-яй-яй, сестрица, неужели вы не понимаете, что вас эксплуатируют?

Айми-Ли молча улыбнулась, но ничего не ответила. Лишь пододвинув себе стул, она наклонилась над братом и спросила, снова переходя на эстонский язык:

— Ну... что она тебе говорила?

— Кто? — спросил капитан Кубелик. Но столь явное притворство даже ему самому показалось чересчур наивным и он добавил: — Ах госпожа Ламберт? По-видимому, ей хотелось выразить мне свое сочувствие и вместе с тем проявить современное свободомыслие. Впрочем, знаешь ли, мне простому смертному, ваша женская психология кажется порой слишком сложной... Но скажи, пожалуйста, что тебя-то мучает, ты ведь едва держишься на ногах.

— Меня? Со мной ничего, — ответила Айми-Ли.

Артиллерийский капитан Смирнов, по-видимому, скучая, воскликнул:

— Да, сестрица, послушайтесь старших: будьте осторожны. Не то эти жулики вас скоро вконец заедят, тем более, что вы, чухны, слишком уж уступчивы и слишком доверчивы. Ай-яй-яй, как погляжу я на вас — ну какого дьявола вы позволяете так себя надувать?

— Вы ошибаетесь, я не позволяю себя надувать, — возразила Айми-Ли.

Капитан Кубелик пробормотал:

— Капитан Смирнов прав — ты слишком часто взваливаешь на свои плечи лишнее бремя. Я заметил даже, что ты гораздо чаще подменяешь своих подруг, нежели они тебя.

— Нет, брат, ты ошибаешься! — сказала Айми-Ли.

И капитан Кубелик, вдруг помрачнев безо всякой видимой причины, закрыл глаза и протянул:

— Черт побери, вообще она омерзительна, эта твоя теперешняя должность! Омерзительна, понимаешь? И вообще — все мерзко! Я просто не могу

дождаться, когда мне, наконец, разрешат вставать... не то я свихнусь в этой вонючей духоте!

— Очевидно, уже не долго осталось... — заметила Айми-Ли.

— До той минуты, когда я подохну... от вони своего гниющего тела и этой ужасной карболки! — сказал капитан Кубелик. И, помолчав с минуту, добавил: — Ты уже сообщила родным, что я здесь?

— Нет. Но завтра они непременно придут тебя навестить, если еще не сегодня... Благодаря Антону... — ответила сестра.

Капитан Кубелик ощутил вдруг страшное желание зажать между коленями руки и грубо выругаться. Ему безумно захотелось забыться, не чувствовать приступов жгучей боли в ягодицах и в ноге; ему хотелось забыть своих домашних и... вообще все, черт побери! Ему хотелось забыть бывшую барышню Брок, непрерывные думы о которой мучили его точно острая и вместе с тем сладкая щекотка, точно ноющая боль в зарубцевавшейся ране... ему... хотелось... забыть... — «Ну что, что, что мне еще хочется забыть?» — спросил он себя сердито. Хотя он все еще стыдился своей духовной и физической немощи, ему все же не хотелось, чтобы Айми-Ли уходила. И справившись с собой, он сказал наконец:

— Пожалуйста, не говори им ничего! Никому, понимаешь? Я надеюсь, что и Антон... забыл. — И словно внутренне распаляясь, добавил, обеими руками сжимая голову: — Ведь все это так... мерзко... и жутко! На будущей неделе, когда я встану на ноги, пусть они хоть вдесятером приходят, пусть приходят, но только не сейчас! Да — только — еще — не сейчас — понимаешь?

— Хорошо, я сделаю так, как ты хочешь, — кивнула сестра.

— Да, я прошу тебя... серьезно! — сказал капитан Кубелик как-то медленно и печально и почувствовал странное желание исповедаться, высказать все, что у него на душе. — Потому что мне необходимо, наконец, стряхнуть с себя все это, — почти крикнул он, все еще сжимая кулаками виски. — Весь ужас, который оставил в моем мозгу этот ад... понимаешь?

Никто не поверит мне, если я сейчас признаюсь, что порой ночью мне кажется, будто я с ума схожу. В голове мысль: вот бы сейчас побежать... побежать... побежать! Но куда бежать? Ку-да? Ну, ты этого, конечно, не понимаешь, ты не можешь этого понять! — И после мучительно долгой паузы продолжал — все так же тихо, так же печально: — Я думаю, что простым солдатам... не так тяжело! Ведь они могут дрожать и бояться и наяву, им это разрешается, это их привилегия... им не надо глотать всякую дрянь! А если человеку приходится в течение целого года изо дня в день, из недели в неделю... глотать и гнетущий тайный страх... и жгучую панику!... Надо, чтобы мы имели возможность время от времени по своему желанию очищаться... понимаешь? А этого нет! Нет!.. Нет!.. — закончил он вдруг, словно возражая кому-то, и опять схватился обеими руками за голову, словно стараясь избавиться от наполнявшей ее мучительной боли.

Айми-Ли казалась испуганной, хотя она едва ли понимала, какие мысли, какое отчаяние таятся в словах брата.

И капитан Кубелик, словно вдруг перескочив обратно, зло рассмеялся и спросил:

— Объясни мне, наконец, какого черта ты в сестры пошла? Зачем, а? Тебе бы следовало замуж выйти, а не лезть сюда, в обитель смерти и страданий! Пусть в сестры и сиделки идут другие женщины: крупные, с грубым голосом и... бесцеремонные, как и те, за кем им приходится ухаживать. К чему, к чему, черт побери, такие вопиющие противоречия — с одной стороны, всевозможные ужасы, с другой же — сентиментальная и нежная женственность, словно призванная замазать кому-то глаза! Неужели трудно понять, оттого, что вы здесь, нам не легче, да и вам, красавицам тоже. Или господа начальники считают, что мы должны быть счастливы, имея возможность ежеминутно — в воображении и в действительности — сравнивать свои изувеченные тела с такими, как ты и тебе подобные? Нет, в самом деле — выходите, выходите замуж и не лезьте туда, где вам не место и где вы можете... даже наделать неприятностей!

— Замуж? Но ведь все мужчины на войне... — попыталась отшутиться Айми-Ли, но тут же поняла, что шутка не получилась. И ей стало стыдно — густая краска залила лицо до самых ушей.

Молчание. Ни тому, ни другому нечего было добавить. Минуты текли, из коридора слышался бой часов. За окном смеркалось. Пять? Да, точно так — пять! Поручик Афанасьев храпел со звонким присвистом, к нему присоединился теперь артиллерийский капитан Смирнов — ррр, ррр, ррр! — «Спите спокойно, друзья!» — думал капитан Кубелик. Видя, что сестра все еще смотрит на него, словно ожидая ответа, он поежился, кашлянул и сказал с горьким цинизмом:

— Неправда — вовсе не все мужчины на войне, в тылу их еще предостаточно. И те, кто сейчас в тылу, как раз... самого лучшего сорта! Хитрые, практичные, деловые, знающие себе цену!.. Или они тебе не по душе, а? Может быть, ты мечтаешь о ком-нибудь вроде меня — горемыке, совершающем героические подвиги, а? Чушь, сестричка, не стоит нас уважать. Кого? Нас? И уважать? Кто мы такие, чтобы нас уважать? Разве у нас трезвый и практичный ум? Где там, ничего подобного! Разве нам можно доверять? Нам? Доблестным сынам? Тьфу! Нет, серьезно, выходи-ка замуж и рожай детей, вместо того чтобы своей миловидностью и здоровьем постоянно напоминать о нашем собственном уродстве и немощи! Ведь вышла же замуж барышня Брок!..

— Вышла. Ну и что толку? — пожалала плечами Айми-Ли, не отводя от брата больших испуганных глаз.

— Да, ты права... толку действительно никакого, — пробормотал капитан Кубелик.

Они снова замолчали. Айми-Ли вскоре ушла, так как ее позвали, и вышла она так тихо, что даже дверь не скрипнула за ней — шаги сестры заглохли словно в чем-то мягком и отвратительно вязком. Артиллерийский капитан Смирнов мычал во сне какую-то патриотическую песню. Одноногий поручик Афанасьев, лежавший на соседней кровати, придал своему изувеченному телу новое положение, за дверью слышались чьи-то рассеянные, шаркаю-

щие шаги; кто-то раскатисто смеялся, словно растягивая мех большой гармони; кто-то сказал, что скоро час вечернего визита, — выздоравливающие доживали свой скучный отпуск. — «Да, поручик Афанасьев, этот красивый парень откуда-то с юга России, может по крайней мере двигаться, ему не надо все время лежать в одной и той же позе...» — подумал капитан Кубелик. — «Но зато он теперь одноногий... одноногий... одноногий...» — подумал он. — «И ему наверное сделают уродливую деревяшку, этому поручику Афанасьеву откуда-то с юга России, деревяшку с острым гвоздем на конце, чтобы не скользила. Это зимой, конечно, а летом можно и без гвоздя...» — думал капитан Кубелик. — «И он пойдет по улице — стук, стук, стук — поручик Афанасьев, красивый парень с юга России: Эй, идет храбрый инвалид войны, посторонитесь, пожалуйста! — Стук, стук, стук, — ходит одноногий поручик Афанасьев, этот красивый парень откуда-то с юга России, по городской или по деревенской улице: — Глядите на меня, разве я не трагичен в своем огромном несчастье?! Ноги лишился, зато все мои командиры премного мной довольны, о да! — Какие командиры, позвольте спросить? — Как — какие? А капитан Максим Мартыныч Кубеляев! А полковник Александр Мартыныч Скобелев! А дивизионный генерал Такой-то! А командир корпуса Сякой-то! А командир армии Вот-этакый! А дядя государя великий князь Николай Николаевич, верховный главнокомандующий! А сам государь-император!» — И капитан Кубелик тут же перешел от больших мыслей к малым. — Стало быть, барышня Брок успела за это время выйти замуж и овдоветь?... Так-так-так-ак! Черт побери — неужели я действительно не мог отправиться в тот теплый июльский вечер в сад городского головы, чтобы соблазнить его единственную дочь?» — думал капитан Кубелик. — «Старый плешивый доктор передавал любовные записки», — думал капитан Кубелик. — «Барышня Брок, о-о, пожалуйста, придите сюда, прошу вас!» — думал капитан Кубелик.

В то же мгновение вся эта путаница завершилась легким и приятным сном, вызвавшим на его губах

даже улыбку. Перед ним тотчас же замелькали ясные картины, на которые он смотрел как бы откуда-то со стороны. Он шел по очень большому безлюдному парку, сажился на скамью и ждал — да, он пришел на свидание, скоро должна была появиться барышня Брок. Была ветреная ночь, повсюду между деревьями извивались окопы, но поблизости не было ни души. А он все ждал, ждал. Та-ак, не идет ли там кто-то? Вер-но, идет, но, увы, это не барышня Брок, это просто один его однополчанин. Теперь между ними оказался черный, как смола, стол, и они приготовились играть в карты. Но было слишком темно. И к тому же стол был так широк, что они не могли дотянуться до его середины. И им пришлось бросить игру. Потом пришел еще кто-то. Но это опять была не барышня Брок, это опять явились друзья в заляпанных грязью мундирах — они тоже хотели играть в карты за этим огромным столом. Где-то пустили красную ракету: «А ну, артиллерия, дай-ка залп, чтобы мы могли, наконец, играть в карты за этим проклятым столом! — Раз, два... раз, два, раз-два! — тотчас же замаршировали за его спиной роты, безмолвные точно мертвецы, выходящие из братских могил. Из братских могил? Ну-ну-ну, где братские могилы? Как далеко братские могилы? Сколько братских могил? Как... как глубоки братские могилы?» — думал он в каком-то смятении. И все еще не было видно барышни Брок, но ведь она обещала прийти к нему на свидание... «А ну, артиллерия... артиллерия... дай же залп, разве не видно, что стол слишком велик и мы не можем сбросить карты в самую середину! — Кто-то побежал, торопливо пробираясь между черными стволами, поздоровался, потряс его за плечо и сказал: — Эй, ваше превосходительство — в атаку! — Я не могу, я жду барышню Брок! — ответил он. — «Барышню Брок?» — переспросил солдат и засмеялся только одной половиной лица. — «Не скаль зубы, подлец!» — сказал он. — «Вы же без сапог, дурачок, в чем вы ее ждете!» — сказал солдат. И теперь он сам увидел, что действительно пришел на свидание босиком, ступни его были грязные, между пальцами набились комья зеленовато-корич-

невой глины — оттуда... из траншей... — «Я... я... я ранен...» — пробормотал он и сразу же открыл глаза.

Он и понятия не имел, сколько времени спал. Горело электричество, тяжелые черные шторы на окнах были опущены, Айми-Ли опять сидела на его кровати и внимательно смотрела на брата. Голова у него все еще была тяжелая и туманная, спина болела, поджилки ломило от длительного напряжения. Подушка была влажная — как видно, он во сне сильно потел.

Капитану Кубелику хотелось пить и он попросил воды. С жадностью опорожнив стакан, он спросил, медленно выговаривая слова:

— Значит, ты улучила минутку, чтобы еще раз меня навестить?

— Да. Сестра, которую я замещала, уже вернулась, — сказала она.

— Та-ак... — протянул капитан Кубелик.

— Если тебе нехорошо, я могу дать тебе что-нибудь болеутоляющее... — сказала Айми-Ли.

— Нет, не надо, просто у меня сегодня температура чуть выше обычного, — заметил капитан Кубелик; и голос у него слегка задрожал, когда он, наконец, опять заговорил, положив свои худые пальцы на гладкую и мягкую руку Айми-Ли, — эта рука, казалось, боязливо вздрогнула от прикосновения его шершавых пальцев: — Нет, в самом деле, сестренка, махни рукой на всю эту ерунду и заведи с каким-нибудь хорошим парнем хотя бы шашни! Никто из нас, горемычных, не умрет без тебя и никто из нас, горемычных, не выздоровеет по той лишь причине, что ты нас лечишь!

— Война, может быть... скоро кончится, — сказала Айми-Ли, устало улыбаясь.

— Война? Ну, это еще неизвестно... — капитан Кубелик пожал плечами и опять замолчал.

Айми-Ли заметила:

— Почти полтора года — как будто достаточно. Опять зима надвигается. А зимой это, наверное... очень трудно?

— Зимой? — спросил капитан Кубелик.

Молчание.

Капитан Кубелик все приглядывался к одноногому соседу — поручику Афанасьеву, красивому парню откуда-то с юга России, который скоро должен выпиться отсюда... выйти на деревяшке, прыгая на костылях. Он смотрел на эти юные, почти детские щеки, на узкие, бескровные губы, на чистый лоб, который в тусклом свете лампы под потолком выглядел желтым и костлявым. Рот спящего нервно подергивался — по-видимому, поручика продолжали мучить кошмары — порождение пережитых мук и сомнений. Раненный в шею капитан Смирнов смотрел в потолок и, даже проснувшись, продолжал напевать свою короткую мелодию. Айми-Ли сказала, наклоняясь к брату:

— Ты бы постарался до ужина не спать, а то тебя опять ждет бессонная ночь. Но один успокоительный порошок я бы тебе все же дала, хотя бы для того, чтобы тебе легче было... дожидаться положенного часа.

— Нет, не хочу, — ответил капитан Кубелик и тут же устыдился такого мальчишеского упрямства. Он добавил, снова погладив руку сестры: — Дай мне лучше еще немного холодной воды. Во рту так сохнет, словно...

Жар, казалось, снова начал понижаться большими скачками, и мучительная нервозность капитана Кубелика стала постепенно ослабевать. Но то обстоятельство, что сестра явно намеревалась продолжать здесь работать, по-прежнему его раздражало. Почему? Он и сам не знал. Он считал, что тем, кого не неволят, следовало бы держаться от войны как можно дальше. И он сказал:

— Во всяком случае это идиотское взаимное кровопускание — не для такой девушки, как ты... С начала войны я успел насмотреться на всякие ужасы, но, по-моему, здесь я бы не выдержал... даже половины того времени, что мне пришлось пробыть на фронте. Взять хотя бы меня... с моим ранением. Когда человек не в состоянии даже сам отправлять нужду, то... о чем же еще говорить!..

— Ко всему можно привыкнуть, — сказала Айми-Ли.

Капитан Кубелик пробурчал:

— Да, это верно. Действительно ко всему привыкают. Но — ради чего?

Снова молчание. Из коридора глухо донесся бой часов. — «Вот как — уже шесть!» — Капитан Кубелик вздохнул, вытянул ноги. Теперь он очутился где-то в чистом поле и, сидя на кровати, пристально смотрел прямо перед собой, ожидая атаки. И барышня Брок сидела рядом с ним, обнаженная, с прикрытым черной вуалью лицом... И где-то вдали грохотали пушки, и разрывы снарядов словно высекали на темном небе ярко-красные букеты цветов, а отголоски разрывов долетали едва на несколько саженей... И мужчины в одном белье терпеливо ждали на своих постелях, держа винтовки как-то удивительно смешно — над головой... Ракеты выписывали в ночном мраке кривые дуги и вовсе не хотели больше гаснуть... Шел крупный дождь — очень странный дождь, он хоть и освежал, но не мочил. — «Ур-ра!» — грянуло из-под земли — то были убитые, которые словно бы должны были воскреснуть — ведь наступил конец света и громкие трубы призывали их... А потом он стоял на очень узком и длинном мосту, прямо на матрасе, приложив ладонь к уху. Мимо мчался генерал — маленький человечек с лицом городского головы Брока... Вдруг на него хлынули панически бегущие войска, заварилась такая каша, каждый солдат тащил на плече железную больничную койку. Господи... боже... неужели действительно не найдется никого, кто бы помог ему, раненому?! «Буг, Буг, Буг, Буг!...» — бормотал он, не переставая, и вдруг погрузился в глубокую ледяную воду, которая стремительно понесла его вперед, все вперед и вперед — к больнице, в которой ему предстояло лечиться.

Ему снилось, как он закрыл глаза и уснул.

После этого он уже не видел во сне ничего и стал дышать медленно и спокойно и, наконец, проснулся отдохнувшим, но с сильной болью в спине.

И насторожился: кто-то стонал тихо и невнятно, тут же, близко, почти над самым его ухом.

Капитан Смирнов сказал, стараясь говорить еле слышным шепотом:

— К нам, видите ли, поместили еще одного

воина — это пан Разинский, ротмистр из поляков. Он, бедняга, явно не так скоро поправится: у него тяжелое ранение в грудь, сиделка и сейчас возле него сидит. Вы, как будто неплохо отдохнули, капитан?

— Да, очень даже неплохо, — ответил капитан Кубелик.

И продолжая прислушиваться к страдальческому бреду вновь прибывшего, он сразу же опять вернулся к своим отрывистым и путаным размышлениям, размышлениям о своей жизни, которая вдруг, покалеченная, замерла на месте.

За окном по-прежнему назойливо шумел частый дождь.

Шумел, шумел и... шумел!

И капитану Кубелику вдруг показалось, что только этот частый и назойливый дождь является чем-то постоянным и прочным в этом мире — ведь он словно бы никогда не начинался и, как видно, никогда не кончится.

Все разрушится, истлеет, превратится в прах...

Останется лишь этот монотонный шум дождя... на веки вечные...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая

ВСЕ ЖДУТ ПРОБУЖДЕНИЯ ГЕРОЕВ

У Хенрика готовились к завтраку.

В то время как госпожа Розалия и маленькая арендаторша хлопотали на кухне, стараясь скрыть друг от друга свое волнение, сам хозяин сидел перед горящим камином и посасывал длинную фарфоровую трубку с ало-коричнево-зеленым узором. На хозяине был теплый мягкий халат, доходивший ему до колен, и брюки из этой же материи — их обтрепанные штанины волочились по полу. Каждый раз, когда Хенрик, вытянув губы трубкой, выпускал большое облако дыма, он слегка вскидывал голову, и на лице его появлялось выражение мрачной задумчивости, недовольства, строптивости и вызванного дурными сновидениями раздражения против всего окружающего. Время от времени он, словно настороженно к чему-то принюхиваясь, шевелил своими узкими, сухими ноздрями, и тогда больше, чем когда-либо, становился похожим на отощавшую хищную птицу, которая уже не в состоянии преследовать добычу, а вынуждена лишь подкарауливать ее.

Мартин, мызный арендатор, заложив руки за спину, широкими шагами ходил взад-вперед по комнате. В противоположность старшему брату, он был очень возбужден — как и хлопочущие на кухне женщины, он прислушивался к каждому звуку, доносившемуся из-за плотных дверей. Его ботинки скрипели; его собственные шаги мешали ему; и все же он — как ни старался — ни минуты не мог оставаться на одном месте и даже не хотел сесть рядом с братом у камина. Обуглившиеся поленья тихо потрескивали, пахло дымом, и время от времени через выгнутую железную решетку перескакивали

крошечные искорки, быстро угасавшие на прохладном полу.

Между тем незаметно становилось все светлее и светлее. Тяжелая старинная мебель, неуклюже выступала из бледных сумерек туманного утра; казалось, она робко поглядывает по сторонам, стыдясь своих устаревших, чрезмерно пышных форм. Глухой стук каблуков пожилого господина, расхаживающего по огромному мягкому цветастому ковру, своей бессмысленностью напоминал беспомощное топтанье сонного животного по бугристому замерзшему полю.

Хенрик, спавший всю прошлую ночь очень тревожно, чувствовал, что он не в силах дольше переносить это безостановочное хождение. («Болван, хоть бы догадался, наконец, сесть!»). Он собирался с духом, чтобы сделать брату замечание, но так и не сделал его и от этого еще больше помрачнел. Ведь он знал — стоит ему лишь слово сказать, как он тут же пожалеет о своей неосмотрительности. Ночные кошмары наградили его на предстоящий день дурным настроением — ему все время снилось, будто и Розалия вступила в греховную связь... с тем ужасным, таинственным господином Нярепом, о котором он в последние дни думал почти не переставая. Хенрик плакал, он был в отчаянии; охваченный горем, он бежал куда-то и, наконец, громко хныча, проснулся, даже подушка под головой стала мокрой от обильных слез... И, как видно, он был мрачен и угнетен именно из-за этих обильно пролитых во сне слез, потому что стыдился их, хотя и не хотел себе в этом признаться...

— Прошу тебя, не мог бы ты хоть немного посидеть на месте. Прямо весь дом трясется, когда ты так... расхаживаешь!... — проговорил он, наконец.

Ну вот, так и есть! Хотя Мартин и бросился моментально в глубокое кресло, он тут же со страшным грохотом, упираясь в пол каблуками, начал придвигать кресло к камину, производя еще больше шума, чем раньше! Расхаживая по комнате, он растеребил свою широкую, гладко расчесанную бороду на мелкие косицы, и его пухлые щеки карточного короля

прямо-таки пылали от возбуждения. Оставив на цветастом ковре уродливые серые полосы, он вплотную придвинулся к старшему брату и спросил шепотом, продолжая думать все об одном и том же, полагая, что только об этом думают и все остальные:

— Ты считаешь, что я... своим хождением... их беспокою?

Хенрик поглядел на него поверх своей трубки и сказал сердито:

— Их? Что значит — их? Ты меня беспокоишь, понятно?

— Тебя? Вот чудак, шутить изволишь, старый пень, — воскликнул мызный арендатор Мартин. — О полковнике Александре Мартыныче и капитане Максиме Мартыныче я беспокоюсь, а не о тебе! Ты бы послушал, какой у братьев здоровый и крепкий сон! Точно юные боги, ей-ей! Давеча, когда я искал свою табакерку, я подходил к их двери и прикладывал ухо к замочной скважине... и слышал отчетливо, как они там храпели. Ну, а собственно говоря, что тут удивительного? Люди из самого пекла вырвались. Богатыри, если так можно выразиться! То есть — если мне дозволено будет назвать своих родных сыновей так, как другие уже давным-давно их называют, хо-хо-хо! Я пробовал тихонько заглянуть в комнату, но у них еще занавески были задернуты, и поэтому я ничего не увидел...

Хенрик недовольно пожевал сухими губами, продолжая смотреть на пылающие угли. Он невольно представил себе, — а что, если Розалия наяву вступила бы на безнравственный, греховный путь и в самом деле ушла от него? В его душе шевельнулась какая-то по-мальчишески беспочвенная, но в то же время истинно стариковская, мрачная ревность, и он почувствовал, будто он должен тотчас же встать, пойти на кухню и по-хозяйски дать этой беспутной женщине оплеуху. «Только попробуй у меня, легкомысленная старуха!» Инстинктивно стараясь избавиться от этой зарождающейся ревности, сознавая свою глупость и ребячливость, он изо всех сил постарался успокоиться, сунул трубку обратно в рот и сказал, кивая головой:

— Ну да, конечно. Ведь вечером мы довольно долго болтали... К тому же усталость после дороги, естественно.

— Тсс! — в ту же секунду прошептал брат Мартин и предостерегающе поднял руку.

Оба стали прислушиваться, затаив дыхание. Откуда-то, с половины дома, отделенной от этой коридором, как будто и впрямь доносились приглушенные шаги, и эти шаги постепенно приближались. Хенрик проглотил пропитанную табачным дымом слюну, Мартин, тяжело дыша, снова начал в смущении теревить бороду. Еще две-три массивные вещи, стоявшие в самых отдаленных углах комнаты, выступили из густых утренних сумерек. Старшему брату крепкий дым попал в нос, проник чуть ли не до самой макушки и заставил его резко и громко чихнуть.

— Ну зачем ты та-ак? Я же просил! — с укором сказал Мартин, вздрогнув всем телом. — Меня останавливал, а сам черт знает какие звуки издаешь!

— Не командуй! Это мой дом — я издаю тут такие звуки, какие мне заблагорассудится! — заявил Хенрик, не пытаясь больше скрывать все возрастающую досаду и злобу. — Носишься с ними, как с г... на палочке! Ежели они у тебя так сильно устали, то, небось, не станут от всякого пустяка просыпаться, а ежели не так уж устали, то все равно проснутся. Я ведь сказал — уже восемь часов!

— Э-эх, лучше бы мы в гостинице остановились, в гостинице, понимаешь! — воинственно прошипел Мартин.

И Хенрик тотчас же ответил, еще более воинственно:

— Изволь, изволь, хоть сейчас перебирайтесь. Дорога у нас всегда открыта — сумели войти, сумеете и выйти!

Но к Мартину уже вернулось бесшабашно добродушное настроение, и он спросил дружески:

— Черт побери, старина, с чего это ты вдруг так расфыркался? Палишь как из пушки!

— С чего? Разве я знаю? Разве я могу заглянуть себе в нос, чтобы дать тебе... отчет?

— Тсс! — опять прошептал Мартин, глубоко втя-

гивая голову в могучие плечи. — Послушай, старина, послушай! Ну да, это они! Это они!

— Может быть... может быть, и так! — проговорил Хенрик уже миролюбивее, — после того как его гнев прорвался наружу, он заметно успокоился.

— Они, они. Это они — полковник Скобелев и капитан Максим Мартыныч! Они! — шептал мызный арендатор Мартин.

Хенрик неопределенно хмыкнул и хотел, как видно, еще что-то спросить, но не успел и только провел языком по пересохшим губам. Младший брат поспешно встал, схватил кресло и перенес его на прежнее место. При этом он отогнул край толстого ковра, начал неумело его поправлять, все больше запутываясь и, наконец, опустился на колени. Он был похож на большую бесхвостую собаку, которая ищет след. Он все прихлопывал и поглаживал, его руки быстро-быстро теребили ворсистую ткань. Наконец он снова вскочил на ноги, отряхнулся, поплевал на ладони и пригладил назад волосы. Хенрик, казалось, тоже заволновался, однако продолжал сидеть, так как не умел придумать ничего лучшего. И они, чуть ли не испуганные, замерли в ожидании, сосредоточив все свое внимание на тех шагах, которые все приближались под стук отворяемых и затворяемых дверей, сворачивали, и, наконец, пересекли коридор и подошли совсем близко.

Те две-три секунды, которые понадобились идущим, чтобы дойти до места, показались более долгими, более насыщенными и значительными, нежели обычно. Мызный арендатор Мартин шевелил за спиной пальцами и старательно выпячивал грудь и живот. Сам того не сознавая, он непроизвольно встал в стойку — пятки вместе, носки врозь. Отечественая улыбка играла вокруг его обросшего бородой рта, обнажая длинные, желтые передние зубы.

Коммерсант Хенрик также боролся с желанием встать и распрямить свое старое тело. Но он понимал, что это было бы чересчур комично и глупо, и поэтому продолжал сидеть. Хотя трубка его горела нормально, он подцепил в камине пылающий уголек и, помогая себе пальцем, принялся засовывать его в трубку — старик хотел казаться равнодушным

и старался чем-нибудь замаскировать свое волнение.

Дверь медленно распахнулась.

Мызный арендатор Мартин неуклюже поклонился, но тут же резко выпрямился и, засунув руки в карманы, разразился бранью, — его грубый голос гудел как из бочки:

— Чертов молокосос! Выдрать бы тебя как следует... э-эх! Поросенок, вот ты кто!

— Брось ругаться, ха-ха-ха! — сказал Хенрик и засмеялся отрывистым, похожим на гиканье смехом.

— И ты туда же, еще насмехаешься! — пробурчал Мартин.

Появившийся в дверях Отто, шестнадцатилетний шустрый подросток, в испуге округлил глаза и затем спросил, покраснев и переводя взгляд с дяди на отца:

— Что... что... что я такое сделал?

— Что ты сделал! Убирайся к черту... и смотри, как бы я не вlepил тебе затрещину! — пригрозил дядя Мартин, пиная ногой ковер, который сам только что, ползая на четвереньках, как следует расправил.

— Оставь парня в покое, чего ты пугаешь ребенка! — заметил Хенрик.

И Мартин, тотчас же овладев собой, снова подтащил кресло к камину и, усевшись, объяснил:

— Мы приняли тебя, лоботряса, за полковника Скобелева... понял?

Отто осклабился от удовольствия и, весело насвистывая, пошел своей дорогой.

Это недоразумение сильно повысило настроение Хенрика, — вся его угрюмость мгновенно куда-то улетучилась. Он набрал полный рот дыма, запрокинул голову и пустил к потолку большое, крутящееся кольцо. И сказал совсем уже дружелюбно:

— Да, они что-то слишком долго валяются, эти твои молодые господа.

— Валяются? Ишь ты, какие слова подбираешь! — воскликнул Мартин. — Люди приехали прямо с линии огня, смертельно усталые, а ты... несешь всякую чепуху. Э-эх, старик, в армии великого государя Российского сверкающие золотом погоны да-

ются не за безделье, а за героические дела, понимаешь? А нам следует знать, что и богатыри — люди из плоти и крови, как любой из нас, рожденный на свет женщиной. Так-то вот! Но теперь я уверен, что это мои сыновья идут сюда. Нет, нет, на этот раз я не ошибаюсь... наплюй мне в глаза, если я неправ.

И так как с той половины дома, где находились комнаты офицеров и их денщиков, опять донеслись громкие шаги, мызный арендатор Мартин снова вскочил, однако от стойки смирно воздержался и лишь замер с улыбкой на лице.

Но и на этот раз появились дети Хенрика, спешившие в школу. У Клары и сегодня глаза были серьезные и грустные. Кунц смотрел исподлобья. И дядя Мартин, скрыв свое разочарование за широкой улыбкой, поманил их к себе и спросил шепотом:

— Вы не слышали? Они спят еще?

— Да, спят, — ответил Кунц, который и в самом деле успел уже приоткрыть дверь и заглянуть в спальню взрослых двоюродных братьев.

— Спят?

— Да, да, спят!

— Темно у них?

— Да, совсем темно. В комнате совершенно темно.

— Вот видишь! — воскликнул мызный арендатор Мартин, обращаясь к коммерсанту Хенрику. — Как сыны Калева! Ведь ты слышал о них, о сынах Калева? Выдуманые мужиками чудища, которые умеют спать, как спят сейчас мои мальчики, хо-хо-хо! Значит в комнате совершенно темно, так ты сказал?

— Да, в комнате совершенно темно, — кивнул Кунц, причем и его лицо, и сложенные на животе руки выражали неуместную кротость.

Клара заглянула с порога в столовую, сморщила носик и скрылась.

Хенрик придвинул к себе ногой плевательницу и плюнул в нее с годами выработанной меткостью.

Мызный арендатор Мартин важно кивнул и закурил сигару, хотя обычно не любил курить до еды.

Кунц прислонился к теплему углу камина и еще раз повторил с важностью:

— Я тихонько приоткрыл дверь и заглянул в комнату — в ней действительно было совершенно темно.

— А-а, гляди-ка! Значит, совершенно темно? — спросил мызный арендатор Мартин.

— Да, совершенно темно! — сказал Кунц.

Вдруг в голове мызного арендатора Мартина родился хитроумный план, которым он поспешил поделиться с присутствующими. Он сказал шепотом, наклоняясь к бескровному уху старшего брата:

— Знаешь, старина... и вы тоже, молодые люди — как только женщины накроют на стол, мы пойдем и разбудим их песней, а? Подкрадемся тихонько к их двери, поделимся на голоса и... хором запоем: *«Славься, славься, наш русский царь, господом данный нам царь-государь!»* Хо-хо-хо! Черт побери — вот это была бы настоящая музыка, хо-хо-хо! Полковник Скобелев и Максим Мартыныч, капитан, на ж... упали бы от смеха. Как вы думаете, братцы, споем, а?

— Да, это действительно было бы оч-чень красиво! — заметил Кунц.

— Ясное дело — очень красиво! У тебя, парень, видать, котелок варит! — воскликнул мызный арендатор Мартин.

— Мы могли бы выбрать какую-нибудь церковную песню, какую-нибудь православную церковную песню, которая... — заметил Кунц.

— Верно! Верно, парень, у тебя котелок варит, сразу видно! — воскликнул мызный арендатор Мартин. — Но мы все же выберем царскую песню!

— Что ж, можно, конечно, только получится, будто... — смиренно продолжал Кунц.

Мызный арендатор Мартин задумался, ткнув палец в бороду, потом вдруг сообразил:

— Верно! Молодец! Если мы споем царскую песню, получится, будто... Возьмем церковную, возьмем церковную! — благоразумно согласился он.

Хенрик же продолжал пускать к потолку все новые и новые конусы дыма, затем опять пожевал своими тонкими старческими губами и промолвил неодобрительно:

— Совершеннейшая глупость! Фокусы какие-то! Куда это годится! В нашем доме все лютеране, причем тут русские церковные песни!

Мызный арендатор Мартин даже глаза выпучил.

— Что? Что? Как это — при чем? — воскликнул он все тем же грубым как из бочки голосом. — Русские церковные песни при чем? Ну, черт побери!

Кунц смущенно хихикал, так как уже не знал, чью сторону держать.

Коммерсант Хенрик снова сунул трубку в рот и сказал:

— Ну, черт с тобой, делай, как знаешь. Сыновья твои, песня, которую ты собираешься исполнить, тоже не моя... и глотка, которая будет ее там петь, тоже твоя. Так что... валяй!

В тоне Хенрика в эту минуту можно было уловить малую толику зависти, которая, впрочем, тут же улетучилась — он не был мелочным.

Глава вторая

ГЕРОИ ВХОДЯТ В СТОЛОВУЮ

Примерно в половине десятого госпожа Розалия начала накрывать на стол. Она занималась этим сама — событие было столь чрезвычайное, что на прислугу она полагаться не решалась. Худенькая помещица, у которой на редких волосах торчала какая-то комичная кружевная наколка, с молчаливой услужливостью помогала ей. Они носили в столовую блюда с холодной гусятиной, с чайной и копченой колбасой, с ветчиной; пирожки с салом, пирожки с рисом, пирожки с капустой; мармелад, варенья, две серебряные сухарницы, подставки для яиц, тарелки, дорогие фарфоровые кофейные чашки, расписанные розовыми и голубыми цветами, которые временами словно излучали мягкий свет. Царящую в просторном доме тишину вот уже полчаса нарушал все возрастающий шум спешки, и сидящий возле камина сухопарый пожилой господин опять начал раздражаться. В конце концов он не выдержал и сказал, преисполненный справедливого возмущения:

— Дурехи! Как будто все это нельзя делать спокойнее! Курицы безмозглые!

— Ну что ты, братец, что ты! Ведь и мы с тобой тут чуть не свихнулись, за что на баб-то сердиться, хо-хо-хо! — воскликнул брат Мартин.

— Свихнулись? Кто? — спросил Хенрик, сердито поджимая сухие губы.

Госпожа Розалия, наклонив голову, прислушивалась к разговору мужчин, не испытывая к нему, впрочем, особого интереса, да и не понимая его как следует. Отойдя от стола, она некоторое время смотрела на него внимательно, критически. Ночью, когда она ворочалась в своей постели, — сна не было и у нее — ей пришла в голову мысль, что предстоящий

завтрак должен явиться чем-то доселе невиданным, должен поразить суровых воинов своей глубокой серьезностью и вместе с тем отсутствием всякой пышности, как того требует нынешнее тяжелое время.

Но, увы, проснувшись поутру, госпожа Розалия убедилась, что и понятия не имеет, как все это устроить, какими средствами выразить символику этого мрачного времени. И вот теперь, окидывая взглядом свои достижения, она с ужасом заметила, что сегодняшний завтрак грозит быть точно таким же, какие она усердно организовывала уже сотни и тысячи раз.

Худенькая помещица, невольно копируя позу своей приятельницы-хозяйки, улыбнулась и сказала:

— О господи, и когда только я смогу тебя за это отблагодарить!

— За что, моя милая? — спросила госпожа Розалия с великодушием, присущим одним лишь широким натурам.

— За твое гостеприимство, дорогая, за твою доброту! — ответила гостья.

Госпожа Розалия отступила от стола еще на шаг, наткнулась при этом на стул и сказала, покраснев:

— О-о, не говори, не говори, моя милая! В наше время, время суровых испытаний, просто невозможно устроить бог весть что, и поэтому... удовольствуемся малым. Во всяком случае я счастлива, что могу доставить тебе и твоим славным сыновьям немного радости. Как видишь, тут нет ничего особенного, не правда ли? Закуски как закуски и сервировка обычная, не так ли? Или ты... имела в виду что-нибудь другое? Такое, что особенно бросалось бы в глаза?

— Силы небесные, да ведь стол же прямо как на свадьбу! — воскликнула арендаторша.

— На свадьбу? — переспросила госпожа Розалия.

— Вот именно... именно, прямо как на свадьбу! — повторила арендаторша.

Клара, Отто и Кунц опять подошли к дверям столовой и несколько демонстративно заявили, что ждать им больше некогда — они и так уже опоздали. Госпожа Розалия нахмурилась: еще чего — позво-

лить этим озорникам раньше других сесть за стол? Она выпрямилась и строго заявила, что они могут позавтракать и на кухне.

Но на такое унижение согласился один лишь Кунц, этот известный лицемер и фарисей — спасибо, спасибо, дорогая мамочка! Отто, несдержанный, но откровенный, стукнул старшего брата по упитанному, розовому затылку и сказал, подмигивая:

— Иди, иди! На будущей неделе до того дойдет, что ты будешь получать свою порцию возле сарая... вместе с Гектором.

— Замолчи ты, зубоскал! — с угрозой сказал Кунц, все еще продолжая разыгрывать кроткого юного христианина.

А Клара вскинула голову и, борясь со слезами, воскликнула строптиво:

— Я могу и не завтракать! Подумаешь!

— Иди! Кто тебя держит! — крикнула мать, покраснев до ушей.

Когда Клара со связкой книг вышла на улицу, украдкой покосившись на дом дяди Юстуса, между братьями чуть было не завязалась драка. Кунц ел, стоя возле кухонного стола, Отто, прислонившись к косяку, ругал его на чем свет стоит. Их досада и воинственность объяснялись главным образом тем, что они не хотели идти сегодня в школу; как и все в доме, они мечтали послушать увлекательные рассказы приехавших издалека родственников. Хотя братья и не делились друг с другом своими планами и мечтами, у обоих была одна и та же мысль. Кунц, всегда старавшийся превзойти младшего брата в хитрости, и сегодня придумал уважительную причину: он вдруг схватился обеими руками за нагрудный карман и завопил, вращая глазами:

— О, дьявол! О, черт! Эта колбаса, как видно, тухлая, меня тошнит! Меня так... ужасно... тошнит...

— Отчего? — спросила мать, вошедшая в это время на кухню.

— Не знаю... Я же сказал — колбаса, должно быть, протухла. Или... или... я простудился... Погода... сама видишь... какая ужасная! — сказал Кунц, стремительно пробегая через столовую в зал.

— Колбаса свежая, колбаса тут ни при чем! — решительно заявила госпожа Розалия, тщательно обнюхав все тарелки и блюда.

А Отто прислонился к дверному косяку и словно о чем-то задумался. Когда мать опять ушла в столовую, он огляделся по сторонам, прокрался мимо кухарки, сел на место Кунца и, подцепляя вилкой, стал есть маринованные грибы прямо из банки. С аппетитом проглотив их несколько штук, он отрезал себе кусок ветчины, съел два ломтика колбасы и — тоже вскочил. И в свою очередь крикнул матери, которая возилась возле полки, отсчитывая для стола салфетки:

— Конечно, колбаса! Ясное дело! О-о, как крутит!

— Что такое? Что там у тебя крутит? — спросила госпожа Розалия.

И бросившись вслед за старшим братом, который каркал где-то в углу двора, точно горластый вороненок, Отто завопил:

— Если это не колбаса, то значит грибы!!! Грибы... конечно, грибы! И Кунц ими отравился, и я! — и он исчез, так хлопнув дверью, что весь дом задрожал.

В эту минуту на лестнице слышались шаги — спускалась Айми-Ли, которой надо было идти на службу только к обеду. Она вошла в комнату, поздоровалась и, опустив глаза, уставилась перед собой в пол. Было очевидно, что она еще не избавилась от своего тайного горя и что ее и сегодня гнетет какая-то душевная мука, какая-то безысходная тоска. Веки у нее были красные и словно воспаленные. Девушка села на диван и, зажав руки между коленями, как-то печально поникла. Она сидела так уже с раннего утра в своей маленькой темной комнатке с плотно занавешенными окнами.

Наконец она спросила:

— Погода сегодня как будто немного лучше?

— Да, дождь перестал, больше ничего не могу сказать, — ласково ответил отец.

— Вот видишь, милая барышня, как они спят! Точно сыны Калева! Ну прямо настоящие сыны Калева! — сказал дядя Мартин.

— Кто? — спросила Айми-Ли.

Дядя Мартин, мызный арендатор, громко заржал.

— Кто? Хо-хо-хо! Ну о ком мы здесь можем говорить? Полковник Скобелев и капитан Максим Мартыныч, конечно! Вот, пожалуйста, они до сих пор не встали. А ведь скоро девять! М-да, но их можно понять. Нам, людям, имеющим возможность до полудня нежиться в постели и храпеть, лежа на боку, этого, конечно, не понять, к тому же с нашей стороны это было бы чистейшим безобразием! — продолжал он словоохотливо. — Но воины, которым иной раз по целым неделям и месяцам приходится, не смыкая глаз, сражаться с вражескими полчищами, — люди совсем иного сорта. Правду я говорю, милая барышня, а?

— Когда я спускалась по лестнице, я слышала, как они там... распевали, — сказала Айми-Ли.

— Что? А? Ты слышала? — воскликнул дядя Мартин, вскакивая. Для кресла, на котором он сидел, зад его был слишком широк — он застрял между подлокотниками, и теперь казалось, будто дядя собрался бежать вместе с тяжелым креслом. Вдруг Мартин подскочил к брату Хенрику, стукнул его ладонью по затылку и гаркнул во всю мочь так, что наверняка во всем доме было слышно: — Эй ты, старый карась, слышал, а? Вставай, вставай, пойдем, встретим их! Пойдем, пойдем, что мы здесь попусту томимся! И ты тоже иди, барышня, племянница! Поторопим их, этих окопных крыс! И скажем им добро пожаловать — еще раз! Ну, господа, пошли, пошли! Эй, мать, живо встречать полковника Скобелева и капитана Максима Мартыныча! Чего ты там копаешься, живо!

Госпожа Розалия, подойдя к мужу сзади, шепнула ему в испуге:

— Боже милостивый... дорогой Хенрик... я не знаю, что это значит! Кунц и Отто вдруг заболели. И сразу после того, как поели грибов. А вдруг... и с ними... что-нибудь случится... Эти грибы у меня на столе стоят!

— Этих грибов я вчера столько съел, что чуть не лопнул, но, как видишь, жив и здоров! — грубо ответил Хенрик.

— Да, но... — залепетала жена.

— Ребята в р у т! Они хотят дома остаться — вот и все! — ответил Хенрик, топнув ногой.

В эту минуту в дверь постучали. Шагов за дверью никто не расслышал, и теперь кое-кто от волнения чуть не падал. Госпожа Розалия, не успевшая снять передник, засуетилась, стаскивая его, и закудаhtала как курица; худенькая арендаторша, улыбалась, бледнела и краснела, тогда как ее тучный супруг, отойдя в сторонку, снова сомкнул пятки. Хенрик чуть было не ткнул себе в глаз трубкой и коротко выругался. Одна только Айми-Ли не изменилась в лице, не вскочила, не повернула даже головы — она осталась спокойной и равнодушной и лишь отозвалась словно невзначай:

— Да, войдите.

Дверь распахнулась с такой силой, словно кто-то в сердцах хотел сорвать ее с петель. Подполковник Кубеляев (по прозвищу Скобелев), высокий статный мужчина в офицерском мундире с иголки вошел в комнату. Он отвесил общий поклон, поцеловал мать в обе щеки и при этом, казалось, непрерывно тряс ногами — шпоры на его сапогах громко звенели. Теперь, при ярком утреннем свете, без шинели и папахи он был весь на виду. У него были темно-карие бархатные глаза, в глубине которых, казалось, все же дремало что-то явно жестокое, самодовольное и упрямое; осанка у него была мужественная, бедра стройные и гибкие, грудь выпуклая, хотя он и не пыжился и не носил корсета. Его редкие черные волосы были причесаны на пробор, расположенный над левым глазом, и при сером осеннем свете проникавшем в окно, его выющаяся борода отливала чуть заметным блеском. Когда подполковник Кубеляев (по прозвищу Скобелев), здороваясь со всеми по очереди, дошел до Айми-Ли, он еще раз звонко щелкнул каблуками, улыбнулся ей всем своим обветренным коричневым лицом — да так ласково и приветливо, точно святой Иисус грешной Марии Магдалине, — и сказал:

— Здравствуйте, милая барышня. К сожалению, я видел вас вчера лишь мимоходом. О-о, вы стали уже совсем взрослой, милая барышня.

— Может быть... Время летит быстро, — отве-

тила Айми-Ли. Она хотела еще что-то добавить, но лишь пожала плечами.

— Да-а, вы действительно превратились в молодую даму! — повторил подполковник Кубеляев (по прозвищу Скобелев).

Айми-Ли ответила ему точь-в-точь теми же словами, как машина:

— Может быть... Время летит быстро.

Следом за подполковником Скобелевым в комнату вошел и младший сын Мартина — Максим Мартыныч Кубеляев, пехотный капитан. И его сегодня можно было разглядеть с ног до головы, во всех подробностях. Он был гораздо ниже брата, но зато имел очень широкие плечи и могучую шею. У него было узкое, маленькое личико, высокий лоб, постоянно улыбающиеся, чуть раскосые глаза; он отличался щегольством, как человек, умеющий ценить привлекательность своей внешности. Если в поведении старшего сына сквозила дисциплинированная непринужденность и строгая корректность, то Максим Мартыныч держался с подчеркнутой скромностью, убеждавшей всех присутствовавших в комнате, что рядом с полковником Скобелевым, Максим Мартыныч ни на минуту не забывает о своем весьма невысоком чине. Дойдя до Айми-Ли, он вежливо подождал, пока подполковник Кубеляев (по прозвищу Скобелев) не закончит свою краткую беседу и затем произнес почти те же слова, что и его высокопоставленный брат:

— Здравствуйте, милая барышня. К сожалению, и я видел вас вчера лишь мимоходом. О-о, вы и в самом деле стали совсем уже взрослой, милая барышня.

— Да... может быть... Время летит быстро, — уже в третий раз ответила Айми-Ли одними и теми же словами.

И капитан Максим Мартыныч воскликнул:

— Да-да, я не преувеличиваю: вы действительно превратились в молодую даму, милая барышня.

— Может быть, время летит быстро... — сказала Айми-Ли — теперь уже в четвертый раз.

Коммерсант Хенрик скосил глаза, увидел, как мясистое лицо мызного арендатора Мартина поддер-

гивается от волнения, горько усмехнулся и опять начал набивать свою длинную, в полтора фута баварскую трубку. Госпожа Розалия рдела как розан; впалая грудь худенькой арендаторши — этой скромной матери героев — поднималась и опускалась, поднималась и опускалась... На дворе снова потемнело — тучи в низком октябрьском небе сгустились, и поднявшийся с моря туман опять начал льнуть к окнам. — «Они и впрямь на одно лицо, эти долгожданные герои, их, пожалуй, можно отличить только по росту и размеру головы...» — думала Айми-Ли. — «Видно, скоро опять дождь пойдет», — думала она. — «Итак, и эти двое приехали в отпуск, двое шикарных мужчин, — холеные и красивые, они ничуть не похожи на тех, что лежат там, в палатах клиники...» — думала она. Пройдоха Кунц вошел в комнату, он ловко прикидывался больным; следом за ним приплелся и Отто. Было очень тихо. И коммерсант Хенрик сказал вдруг к великому ужасу мызного арендатора Мартина:

— Притворщики! Вы думаете я не вижу вас насквозь? Сейчас же надевайте шинели и — вон!

— Как же это? Как же это? Черт побери, о чем это ты! — воскликнул мызный арендатор Мартин.

Айми-Ли спросила, в свою очередь, огорошив дядю: — Что они натворили?

Отец раздраженно пожал плечами:

— Ничего особенного, — сказал он. — Они просто хотят дома остаться, вот и все! У них, видите ли, от грибов животы разболелись, их тошнит! Лгуны несчастные. Погодите у меня! Марш в школу!

— Ах вот оно что, ты значит об этих озорниках! — пробормотал Мартин, и лицо его прояснилось.

— Папа... я... — начал посрамленный Кунц.

— Молчать! — крикнул Хенрик. — Марш отсюда! В школу!

Подполковник Кубеляев (по прозвищу Скобелев) вдруг расхохотался, хотя выражение лица у него при этом отнюдь не стало веселым. А пехотный капитан Максим Мартыныч пожал плечами, ухмыльнулся краешком губ и сказал:

— Хитрые ребята! Молодцы! Да, да! Право же, хитрые ребята! Такие не пропадут.

Мызный арендатор Мартин обеими ручищами ухватился за обсуждаемую проблему и с великодушием способного всех понять доброго человека воскликнул:

— Стоп, друзья, стоп, стоп — погодите, потерпите. Тсс, да постойте же! И ты, старый хрен, не ори на них как на малышей. Если эти два олуха в самом деле решили сегодня прогулять — не запрещай им! Да, не запрещай — пускай, кому жалко! Пусть себе пропустят уроки! А если они у себя в классе так уж нужны и их места непременно должны быть заняты, найми сегодня вместо них двух работников, рабочего люда, хо-хо-хо! Так что, друзья мои, садитесь, садитесь и слушайте! Садитесь, говорю я вам, хо-хо-хо! Да не бойтесь вы папы, садитесь, и ни с места!

— Мальчики пойдут в школу и делу конец! — упрямо заявил Хенрик.

— Нет, старина, *держи язык за зубами*, — никуда они не пойдут! — воскликнул мызный арендатор Мартин.

— Мальчики пойдут в школу! Не вмешивайся не в свое дело, они пойдут в школу! — заявил Хенрик.

— Н-ну черт — они не пойдут сегодня в школу! — воскликнул мызный арендатор Мартин.

— Не пойдут? Пойдут! А если не пойдут, то... ты испаришься отсюда... как... дурной запах! — заявил Хенрик.

Наступило молчание — таких слов и такого упрямства уж никто не ожидал. В этом упрямстве словно таилось что-то колючее и неприятное, что заставляло сжиматься от стыда. Мартин медленно повел своей великаньей головой; его маленькая, изможденная жена смотрела в пол; с лица обоих офицеров мало-помалу исчезла улыбка, пока, наконец, их широкие, белые зубы не скрылись за усами и нафабранными бородками. И госпожа Розалия, страшно покраснев и желая во что бы то ни стало спасти положение, воскликнула радостным голосом:

— Прошу вас, дорогие гости! Завтрак ждет!

Айми-Ли, поднявшись со своего места, подошла к

подполковнику Скобелеву, через силу улыбнулась и спросила:

— Извините меня. В вашем полку служит... или по крайней мере служил некто... Эбберман. Он родом из нашего города. До войны он был адвокатом. Не знаете ли вы, что с ним сейчас?

Подполковник Кубеляев (по прозвищу Скобелев) нахмурил брови и, казалось, задумался. Через минуту он сказал, щелкнув каблуками:

— Эбберман? К сожалению, я не припоминаю, чтобы мне доводилось слышать о нем... что-нибудь особенное. Видите ли, милая, в полку около двух тысяч человек и поэтому... я право не осмелюсь утверждать, что знаю что-нибудь об этом Эббермане.

— Вы, значит... не помните? — спросила Айми-Ли еще тише, чем прежде.

— Нет. Видит бог — не помню, — ответил подполковник Кубеляев (по прозвищу Скобелев).

Гости сели за стол.

Телеграфные провода за окном печально гудели.

Глава третья

ГОСПОЖА ЭМИЛИЯ СНОВА ПРОСИТ О ПОМОЩИ

Доктор Кубелик проснулся этим утром в хорошем настроении, страшно голодный. Он тотчас же сел за стол, разложил на коленях салфетку, с аппетитом оглядел тарелки и блюда.

Но не успел он приняться за еду, как кто-то пришел. Сегодня ранней гостьей оказалась госпожа Эмилия, его несчастная невестка, и доктор Кубелик решил, что, очевидно, Юстусу стало хуже.

Войдя через минуту в кабинет, он невольно подумал, что поджидающая его пожилая дама, несмотря на свою наигранную бодрость, как видно, успела уже поплакать — веки у нее распухли и покраснели и села она так, чтобы свет из окна не падал ей на лицо.

Госпожа Эмилия сразу встала, как-то подозрительно криво улыбнулась и сказала, заливаясь краской:

— Не сердитесь, доктор, что я опять докучаю вам своими горестями. Но вы уже посвящены в мою тайну, и я... я... хотела бы еще раз посоветоваться с вами по этому неприятному делу... — И тут по ее щекам покатились крупные слезы, так как, несмотря на все усилия, она не могла больше сдерживаться.

— Перестаньте, прошу вас! — воскликнул доктор Кубелик, недовольно морщась, — у него было такое чувство, как будто его опять вынуждают прикоснуться к чему-то грязному, и в то же время очень болезненному, и это, по всей вероятности, испортит ему весь предстоящий день. И он повторил: — Перестаньте, перестаньте, прошу вас, перестаньте! Что бы там у вас ни произошло, слезами горю не поможешь.

— Про...стите... — пролепетала госпожа Эмилия, продолжая всхлипывать.

Доктор Кубелик пожал плечами и покраснел от злости.

— Черт побери, мне нечего вам прощать — вы должны были бы это знать с самого начала. Только оставьте это бесконечное нытье! — сказал он хриплым от гадливости голосом. — Нельзя же в какую-то тряпку превращаться. Небось, занимаясь своими делишками, вы смеялись и взвизгивали от радости, а теперь... пицците... как комар!

— Я ведь думала, что вы можете мне чем-нибудь помочь, — пробормотала невестка.

— Нет, уж извините, я больше ничем не могу вам помочь! — сердито прервал ее доктор Кубелик.

Госпожа Эмилия некоторое время сидела съежившись, затем поднялась и молча направилась к двери. Ноги у нее словно одеревенели, ступни как бы распухли, и она шла, ковыляя и спотыкаясь, прилагая судорожные усилия, чтобы не наткнуться на мебель. Она могла внушать лишь сострадание, грусть, жалость, невольно переходящую в тошнотворное омерзение. И доктор Кубелик, тоже встав, крикнул ей вдогонку:

— Подождите... потерпите хоть минуту! Ну что там у вас, посмотрим, чем можно вам помочь.

Госпожа Эмилия покорно остановилась, охваченная не то сомнением, не то раздумьем. Затем она снова подошла к столу, вытерла глаза и вся как-то беспомощно поникла. Почувствовав, что молчание слишком затянулось, и деверь, как будто чего-то ждет, она, наконец, собралась с духом и сказала:

— Он... написал мне.

— Ага! Вот как? Значит он просит вас вернуться? — спросил доктор Кубелик и в его голосе слышалась ирония.

— Нет, не просит, — ответила госпожа Эмилия.
Молчание.

Доктор Кубелик сломал металлический нож для разрезания бумаги, швырнул его на стол и снова спросил:

— Какого же дьявола он обращается к вам, если не просит вас вернуться?

Госпожа Эмилия громко всхлипнула:

— Он... он... он х-хочет д-денег! — проговорила она, наконец, так сильно заикаясь, как будто слова приклеивались к ее губам. И видя, что старый врач ждет более подробных объяснений, она продолжала в замешательстве: — Да, он... он... он... хочет де-е-енег. Он сообщил мне, что тщательно хранит мои письма и что он го-го-готов мне их вернуть... про-продать. Но он требует стра-ашно много, так что я смо-смогла бы расплатиться с ним по частям только через несколько лет. Но кто может гарантировать, что он сдержит свое обе-обещание, этот... этот... этот подлец!

— Простите, как вы сказали? Под-лец? Ну-у? — переспросил доктор Кубелик, еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться. Но он тут же устыдился своего насмешливого тона, тем более, что ему был чересчур понятен весь трагизм положения. Закурив папиросу, он пробормотал, стараясь скрыть раздражение. — Подлец! Верно, он подлец! Жаль, конечно, что вы поняли это только сейчас, когда в некотором роде уже поздно! Кстати, этой новой попытки вымогательства от него следовало ожидать.

— Да... но... я... я просто не знаю, что мне делать! — в отчаянии воскликнула невестка, сложила вдруг свои короткие, толстые пальцы и стала с хрустом ломать их.

Доктор Кубелик, нахмурившись, думал.

— А вы имеете хоть какое-нибудь представление, сколько ваших любовных писем осталось в его руках? — спросил он, не в силах удержаться от оскорбления.

И госпожа Эмилия ответила, запинаясь, желая создать у собеседника впечатление, будто сейчас впервые пересчитывает в уме эти письма.

— Да, имею... я... ведь оставляла от каждой посланной ему строчки ко-копию... на память, п-понимаете? И я... я... отыскала эти оставленные себе ко-о-опии и просмотрела их. Их ро-овно двадцать три.

— О-о? Это точно? — спросил доктор Кубелик опять зло и насмешливо.

— Да, двадцать три! Точно двадцать три! — повторила невестка.

Доктор Кубелик снова задумался, он что-то мысленно прикидывал, не переставая хмуриться. Если эти две дюжины любовных писем попадут в руки Юстуса, он, бедняга, небось взревет от злости и муки! И что станется тогда с его здоровьем, которое все еще находится в опасности! Доктор опять внимательно поглядел на старую грешницу, словно изучая ее всю — от гусиных лапок на висках и до толстых пальцев. И затем заявил решительно, больно ударившись острым ножом для разрезания бумаги:

— Так! А теперь мне интересно было бы узнать ваше собственное мнение. Платить вы, насколько я понимаю, не хотите?

— Я не могу платить! Хотела бы... но не могу! — слезливо воскликнула госпожа Эмилия.

— Черт побери, вы, кажется, опять скулите, — сказал доктор Кубелик точно таким тоном и почти в таких же выражениях, в каких вчера вечером разговаривал с юным сыном этой кающейся грешницы.

— Я... я... я вовсе не скулю! — возразила госпожа Эмилия. — И когда я вообще... скулила!

— Как не скулишь? Именно скулишь. И всегда скулила. Всег-да, слышишь? — не сдержавшись, крикнул доктор Кубелик, снова швыряя на стол нож для разрезания бумаги.

Невестка вроде бы собралась уходить. Но она не ушла — она стояла перед ним еще более беспомощная и униженная, продолжая ломать пальцы и ее двойной подбородок вздрагивал.

Доктор Кубелик, немного овладев собой, сказал:

— Ну, что ж... В таком случае нам не остается ничего другого, как еще раз отправиться к нему в гости.

Госпожа Эмилия испугалась, у нее даже челюсть отвисла, и вдруг запричитала:

— Я... я... я и порог его больше не переступлю. Нет, нет, не переступлю. Что хотите, со мной делайте!

— Как тебе угодно! — сказал доктор Кубелик, продолжая обращаться к ней на ты.

— Не переступлю, не переступлю! — восклицала невестка.

— Прошу тебя, не скули! — проговорил доктор Кубелик с прежней яростью. И словно повторение этой злой и нарочито оскорбительной фразы подействовало на него успокоительно, он тотчас же добавил, скривив в усмешке губы: — Вам следовало бы сообразить, что не я очутился в затруднительном положении, а вы. Я мог бы сейчас преспокойно указать вам на дверь, и если я этого не делаю, то, безусловно, не из-за вас, а из-за своего попавшего в беду брата Юстуса. Да, уверяю вас, если бы мой брат и ваш муж, был здоров и мог сам натянуть вожжи, я бы и пальцем не пошевелил, чтобы вам помочь. Сегодня я, разумеется, мог бы обойтись и без вас — я имею в виду эти письма... — но мне бы хотелось, чтобы вы пошли со мной.

— Вы... вы... сер-сердитесь на меня! — пролепетала невестка.

— Вчера на станции, охваченная тревогой за своего мужа, вы были мне довольно симпатичны, а теперь мне кажется, будто дурно пахнет даже ваше дыхание! — сказал доктор Кубелик так строго и так искренне, как говорил лишь в редких случаях.

Госпожа Эмилия продолжала терпеливо молчать, с жалким выражением глядя перед собой в пол. Она решила покориться своей нелегкой участи, пройти до конца свой путь страданий, выдержать самые большие и тяжкие испытания. Она так плотно сжала губы, что они превратились в узкую, бледную полоску, а ее заплывшие жиром глазки временами даже косили. Наконец она сказала, сопровождая свою речь вздохами и стонами и нервно одергивая на себе платье, хотя в этом не было никакой надобности:

— Ладно... я ведь должна еще поблагодарить вас... за то... что вы все же... хотите мне помочь.

— Да, это верно — вы должны меня поблагодарить, — согласился доктор Кубелик.

— И я благодарю... я благодарю вас, — сказала госпожа Эмилия.

Молчание.

Доктор Кубелик смотрел некоторое время на полосатые от стекающих дождевых капель оконные стекла, вздохнул, медленно поднялся. Он прошел в переднюю. Ему все еще хотелось быть невежливым

и он смутно чувствовал, что без этой спасительной невежливости и он бы, пожалуй, заплакал или начал грубо ругаться. — «Хоть и наступил новый день, а заботы все те же... все те же... те же благородные заботы дарящего утешение Иисуса!» — думал он с грустью. Доктор Кубелик натянул шинель, резким движением надел фуражку, взял с полочки на вешалке кожаные перчатки и сердито принялся их натягивать. Госпожа Эмилия ждала его возле двери, ее высокая, модная шляпа была надета чуть ли не на самые глаза. И они быстро зашагали, согнувшись под своими зонтами, со спиц которых непрерывно падали дрожащие капли воды.

На этот раз они проникли к господину Нярепу, лишь прибегнув к хитрости. Женщина постучалась условленным стуком, доктор Кубелик, чтобы его не было видно в замочную скважину, притаился в углу и ждал, сердито прищурив глаза. Ждать им пришлось довольно долго — как видно, мужчина, не доверяя своей бывшей любовнице, внимательно прислушивался, приложив ухо к двери. Когда он, наконец, спросил сердито: «Кто это там стучит, черт побери?» — госпоже Эмилии удалось без труда объяснить ему, что напрасно он опасается, ведь не может же быть, чтобы она, несчастная, решилась кому-нибудь заикнуться о его вчерашнем письме. После этого дверь приоткрылась, и доктор Кубелик, подавшись вперед всей тяжестью своего еще гибкого тела, проскользнул в комнату и, воинственно сжав в руках зонтик, проговорил с насмешливой угрозой:

— Ну, дружок — альфонс, котик — сдается мне, что той взбучки вам оказалось мало. Как вы считаете, дорогой, может лучше повесить вас на ремне от ваших собственных брюк, конечно, если он не лопнет под тяжестью такой свиной туши; а, может, проще будет стукнуть вас каким-нибудь подходящим предметом по макушке и таким примитивным способом избавить мир от вашей особы?

— Я... позову... на помощь и... обвиню вас... в попытке ограбления! — пробормотал господин Няреп — губы у него дрожали и подергивались.

— Скотина! — сказал доктор Кубелик.

— Я... в самом деле... позову... на помощь! — заикаясь, продолжал господин Няреп — страх все сильнее овладевал им, предыдущая стычка с этим безжалостным господином, казалось, все отчетливее всплывала у него в памяти.

— Пожалуйста, зовите, тогда мне самому не придется тащить вас в полицию... как бычка, с кольцом в носу, — сказал доктор Кубелик.

— Отдай сейчас же мои письма, скотина! — крикнула госпожа Эмилия, глядя на мужчину горящими глазами; она уже не в силах была оставаться молчаливым наблюдателем.

Доктор Кубелик, уставший от всего и грустный, оперся обеими руками о спинку стула и сказал деловито:

— Ну хорошо, альфонс, котик, хватит дурака валять! Мне некогда с тобой возиться, и поэтому я говорю тебе: если ты сейчас же не вернешь этих писем, я тебя искалечу или изобью до смерти. Я не преувеличиваю, потому что, повторяю, мне некогда тут с тобой канителиться. Я жду — ну, живо!

— У меня их нет, этих писем! — сказал господин Няреп.

— Врешь, свинья! Скотина! Бес-со-совестный негодяй! — вскричала госпожа Эмилия.

— Не вру. Поверьте, господа, я в самом деле не вру! — воскликнул господин Няреп.

— И все же, все же — вы врете! — сказал доктор Кубелик деловито, но все еще очень зло. — Ну, не тяните, живее! Знаете, мне все это уже по горло надоело, и я не имею ни малейшего желания попусту с вами препираться. Пошевеливайтесь, прошу вас, пошевеливайтесь!

Но господин Няреп не намерен был так легко сдаваться, господин Няреп делал все, чтобы не упустить возможности поживиться. С трагическим выражением он тряс головой, вздыхал и, наконец, заявил, прижимая руку к груди:

— Нет, серьезно — у меня нет этих писем. Поверьте мне, прошу вас, правда, нет! Ведь не думаете же вы, сударыня, что я действительно хотел что-нибудь за них получить?... Я... я... мечтал хоть разок еще... увидеть вас... вот и все. И я поду-

мал — если я так напишу, вы, может быть, все же придете... Ради шутки написал... Вы ведь понимаете, господа...

— Ого! — произнес доктор Кубелик. Он вдруг поднял зонт и нацелился его острым концом прямо в лицо господину Нярепу. Когда несчастный, тихонько вскрикнув, отскочил, доктор Кубелик зло рассмеялся и сказал: — Не валяйте дурака, любезный! Ведь я и не собирался ткнуть вам зонтом в лицо, вам это просто показалось... Я ведь просто пошутил немного.

— Давай сюда письма, подлец, скотина, ты... ты... бессовестный человек... давай сюда письма! — бушевала госпожа Эмилия, выкрикивая бранные слова, и выглядела при этом очень смешно и очень глупо.

Неожиданно господин Няреп пошел на уступки — как видно, он был уверен, что доктор Кубелик не бросит раз начатого дела и может и сегодня оказаться опасным. Лицо господина Нярепа выражало раскаяние и сожаление, он решил покориться своей участи, примириться с неудачей. Роясь дрожащими от волнения пальцами в старом коричневом шкафу, из которого он в прошлый раз извлек свои сбережения на черный день, он моргал глазами точно ослепленный ярким светом и, наконец, положил на стол завернутый в мятую бумагу пакет.

Доктор Кубелик сел на стул, разложил перед собой блекло розовые конверты и один за другим осмотрел их.

Госпожа Эмилия, стоя рядом с ним, радостно кивала.

— Да, слава богу, кажется в порядке — здесь все! — воскликнула она.

Господин Няреп жевал губами и вдруг затрясся всем телом. Доктор Кубелик, еще раз пригрозив ему зонтом, достал из кармана две купюры, весело рассмеялся и сказал:

— Пожалуйста, альфонс, маленький жалкий котик, — разве кому-нибудь хочется, чтобы вы остались совсем без копейки! Каждый труд должен быть оплачен, а стремление преуспеть в жизни — весьма похвальное явление. Надо полагать, вам не совсем

легко и приятно было прибегнуть к такому способу немного заработать... с этой женщиной... с женщиной, которая годится вам в матери или тещи. Ну, всех благ! Я надеюсь, что мы никогда больше не встретимся — во всяком случае это не пошло бы на пользу вашей конопатой роже, медуза этакая, паршивая душонка. Прощайте... на веки вечные!

— Будьте здоровы, господин доктор... будьте здоровы... — пробормотал господин Няреп и трудно было понять, говорит ли он серьезно или в свою очередь пытается шутить.

Госпожа Эмилия хотела было со своей стороны добавить что-то веское, однако не нашлась, что сказать, и лишь вздыхала да охала от сильного волнения.

Доктор Кубелик поморщился, плюнул, повернулся к двери. Они спустились по лестнице, вышли на улицу и торопливо зашагали обратно к центру города. Наконец, после долгого молчания госпожа Эмилия схватила старого врача за руку, которой он сердито размахивал, крепко сжала ее и сказала дрожащим от слез голосом:

— Благодарю вас!.. Благодарю вас!.. от всего сердца... Боже мой, я снова могу жить, и этот дьявол уже не сможет причинить мне никакого вреда. Без вас... поверьте... я бы не вырвалась из его когтей... Да, я сейчас так счастлива... Вы не верите мне, я же знаю... Но я действительно так счастлива, что!..

— Молчи, не скули! — отрезал доктор Кубелик, все еще не глядя на свою спутницу и продолжая длинными шагами идти вперед по туманным улицам.

Когда он дошел до дому и возле входной двери обернулся, он увидел, что госпожа Эмилия наконец пошла своей дорогой.

И он еще раз в сердцах плюнул.

Глава четвертая

СОЛДАТ УГРОЖАЕТ ВТОРИЧНО

Доктор Кубелик как раз собирался после утреннего приема на дому идти в клинику, когда звонок возвестил о новом посетителе. Госпожа Няэлик, недовольная, как всегда в подобных случаях, пошла открывать. Вернувшись, она доложила, что явился какой-то высоченный солдат, который не слушает никаких доводов и не уходит.

Доктор Кубелик, ничего не сказав, вошел в кабинет. И догадавшись по испуганному лицу пришедшего, что случилось непредвиденное, он спросил, тоже сильно волнуясь:

— Ну что такое? В чем дело?

Солдат, запыхавшийся от быстрой ходьбы, безнадежно пожал плечами и сказал:

— Откуда я знаю! Эве за ночь стало намного хуже — снова поднялась температура. Собственно говоря, температура начала повышаться уже вчера вечером. Одно время Эва даже... бредила. Она не хотела, чтобы я пошел к вам, но я решил, что...

— Вот как? Вдруг начала повышаться температура? — повторил доктор Кубелик.

— Да. И сильно, — сказал солдат.

— Ну — на сколько же? — спросил доктор Кубелик, роясь при этом в своем кожаном саквояже для медицинских инструментов.

— Она поднялась... почти до сорока! — сказал солдат.

Они быстро ушли. Туман успел сильно сгуститься и висел над серой мостовой, точно плотное, слегка пахнущее облако; движущиеся в нем человеческие фигуры казались неясными и расплывчатыми. Проехала вереница тачанок с тяжелыми пулеметами, то и дело попадались марширующие части, которые

словно спешили под прикрытием этого густого, плотного тумана куда-то переместиться. Где-то шла учебная стрельба: трр, трр, трр! та-та-та-та! И солдат, шедший рядом с доктором Кубеликом, вдруг потянул носом, словно собирался заплакать, и спросил глухо:

— Ведь это не опасно? Она разбудила меня ночью... под утро... и я онемел от испуга... Потом она впала в забытие и стала говорить бог знает о чем... После родов прошло уже четыре дня, ведь это... не с ними связано?

— Да, не стану скрывать — меня эти четыре дня мало утешают, — сказал доктор Кубелик, все еще ощущая сильное беспокойство и считая нужным высказать свои опасения, чтобы не допустить легкомысленного отношения к состоянию больной. И прибавив шагу, он объяснил: — Конечно, нет оснований ждать самого худшего, но определенная опасность существует и сейчас, на это не надо закрывать глаза. В обычных условиях меня эти сорок градусов ничуть не испугали бы, но то, что температура поднялась именно сейчас, настораживает. Зачастую мы при всем желании не можем предсказать, каковы будут последствия родов, даже если сами роды прошли, казалось бы, вполне благополучно. Наверное и вы, холостяк, слышали кое-что о родильной горячке?

— Нет... не слышал, — ответил солдат. — А это что-нибудь... опасное?

— Видите ли — иногда да, — кивнул доктор Кубелик, но сразу же поспешил успокоить встревоженного солдата: — Пока в этом нет никакой уверенности, будем, конечно, надеяться, что речь идет о новой простуде и обострении ангины.

Солдат ничего больше не сказал, продолжая щуриться, точно в лицо ему бил яркий луч света. В разлитой вокруг серовато-мутной мгле его щека и затылок казались кофейно-коричневыми. Время от времени солдат поднимал большие, черные пальцы к спутанной, точно забитой черной тяжелой землей бороде, поглаживал ее, пощипывал кончики усов, и снова прятал их в теплый рукав. Он продолжал идти, шагая широко и очень решительно, и его

громкие резкие шаги эхом отдавались в подворотнях и пустых дворах.

Вдруг солдат упрямо вскинул голову, отчего, казалось, еще больше вырос, и прорычал глухо, со злостью:

— Черт побери, этого еще недоставало! Муж потерял из-за вашего тылового жеребца жену, а теперь еще и дети должны матери лишиться?! — Пауза. И, понизив голос, добавил, словно выпытывая: — Так что... если ваша догадка справедлива, остается лишь... ждать смерти?

— Случается — правда редко, — что и такие больные выздоравливают, — сказал доктор Кубелик.

— Еще бы: иной раз и от чумы поправляются!

— Безусловно. И это бывает, как же.

Молчание. Они шли торопливо, стараясь побыстрее дойти до места. Доктор Кубелик чувствовал себя не очень хорошо — видно, и нынешний день сулит ему много хлопот, видно, и нынче он будет, точно вол в ярме. У него ныло сердце, он не переставая думал о больной женщине, к которой сейчас направлялся; льнувший к лицу, буквально лезущий в глаза туман вызывал у него предчувствие чего-то невероятного и давно уже предопределенного. И это невероятное и давно уже предопределенное неотступно следовало за ним, за каждым его шагом и как бы раскидывало вокруг него опасные сети. «Октябрьский ветер... осенний ветер... ветер гниения!» — думал он, страдальчески морщась. Резкий порыв ветра сорвал с него фуражку и, словно издеваясь, покатиł ее вдоль водосточной канавы; доктор Кубелик перескочил через лужу, ругаясь, бросился за катящейся фуражкой и поймал ее как убегающего зайца. Солдат нечаянно задел его плечом и сказал, словно очнувшись от этого толчка:

— Да, муж потерял из-за ваших тыловых жеребцов жену, неужели теперь и дети должны лишиться матери... чер-рт бы вас побрал! Скажите, скажите мне, что станет с этими четверьмя несчастными, если ваше опасение действительно подтвердится? Что будет с ними, скажите, а?

— Перестаньте хамить и... помолчите! — ответил доктор Кубелик, тоже раздражаясь. Но он понимал,

что солдат прав, и, усмехнувшись, сразу же ответил примирительно: — Откуда мне знать, что с ними будет? Ведь я не ясновидящий, не предсказатель... как вам известно. Может быть, у них есть какая-нибудь близкая родственница, которая возьмет их на воспитание, а, может быть, у них нет такой родственницы и тогда... они рано или поздно начнут побираться. Разве я могу что-нибудь сказать наперед? Тут уж вам лучше знать.

Солдат закричал в ярости:

— Побираться! Вот именно — побираться! Вот что будет с моими племянниками и вот что будет... еще со многими детьми наших близких.

Доктор Кубелик почувствовал вдруг жгучий стыд и сказал почти с мольбой:

— Милый человек, ну зачем вы так кричите!

— Кричу? Станут рано или поздно побираться... мои племянники... и еще многие из детей наших близких, разве кричать об этом — много? Много, а? Ну скажите, разве много... а?

— Нет, не много. Но если кричать об этом в одиночку — будет ли от этого какая-нибудь польза? — спросил доктор Кубелик.

В конце концов отчаяние сердитого солдата улеглось, охвативший его порыв утих, и ему стало стыдно за свою вспышку. Тербя то рукава шинели, то козырек фуражки, то бороду, то кончики усов, он снова слегка наклонился к доктору Кубелику и пробормотал:

— На одних и тех же людей нельзя все-таки взваливать такое тяжелое бремя. Знаете — я готов хоть сегодня же или завтра вернуться на фронт и пусть меня искрошат там в труху, только бы это помогло ребятишкам. Я не из жалостливых, но их мне действительно жалко. Кого они обидели, эти едва вставшие на ноги человечки, чтобы их так жестоко карать?

Молчание. Доктор Кубелик не ответил, он лишь растерянно пожал плечами, продолжая смотреть куда-то вдаль.

Вскоре они дошли до места.

Эва лежала под одеялом, дрожа от озноба. Но щеки ее горели как в огне, и она изо всех сил старалась

сдерживаться, чтобы зубы не выбивали дробь. За одну-единственную ночь она страшно похудела и, казалось, испытывала сейчас мучительный страх — в ее глазах таилось беспокойство, нос вытянулся и заострился. Доктор Кубелик поздоровался с ней за руку, сразу отметил сухой жар ее пальцев и спросил с ободряющей улыбкой, думая при этом, что следовало бы вызвать и доктора Набера, своего знаменитого коллегу.

— Ну, как мы себя чувствуем, как дела?

— Пло-хо, господин доктор... сами видите, — ответила женщина.

Дети и сегодня играли в соседней комнате в свою военную игру: девочка только что перевязала раны отцу, маленький горбун старательно расстреливал дядю Пауля.

— Ага, получил, чертов жеребец, вот теперь он растянулся, теперь уже не встанет! — произнес тоненький, точно у сердитой пчелки голосок.

— Поделом ему! Похорони его, пададь, а я пойду папе помогу, — сказала чуть потише его сестренка.

Солдат бросил мокрую шинель на спинку стула и сказал:

— Вы, конечно, хотите измерить ей температуру. Вот градусник.

— Спасибо, — сказал доктор Кубелик.

В поставленном на два стула ящике комода спал розоволицый новорожденный, он шевелил ротиком, как будто хотел что-то сказать. И Агнес, которая на цыпочках вошла в комнату, с нежностью посмотрела на него.

Женщина сказала, инстинктивно стараясь скрыть новый приступ боли:

— Я ведь... глупая... не сердитесь... Я велела вчера вечером на две минутки окно открыть, а ветер был очень сильный, меня и просквозило. К утру мне уже так плохо стало, что я даже не понимала — что делаю, что говорю. Начался жар, я кажется... бредила.

— Для того чтобы бредить, не всегда нужен сильный жар, и бред вовсе не означает, что болезнь тяжелая, — сказал доктор Кубелик. — Так. Пожалуйста,

суньте его еще раз под мышку. Спасибо. Кстати, я очень хотел бы показать вас своему коллеге — вы его, конечно, помните, он-то главным образом и помог вам на прошлой неделе. Я думаю, вы ничего не имеете против этого?

— Разве... это еще нужно? — спросила женщина.

— Разумеется! — ответил доктор Кубелик. — Ведь вам так или иначе придется еще немного полежать в постели. Мы, врачи, порой бываем, очень тщеславны, нам нравится, когда нас хвалят за наше искусство... другие знатоки... Он живет неподалеку. Может, я попрошу сходить за ним вашего брата?

— Нет... право... ведь в этом нет больше нужды! — повторила женщина.

Пристально глядя на ее сводимые болью бедра, доктор Кубелик сказал:

— Все-таки, все-таки! К тому же от этого не будет никакого вреда!

— Конечно, но... — пробормотала женщина.

Угрюмый солдат, стоявший поодаль, проговорил вроде бы совершенно спокойно:

— Да, господин доктор, безусловно, прав — вреда от этого не будет. Я сейчас.

— Потерпите, пока я выну градусник, я дам вам с собой записку, — сказал доктор Кубелик.

Массивные серебряные часы в его руке усердно тикали. Проходили минуты. Минуты брели — кое-как, словно наугад. Минуты тянулись, ползли, утратив свою обычную стремительность, минуты извивались, точно слизняки на сухой ладони — долгие минуты в комнате больной, минуты страданий. Минуты ползли, ползли. Женщина робко и с тревогой смотрела из-под опущенных век, а минуты ползли; доктор Кубелик следил глазами за оборотами секундной стрелки, видел, как она скользит мимо крошечных цифр: 10, 20, 30... 40... 60... Агнес, отойдя от постельки новорожденного подошла к окну и, казалось, с нетерпением чего-то ждала; двое младших за закрытой дверью строили дома и замки, чтобы тут же их разрушить. И доктор Кубелик, выпрямившись, просунул руку под теплое одеяло и сказал:

— Ладно. Сейчас посмотрим. Между прочим, у вас как будто и боли?..

— Да... боли... но редко... — пробормотала женщина. — Сейчас это... кажется... так и должно быть?

Солдат, наклонив свою крупную голову, смотрел через плечо доктора Кубелика. И эти суровые глаза были сейчас испуганными и настороженными. Солдат спросил:

— Ну что?

Женщина все-таки снова заговорила о своих болях. Стараясь казаться бодрой, она заметила:

— В первые дни после родов... всегда так. И боли всякие бывают. Нет, я не думаю, чтобы эти боли что-нибудь...

— Ну что? — снова спросил солдат.

Доктор Кубелик, слегка повернув голову, ответил им обоим:

— Тридцать девять и семь. Эти боли — конечно... еще ни о чем не говорят. Но — не правда ли... порой они бывают довольно сильные?

— Ну да... временами, — пролепетала женщина. И так как ей почему-то не хотелось, чтобы врач продолжал задавать ей подобные вопросы, она с деланным любопытством спросила: — Тридцать девять и семь? Это... очень много?

— Нет, это не очень много, при ангине иной раз... и больше бывает, — ответил доктор Кубелик, встал и вышел вместе с солдатом в соседнюю комнату. Торопливо написав несколько строк, он тщательно заклеил конверт, надписал его и пояснил, глядя в сторону: — Да, к сожалению, я, кажется, не ошибся.

— Значит?.. — протянул солдат.

— Да, к сожалению, я, кажется, не ошибся, — повторил доктор Кубелик.

Когда с лестницы слышались грузные шаги торопливо спускающегося бородатого фронтовика, доктор постоял немного, глядя на двух играющих малышей: их игра по-прежнему заключалась в том, что они быстро строили и так же быстро разрушали. С какой-то неторопливой грустью доктор Кубелик подумал — итак, от окончательного крушения эту семью может спасти только чудо... да, чудо, кото-

рому нет дела до обыкновенной логики обыкновенного разума. Горбатый мальчик взял кубик, долго и старательно целился им в дом, только что построенный его сестренкой, швырнул и сказал:

— Получил... чертов Пауль поганый?

— Получил... я сам видел! Наверняка получил! — сказал доктор Кубелик машинально, словно этот ликующий вопрос был задан именно ему.

— Чер-рт! Подыхай, скотина! — снова крикнул мальчик и швырнул второй кубик.

— Дорогой папа... ведь я не очень больно перевязываю твою большу-ую, тяжелую рану? — спросила белокурая девочка у своей чумазой куклы, заворачивая ее в грязные тряпки. И тут же, изменив голос, сама себе ответила, что вызвало у доктора Кубелика невольную улыбку: — Ничего, моя добрая девочка, моя дочень-ка... ничего! Перевяжи как следует мою большу-ую, тяжелую рану, и когда я приеду на побывку, я опять привезу тебе целую горсть конфет. Ничего, моя добрая девочка, моя дорогая доченька, ничего!

— Умри... чер-ртов дядя Пауль! — воскликнул горбатый мальчик и вдруг с размаху пнул ногой своего самого красивого оловянного солдата, одним ударом отшвырнув его в другой конец комнаты.

— Тсс... молчи, потом его расстреляешь, папа только что уснул! — проговорила девочка.

Доктору Кубелику казалось, что из его глаз вот-вот брызнут крупные слезы — слезы отчаяния, мучительно-сладкие слезы сочувствия, слезы страшного гнева. Но, к счастью, в этот момент его оторвали от дум, и слезы не брызнули. Больная женщина, пытаясь сесть, позвала слабым голосом:

— Пожалуйста, подойдите сюда. Вы сидите там такой одинокий, точно... филин.

— Да, — отозвался доктор Кубелик, — иду, иду.

Он устало поднялся, снова прошел в спальню и пододвинул стул вплотную к кровати. Агнес протянула матери стакан с водой, и больная прихватила его блестящий край своими белыми зубами. Губы у женщины были сухие и синеватые; когда она глотала, на ее напряженной шее вздувались жилы.

Одеяло на ее груди быстро вздрагивало от ударов сердца, которые, казалось, сотрясали ее с ног до головы. Агнес сплела в ожидании пальцы и сказала:

— Это я виновата, что мама опять так... простудилась. Если бы я знала, я бы не стала окно открывать. Но ведь я не знала. Мама велела открыть, я и... открыла. Правда, оно было совсем недолго открыто...

Эва кончила пить, поставила пустой стакан на придвинутую к изголовью кровати кухонную табуретку и сказала:

— Ох детка, ни в чем ты не виновата. Окно было открыто совсем недолго... да... это верно. Теперь ты сама видишь, как легко простудиться. Запомни это и никогда больше не спорь со мной, когда я запрещаю тебе выходить в плохую погоду. Ветер часто бывает очень коварный. Точно змеиный укус. Дунет на тебя разок — и довольно... А ведь болезнь — она всегда так: примчится на лошадах, а уедет на волах. Ничего не поделаешь — придется тебе еще несколько дней побыть за хозяйку... Хочешь еще несколько дней побыть за хозяйку, Агнес? — спросила она вдруг, словно подавляя мучительное отчаяние.

— О-о, как же мне не хотеть, если только ... можно! Я ведь хорошо с этим справляюсь... — сказала девочка.

— Да, ты в самом деле хорошо с этим справляешься. Но если долго, то ты можешь и устать, — заметила Эва.

— Ничего, не устану, мне даже нравится вот так хозяйничать и хлопотать, — воскликнула девочка.

Больная снова попыталась сесть, Агнес помогла ей, положив под спину подушки. Где-то, за несколькими стенами, заиграли на рояле. Во дворе у колонки кудахтали говорливые старухи, смеялись, даже взвизгивали: «Ха-ха-ха... хо-хо-хо... хи-хи-хи! — представьте себе, что этот подлец натворил!» — «Чер-ртов дядя... дядя Пауль!» — кричал горбатый мальчик своему самому красивому оловянному солдатику, продолжая пинать его ногой из одного угла комнаты в другой. — «Папа, ведь тебе не больно, когда я тебя перевязываю?» — спрашивала белоку-

рая девочка свою чумазую куклу, — «О-ох, о-ох!» — стонал раненый. Улыбка на лице доктора Кубелика застыла, превратившись в мучительную гримасу.

Когда Агнес выбежала на кухню, чтобы дать возможность дедушке убедиться в ее способностях хозяйки, Эва, повернув к доктору Кубелику свое пылающее лицо, спросила слабым голосом:

— Вы в самом деле считаете, что это не опасно?

— Не беспокойтесь — конечно, не опасно! — солгал доктор Кубелик, а у самого сердце разрывалось от боли, которая словно впиалась ему в душу еще в тот день, когда он впервые столкнулся с горем этой семьи.

Помолчав немного, женщина продолжала:

— Странно... Знаете... мне не хотелось говорить этого во всеуслышанье... я должна вам признаться, что опять... боюсь... очень боюсь. Ночью у меня было такое ужасное предчувствие и... Я невольно подумала, что теперь уж наверняка отправлюсь... на кладбище! Неужели я в самом деле умру, как опасалась перед родами? Значит... этот страх... тогда... был из-за того, что со мной... теперь?

— Чепуха! И вовсе вы не умрете, вы скоро поправитесь, то, что с вами случилось, всего лишь небольшой рецидив болезни, и скоро все опять будет в порядке! — сказал доктор Кубелик.

— Но... тогда... я... не понимаю... откуда такое... предчувствие?... — пролепетала Эва.

— Это предчувствие из-за ваших собственных нервов, милая! — сказал доктор Кубелик. — Жизнь и теперешние нравы немного напугали вас, и поэтому вы ждете неприятностей и несправедливости даже от пустяковой лихорадки. Предчувствие? К черту... эти ваши предчувствия! Вы ведь убедились, что один раз такое предчувствие вас уже обмануло!

— Обмануло, это верно... но... — пробормотала женщина. И вдруг, крепко-крепко сжав своими горячими пальцами руку доктора Кубелика, воскликнула, борясь со слезами: — Я всем сердцем прошу вас — скажите мне правду! Тогда я смогу, по крайней мере, подумать о детях и распорядиться... Ведь если завтра-послезавтра я в самом деле умру, у них не останется никого, кто бы...

— Чепуха! — сказал доктор Кубелик и услышал, каким беспомощным и неуверенным стал его голос. Но он тут же овладел собой, улыбнулся и добавил: — До смерти у тебя еще очень много времени. Подожди, пока ты не состаришься и не устанешь! Ты, небось, еще на мою могилу придешь и положишь на нее букетик цветов!

— Дети, ах эти дети! Больше всего я о них беспокоюсь! — сказала женщина, помолчав немного. — Моя собственная жизнь... ну... она и гроша ломаного не стоит, я совсем погрязла в болоте. И ничего не имею против того, чтобы навсегда избавиться от этой мерзости... от этой муки. Но вы ведь сами видите — они беспомощны как букашки и не могут о себе позаботиться. И ведь неизвестно даже, вернется ли их отец живым и невредимым. Знаете, кабы не страх за детей, я бы и словечка не произнесла жалобного... — продолжала больная, время от времени делая небольшую передышку, и по ее тону нетрудно было догадаться — она с нетерпением ждет, чтобы ее утешили.

Во дворе продолжали тараторить болтливые старухи, где-то в доме барабанили на рояле.

Доктор Кубелик, вдруг словно решившись, быстро наклонился к больной и спросил:

— Ты бы успокоилась, если бы я пообещал тебе, что возьму к себе твоих детей?

— Вы?... Да разве вы... захотите? Разве вы... взяли бы?... — спросила женщина медленно, и в глубине ее зрачков точно солнце зажглось — это и было то утешение, которого она так страстно ждала.

— Взял бы! — сказал доктор Кубелик. — То есть — если бы с тобой действительно что-нибудь случилось, во что я, разумеется, не верю! — добавил он, все еще пытаясь ее успокоить.

— Это было бы!... Я просто не смею надеяться! — сказала женщина.

— Но почему же ты не смеешь надеяться? Я человек одинокий, притом довольно обеспеченный, и это, несомненно, доставит мне только радость! — ответил доктор Кубелик.

Агнес вернулась в комнату. Она снова принялась

рассуждать о своей теперешней роли хозяйки и о том, как эта роль ей нравится.

— Все у меня как следует быть, — щебетала она, — только одно никак не получается — печку не умею растапливать. Не знаю, почему? Дрова никак не разгораются. Позавчера я целый коробок спичек извела, прежде чем они разгорелись. А теперь я капаю на каждую щепочку немного керосина, и тогда уже гораздо легче... горят, точно пакля.

— С керосином, конечно, легче! Но только с керосином надо обращаться очень осторожно! — заметил доктор Кубелик.

Больная грешница отвернулась и вытерла украдкой глаза. Но тотчас же встрепенулась и, словно подбадривая себя, сказала:

— А это не будет для вас чересчур тяжким бременем? Вы, конечно, знаете — они у меня не бог весть какое воспитание получили.

— Да ну, так-таки не получили хорошего воспитания! — воскликнул доктор Кубелик, смеясь. — Во-первых, как я уже говорил, в этом наверняка не будет нужды, а, во-вторых, как я тоже уже говорил, — если и будет нужда, то для меня это будет одной лишь радостью. Так что успокойся и не мучай себя понапрасну!

Женщина пошевелила сухими губами, облизала их кончиком языка, в волнении глотнула. И наконец, подложив ладонь под щеку, позвала:

— Агнес, подойди ко мне... — Молчание. — Агнес, подойди ко мне, — повторила она, икнув, хотя девочка уже давно стояла возле самой постели. Затем добавила — Агнес... возьми дедушкину руку... Агнес, возьми дедушкину руку и... и... поцелуй ее, Агнес, послушай же меня... ну, возьми дедушкину руку и... поцелуй ее!

— Нет, не надо! — сказал доктор Кубелик вдруг каким-то высоким голосом и страшно смутился.

— Простите меня... простите! — прошептала женщина, плача.

В ту самую минуту, когда доктор Кубелик хотел встать, чтобы скрыть охватившие его чувства, послышался тихий стук наружной двери, и кто-то начал подниматься по лестнице. Доктор Кубелик

пошел навстречу своему коллеге. Солдат посмотрел на него испуганным, вопрошающим взглядом, и врач безнадежно пожал плечами. Доктор Набер повесил пальто на вешалку и, потирая руки, спросил шепотом:

— Вы подозреваете, что это родильная горячка или ангинное отравление?

— Да, как я вам написал, — ответил доктор Кубелик.

— Посмотрим, посмотрим, — кивнул доктор Набер.

Они вошли в комнату больной. Женщина смущенно улыбнулась, казалось, еще больше перепугалась. Доктор Набер сразу же перешел к делу — он задал ей целый ряд вроде бы несущественных вопросов, проверил пульс, выслушал сердце, затем мало-помалу, словно увлекшись, стал осматривать больную очень тщательно. Каждый раз, когда он обнаруживал признак, подтверждающий его догадку, он громко мычал, не разжимая губ. В конце концов он закончил осмотр и попросил воды, чтобы вымыть руки. Направляясь в кухню, он сказал шедшему рядом с ним доктору Кубелику:

— Да, это так... кажется, вы не ошиблись.

— Сердце? — спросил доктор Кубелик.

— Очень неритмично и подозрительно, — ответил доктор Набер. И окунув руки в таз с водой, обернулся и спросил со вздохом: — Ваш опыт, несомненно, больше моего — зачем вы вообще посылали за мной?

— Я... я не могу! Понимаете — не могу! — протянул доктор Кубелик очень тихо.

— Родственница?

— Да.

Молчание.

— Тогда... плохо. Понимаю вас — тогда действительно плохо! — сказал доктор Набер. Он продолжал мыть руки. И лишь после долгого молчания спросил еще раз: — Близкая родственница... если не ошибаюсь?

— Да, довольно близкая, — ответил доктор Кубелик.

Когда он вернулся в комнату и снова сел возле

кровати, Эва положила свои горячие пальцы на его руку и прошептала со страхом:

— Очень плохо, да?

— Напротив, скоро все будет в порядке, — солгал доктор Кубелик, испытывая мучительный стыд за эту ложь.

Пока доктор Набер впрыскивал женщине в руку какое-то принесенное с собой лекарство и при этом — чтобы отвлечь больную — громким голосом давал ей какие-то ненужные наставления, доктор Кубелик беседовал с Агнес, которая жалась к его коленям.

Немного погодя молчаливый солдат помог доктору Кубелику надеть шинель и вышел его проводить. Когда они очутились на улице, доктор Кубелик сквозь шум ветра услышал вопрос солдата:

— Разве от этого действительно нет спасения?

Доктор Кубелик втиснул непрерывно мучившую его мысль в пустые, на его собственный взгляд, слова:

— Отчего же — и от чумы иной раз излечиваются!

— От чумы? Но ведь не настолько же это опасно? — спросил солдат.

— Черт побери... и от чумы порой излечиваются! И от чумы... как вы недавно сказали... вы, головорез! — пробормотал доктор Кубелик. И добавил уже гораздо миролюбивее: — Ведь мы же не боги... чтобы все знать. Я надеюсь. Надеюсь... слышите! И вы тоже надейтесь... пока можно.

— Я не знаю, что готов отдать, только бы она осталась жива, — сказал солдат просто.

— Вы думаете, я не готов? — спросил доктор Кубелик, пожимая плечами.

И он еще больше ускорил шаг, не замечая в тумане знакомых, которые почтительно его приветствовали.

Глава пятая

«КАК ВЫ ИХ . . . УБИВАЕТЕ?»

Примерно тогда же, когда доктор Кубелик сидел у постели больной женщины и всячески старался ее утешить, у Хенрика закончился завтрак, после которого все возвратились в зал. Мужчины, тихо беседуя, продолжали курить, госпожа Розалия сообщала худенькой арендаторше рецепты некоторых блюд.

Айми-Ли, судорожно прижав локти к подлокотникам кресла, с немым отчаянием смотрела по сторонам. Ей противно было все это скрытое бахвальство: мызный арендатор Мартин бахвалился своими энергичными сыновьями, эти сыновья — своим превосходством фронтовиков над всеми остальными, две сидящие на диване пожилые женщины — своим знанием тонкого обращения и взаимной вежливостью, даже отец, сидевший возле камина, слегка бахвалился — уж не своей ли длиннющей трубкой?.. И вдруг Айми-Ли захотелось быстро встать и уйти в свою холодную, темную комнату, туда, под самую крышу, куда отчетливо доносилось монотонное воркование голубей и громкая, воинственная перебранка грачей, сидящих на деревьях, окружающих церковь.

Подогнув ноги под кресло, она думала все об одном и том же — о коротком, страшном по содержанию письме, которое ей передал приехавший вчера на побывку солдат. И она опять всем своим существом ощутила глубину своей тайной любви, ощутила, как велика ее любовь, как глубока скрытая ото всех тоска, как дерзновенны мечты. Она поняла вдруг, что для всего того, чем она занималась уже больше года — и для повседневного ухода за ранеными в палатах клиники и для того, чтобы выносить страшные зрелища в операционной или перевязочной, — для всего этого она черпала силы в сознании, что она

как бы сотрудничает с другими сестрами милосердия: я помогаю вашим возлюбленным, может быть, кто-нибудь из вас поможет и моему! Ну а теперь? Теперь необходимость в этом косвенном сотрудничестве отпала, и она почувствовала всем сердцем, что у нее ни для чего не осталось сил, что ей хочется лишь одного — остаться одной, погрузиться в темноту и лежать, лежать... ле-жать.

Все присутствовавшие в комнате продолжали тихо беседовать, приятно разморенные процессом пищеварения; они рыгали от сытости, стараясь, чтобы другие этого не заметили, расточали взаимные любезности. Их голоса то скользили мимо нее, то как бы пронизывали ее насквозь, то окружали, то прыгали через нее. Кто-то рассказывал, кто-то шептался, подмигивая и презрительно кривя губы. Люди, которые до сих пор с тупым недоверием смотрели друг на друга, ловко притворялись, теперь излучали теплоту, эта теплота напоминала неуловимый аромат вечернего сада, озаренного тусклым солнцем; злорадный оскал вдруг куда-то исчез, все словно стремились погладить друг друга шелковыми руками... Весь мир, казалось, погружался в какую-то жуткую тишину, все глубже и глубже... еще и еще... «Черт побери!» — сказал капитан Макс, хлопнув себя ладонью по колену, — эта короткая фраза упала в глубокую тишину, точно камень в воду. — «О нет, как же, я помню это, как не помнить!» — воскликнул подполковник Кубеляев (по прозвищу Скобелев). — «Слушайте, слушайте... О чем они сейчас говорят!» — шепнул мызный арендатор Мартин. — «Божественно!» — заметила мать. Из чьей-то глотки вырвался резкий как ржанье смех, мощно раскатившийся по комнате. Кто-то опять рассмеялся, кто-то опять стал что-то рассказывать; кто-то опять лукаво подмигнул; кто-то опять скривил губы в презрительно-насмешливой всепонимающей улыбке. И все эти слова, фразы, внезапные взрывы смеха и даже случайные звуки падали в глубокую тишину, точно камни в воду... Вдруг раздался громкий стук в дверь — то был Пауль, — и Айми-Ли услышала, как он от имени больного дяди Юстуса передал какое-то приглашение, которое все

поспешно приняли: мызный арендатор Мартин с важным видом застегнул сюртук на все пуговицы, офицеры встали и направились за своими шинелями, обе пожилые женщины почти одновременно подняли руки к затылку и стали поправлять прически. И тогда в комнате стало еще тише. И Айми-Ли невольно удивилась, — ведь она даже не заметила, когда все вышли, и не слышала, куда они пошли.

Она посидела еще немного, продолжая держать ноги под креслом, затем тоже поднялась и направилась в коридор. Слегка пошатываясь, она поднялась по лестнице, вошла в темную комнату, села на кровать. Дотронувшись пальцами до подушки, она, словно возвращаясь откуда-то издалека, ощутила ее прохладную сырость и подумала — стало быть, следы ее ночных слез еще не успели высохнуть. И склонившись над своими коленями, она попробовала молиться, ни на миг не забывая, что это одна лишь глупость.

Она все сидела, сидела, сидела, пока ее опять не охватило невероятное, безумное отчаяние, заставившее ее поспешно встать, выйти, снова спуститься по лестнице. Но она не свернула в залу, она отворила наружную дверь и вышла во двор. Ветер ударил ей в лицо, и она задрожала от холода.

Она и не заметила, как прошла в сад, — но вдруг обнаружила себя там; она побрела по дорожке к облетевшим кустам, гладила стволы росших вдоль дорожки старых деревьев и всхлипывала — тихо-тихо. Дойдя до скамейки, окруженной кустами смородины и сирени, она опустилась на нее и устремила рассеянный взгляд вдаль, словно стараясь там что-то разглядеть, хотя густой туман не позволял ей видеть сколько-нибудь далеко.

Вдруг она вздрогнула и быстро вскочила. Откуда-то сзади до нее донесся звук приближающихся шагов и хруст песка под ними; она решила уйти, но не успела: оба важных гостя неторопливым шагом приближались к скамье, любезно улыбаясь перед тем как поклониться. Подполковник Кубеляев (по прозвищу Скобелев) остановился первым, щелкнул каблуками, по-прежнему напоминая петуха с пышным хвостом, и сказал, галантно осклабившись:

— Милая барышня, разве так можно! Воздух насыщен холодными испарениями, а вы гуляете совсем легко одетая!

— Если позволите, я сейчас же принесу вам пальто! — предложил кузине свою джентльменскую помощь капитан Максим Мартыныч.

— Конечно, капитан, принеси милой барышне пальто, что там еще спрашивать! — сказал подполковник Кубеляев (по прозванию Скобелев).

Айми-Ли смотрела на них с робкой мольбой и вдруг услышала собственный голос, спросивший:

— Разве вы уже... вернулись оттуда?

— Дядя Юстус при виде наших скучных физиономий сразу же опять уснул, мы не хотели его утомлять, — ответил подполковник Кубеляев (по прозванию Скобелев) и вновь неодобрительно покачал головой. — Ай-яй-яй, как вы все же легкомысленны!

Широкие плечи капитана Максима Мартыныча скрылись в тумане.

Айми-Ли сказала, теперь уже сильно дрожа, хотя холода она не чувствовала:

— Мне... ничего.

— Не говорите, не говорите, вас же буквально трясет! — сказал подполковник Кубеляев (по прозванию Скобелев).

Молчание.

Капитан Максим Мартыныч вернулся и, щелкнув каблуками, накинул на плечи Айми-Ли толстое шерстяное осеннее пальто, — ветер тотчас же начал трепать его полы. Море шумело, шумело. Частый грибной дождь шелестел в побуревших дубовых листьях, море шумело, стебли полевицы, росшей вдоль тропинки, согнулись под тяжестью крупных капель. Море шумело. Море шумело. Море шумело за старыми деревьями парка, за пустыми садами, за грязными улицами, за низким песчаным берегом. Море шумело, а подполковник Кубеляев (по прозванию Скобелев), выдавив каблуком в земле глубокую полукруглую ямку, укоризненно покачал головой и сказал:

— Не забывайте, милая барышня и кузина, вы ведь не ко всему привыкший солдат, — тот может

сидеть хоть в затянутой льдом луже, и ему все будет нипочем!

— Наша уважаемая кузина — сестра милосердия и, следовательно, — одна из нас! — галантно воскликнул капитан Максим Мартыныч, стоящий посреди дорожки. — Да, полковник, я узнал об этом только сегодня.

— О-о! А я должен услышать об этом только сейчас, из уст капитана! — воскликнул подполковник Кубеляев (по прозвищу Скобелев). — Почему же вы сами мне об этом не сказали, уважаемая кузина?

— Не... не подумала об этом... — пролепетала Айми-Ли.

Молчание.

Капитан Максим Мартыныч, переминаясь с ноги на ногу, засмеялся и сказал:

— Я понимаю вас, милая барышня. Черт побери, чему ж тут удивляться! Но знаете, что я вам скажу: здесь, в тыловом госпитале, вы видите сущие пустяки, вам следовало бы работать в военно-полевом госпитале или на перевязочном пункте, куда привозят раненых... прямо-таки истекающих кровью! Там, там вы узнали бы гораздо больше, чем здесь, милая барышня.

— Ай-яй-яй, капитан, как можно! — воскликнул подполковник Кубеляев (по прозвищу Скобелев). — Ты считаешь, что война и для других лишь интересное времяпрепровождение! Я убежден, что наша уважаемая кузина пошла в сестры милосердия из человеколюбия, а не из желания пощекотать нервы. Извините, можно я на минутку присяду рядом с вами?

— Да... пожалуйста... — ответила Айми-Ли.

Подполковник Кубеляев (по прозвищу Скобелев) сел. Вслед за ним сел и капитан Максим Мартыныч. И подполковник Кубеляев (по прозвищу Скобелев) закурил папиросу, выдохнул в туман большое облако дыма и заметил:

— В военно-полевых лазаретах и на перевязочных пунктах, где раненым оказывают первую помощь, все, конечно, гораздо страшнее, в этом капитан прав.

— Н-ну, еще бы! — воскликнул капитан Кубе-

ляев. — Ведь сюда, в тыл, привозят лишь тех, от которых еще может быть толк, о том, что такое по настоящему изувеченные тела, здесь и понятия не имеют. Хорошая рана в живот, например... Или череп, раскроенный череп, так что виден мозг, причем сам герой продолжает жить... Или солдат без рук и без ног... без лица... совсем без... мужественности... ха-ха-ха! Я считаю, что людям, для укрепления нервов, следует побывать именно в таких местах. А в тыловых госпиталях — ха!

— Может... быть... — пробормотала Айми-Ли, продолжая видеть перед собой то ужасное письмо, которое ей принес вчера незнакомый солдат.

Подполковник Кубеляев (по прозвищу Скобелев) посасывал папиросу, перекатывая ее языком из одного уголка губ в другой. Его аккуратная расчесанная надвое борода при этом ритмично двигалась вверх-вниз. Он был приятный мужчина, о да, его темно-карие добрые глаза непрерывно смеялись, он умел радоваться жизни. Знаки различия на его погонах покрылись бисером тумана и словно сместились. Капитан Максим Мартыныч тоже закурил папиросу, откинулся на спинку скамейки и сказал:

— Некоторые специалисты — гурманы из санитарных подразделений — утверждают, будто мы, фронтовики, и понятия не имеем, что такое подлинные ужасы войны. И вот, дескать, почему: в то время когда та или другая армия терпит наиболее сильный урон, мы находимся в движении — либо наступаем и ничего не замечаем вокруг, либо отступаем и тоже ничего не замечаем. Со своей точки зрения, он, конечно, прав — мы сами бьем и позволяем бить себя, однако тончайшие нюансы того, что творим мы и что творят над нами, для нас незаметны! А ваши коллеги — сестры и врачи — там... у самой линии огня... видят все и к тому же, во множестве... вот такими грудками!

И капитан Максим Мартыныч Кубеляев, подняв обе руки высоко над головой, описал ими огромную дугу, концы которой уходили куда-то к его ногам.

— В этом смысле они, конечно, правы! — согласился подполковник Кубеляев (по прозвищу Скобелев).

— А вообще война — довольно скучная игра и очень быстро надоедает... как и все прочие игры, — заявил капитан Максим Мартыныч Кубеляев.

— Война... война... разве это... игра? — пролепетала Айми-Ли как-то очень тихо, содрогаясь при каждом слове.

Подполковник Кубеляев (по прозвищу Скобелев) засмеялся.

— Милая кузина, не слушайте его, нашего упрямого капитана, — сказал он. — У моего брата слишком горячая кровь — он просто безумец! Этаким ветрогон! Я вынужден был перевести его в штаб из боязни, как бы он в один прекрасный день из-за своей любви к приключениям не угодил под военно-полевой суд. Да, таких, как наш капитан, надо постоянно держать в узде. И будьте осторожны, по отношению к красивым девушкам наш лихой капитан, мой младший брат, как истинный вояка... ха-ха-ха!

— Преувеличиваешь, полковник Скобелев, преувеличиваешь! — воскликнул капитан Максим Мартыныч Кубеляев польщенно.

Подполковник Кубеляев (по прозвищу Скобелев) опять засмеялся и сказал:

— Ну-ну, капитан Кубеляев не скромничай. — И, снова повернувшись к Айми-Ли, продолжал: — В свое время, когда чин у него был еще низкий, я никогда не решался послать его в разведку, милая кузина. Вместо того чтобы бесшумно, не дыша, собирать необходимые сведения, он на каждом шагу лез в драку и провоцировал перестрелку. Лишь в редких случаях его отряд возвращался более-менее в полном составе. Я поражаюсь, как в него самого до сих пор не угодил кусок свинца, в этого старого драчуна!

— Преувеличиваешь, полковник Скобелев, преувеличиваешь! — сказал капитан Максим Мартыныч Кубеляев.

— Капитан Кубеляев, голубчик, где же я преувеличиваю! А что хуже всего — он при любом удобном случае вперед лез! — сказал подполковник Кубеляев (по прозвищу Скобелев). — Особенно тогда, когда надо было доставить языка из немецких окопов. Смысл таких операций, естественно, заключается в том, чтобы привести двух-трех плен-

ных — их надлежит быстро схватить и привести. Но всегда получалось так, что наш капитан забывал в нужный момент просвистеть отступление — ведь его мечтой было окончательно разгромить немцев, ха-ха-ха! И результат? Полный провал... милейшая кузина.

— Преувеличиваешь, полковник Скобелев, преувеличиваешь! — проговорил капитан Максим Мартыныч Кубеляев.

Айми-Ли молча слушала эту дружескую беседу двух братьев, лишь изредка шевеля лежащими на коленях пальцами. Господи, и зачем они ее так мучают, почему они не оставят ее, наконец, в покое! В ней что-то поднималось и росло, росло, росло! — «Под суд... — думала она бессвязно. — Бог мой... под суд...» — И перед ней снова возникло письмо, которое она получила вчера утром, — короткое, печальное письмо, письмо умершего человека... письмо, которое повисло теперь в мире как-то одиноко, как-то оторванно.

Вдруг Айми-Ли выпрямилась, прищурила глаза и спросила, глядя прямо в смеющиеся карие глаза подполковника Кубеляева (по прозвищу Скобелева):

— Скажите... скажите мне, как вы... их там... убиваете?

— Капитан Максим Мартыныч Кубеляев нахмурился и в свою очередь спросил:

— Как — мы — их — убиваем? Кого?

— Своих... своих приговоренных к смерти... — запинаясь, ответила Айми-Ли.

Молчание.

В глазах подполковника Кубеляева (по прозвищу Скобелева) что-то дрогнуло, и он перевел взгляд на носки сапог.

Капитан Максим Мартыныч Кубеляев опять засмеялся и сказал:

— Своих приговоренных к смерти? Ха-ха-ха... черт побери, милейшая кузина — вы в самом деле проявляете к войне куда больший интерес, чем я мог себе представить. Кстати: вы напоминаете мне кое-кого из ваших коллег-сестер, которые иногда одалживают у нас, офицеров, мундиры, чтобы наблюдать подобные вещи. — И продолжая весело смеяться,

словно над удачной шуткой, он продолжал: — Стало быть, как мы их убиваем? Ну что ж: роется яма, человека привязывают к дереву или к столбу, глаза ему завязывают и тр-рах-х! Готов! Затем выстрел милосердия за ухо — и в землю. Просто — не правда ли?

— Да... действительно... просто... — проговорила Айми-Ли, все больше бледнея.

— К счастью, подобные вещи в нашей русской царской армии редко случаются... — пробормотал подполковник Кубеляев (по прозвищу Скобелев) и снова уставился на блестящие носки своих сапог.

— Редко? Как же так, Скобелев! — воскликнул капитан Максим Мартыныч Кубеляев. — В свое время это действительно случилось редко, но теперь — о-о! Потому что, видите ли, милейшая кузина, война немного затянулась, и люди устали. Ну а трусость заразительна и может погубить даже самых хороших солдат. Кроме того, конечно, эти несчастные смутьяны! Так что — ничего не поделаешь! Понятно, да?

— Да... да... понятно... — беспомощно пролепетала Айми-Ли.

— В тот самый день, когда начался наш отпуск, состоялось несколько таких расстрелов... — продолжал Максим Мартыныч Кубеляев. — И все расстрелянные — от первого до последнего — были... дезертиры. Постойте, постойте, я как будто припоминаю, что и из этого города кто-то отдал в тот день свою драгоценную жизнь...

— Черт побери, да перестань же ты, наконец, капитан Кубеляев, что за ерунду ты тут городишь! — вдруг строго прикрикнул подполковник Кубеляев (по прозвищу Скобелев), хотя в уголках его губ продолжала играть мягкая улыбка.

— Да, право же мне вспоминается, как будто... — протянул капитан Макс.

— Заткнись! — отрезал подполковник Кубеляев (по прозвищу Скобелев).

Молчание.

Айми-Ли вскочила, крепко прижала руки к груди и бросилась бежать, уже через мгновение исчезнув в облаке тумана, выползавшего из-за дома.

Глава шестая

ИСТОРИЯ АЙМИ-ЛИ

Айми-Ли вернулась в свою комнату, заперла дверь на ключ и судорожно разрыдалась. Но слез у нее и сейчас не было — из горла вырывались лишь сухие, полные отчаяния рыдания.

Она с ужасом подумала, а вдруг эти два самоуверенных героя придут за ней сюда! Но кругом стояла тишина, слышен был лишь тяжелый шум постепенно стихающего ветра. И не в силах сдержать сотрясающих все тело судорожных рыданий, она словно из страха перед какой-то роковой и безжалостной силой, попятилась в самый темный угол комнаты и села на кровать, беспомощная и печальная, ощущая лишь свое безграничное одиночество.

Она долго сидела так, не шевелясь, уронив на колени руки. Наконец она снова встала, подошла к окну, отдернула занавеску. Серый свет струился мимо нее, проникал в комнату, все вокруг словно окуталось легким, реющим облаком пыли: кривые стулья, стоящее на столе зеркало, книги на ночном столике, желтоватые обои. И вдруг она увидела: письмо, которое с такой жестокостью вторглось в ее жизнь, торчало из-под подушки — уголок слегка помятого голубого конверта. И она поняла с какой-то неопровержимой, кристальной ясностью, что напрасно вернулась сюда, что она не в силах ни минуты оставаться среди этих безгласных и равнодушных вещей, что она должна непременно уйти отсюда, бежать, далеко... теперь же, сию минуту.

Айми-Ли с лихорадочной поспешностью оделась, хотя ее рабочее время начиналось лишь под вечер, и вышла. Когда она закрывала за собой дверь, ее охватило смутное чувство, будто она забыла какую-то очень ценную вещь, что-то такое, что ей

следовало непременно взять с собой. Однако она не вернулась, она спешила.

Торопясь и волнуясь, Айми-Ли на цыпочках, втянув голову в плечи, сбежала по скрипучим деревянным ступенькам — она все еще боялась, что кто-нибудь последует за ней, — и, спустя мгновение, очутилась на улице.

И сразу же продрогла. Туман, который бурное море непрерывно выбрасывало на берег, был почти молочно-белый, двигавшиеся в этом тумане люди толкали ее, время от времени в этом тумане слышались голоса. Айми-Ли видела и воспринимала все это словно сквозь бесчисленное множество тусклых окон — искривленным, искаженным до неузнаваемости, омерзительным... какой ей представлялась болтовня мнящих себя героями двоюродных братьев. Группа маленьких попрошайек, бледных, с глазами, полными страха и безнадежности, какое-то время, с бормотаньем и хныканьем провожали ее; в конце концов они подрались — за делом поданных ею монеток — ругая при этом друг друга грубыми, гадкими, по-взрослому двусмысленными словами, которые, казалось, исторгала сама утопающая в осенней грязи, гниющая земля. А где-то за зернистым туманом безостановочно строчили упражнявшиеся в убийстве пулеметы: тр-рат-а-та... та-та-та!

«Приговоренных к расстрелу тоже расстреливают из пулеметов?» — вдруг подумала Айми-Ли. И как только эта мысль пришла ей в голову, она поняла, что именно она забыла дома: она забыла дома свое письмо в голубом конверте — свое роковое письмо, письмо своей муки, письмо своей жизни!

Айми-Ли остановилась, прижала руки к груди и хотела было тотчас же повернуть назад. Но она и на этот раз передумала — лишь постояла немного и затем опять пошла дальше. В ее уставшем от страданий и бессонницы мозгу мало-помалу оформилась мысль: этот забытый листок должен чувствовать себя страшно одиноким и покинутым — его окружают лишь неподвижный потолок, неподвижный пол, неподвижные стены, неподвижный воздух над старыми кривоногими стульями! Она шла, шла, шла,

а пулемет все строчил: тр-ра-ра-та-та-та... тра-та-та! Небо было мокрое и серое, земля была мокрая и серая, дома со своими тусклыми окнами были тоже очень мокрые и серые... «Небось, пулеметы тоже очень мокрые и очень серые... Да, да, да и приговоренные к смерти, наверное, очень мокрые и очень серые...» — думала она, продолжая дрожать всем телом от ветра, сырости и муки.

Вдруг Айми-Ли разразилась судорожным смехом, сменившимся через мгновение судорожными рыданиями. Слезы — их у нее до сих пор не было — на время ослепили ее, она ничего не видела вокруг. Улицы были ей знакомы, она ежедневно ходила этой дорогой уже более года, а вот и больницы, а вот... вот она и пришла. Плотный туман по-прежнему обдавал ее тяжелыми волнами и... по-прежнему где-то за этим плотным туманом стрекотали, упражняясь в убийстве, пулеметы: тра-ра-та-та, та-та-та!

Айми-Ли прошла в гардероб, повесила пальто на вешалку, надела белый рабочий халат. Воздух был пропитан душным теплом, скрытой болью, страданием. Сослуживцы улыбались Айми-Ли, она улыбалась им в ответ. Проходя мимо зеркала, она увидела себя в его глубине — очень бледной, похудевшей за одну ночь. — Я бледная? Нет, я просто серая и мокрая, серая и мокрая, — устало подумала она. — «Так, значит ты не хотела отдыхать?» — спросил у нее кто-то. — «Нет, не хотела» — ответила она. — «Скучно?» — спросил кто-то. — «О да, у нас как раз гости, а они все бахвалятся, бахвалятся!» — ответила она. Треск пулемета доносился сквозь толстые стены совсем тихо: та-та-та-та... та-та-та! — «Чем же эти ваши гости так бахвалятся?» — спросил кто-то. — «Чем? Ну конечно же, войной!» — ответила Айми-Ли. И быстро подошла к доске с номерами, чтобы посмотреть, в какой палате ее сейчас ждут.

В этой привычной, домашней обстановке голова у Айми-Ли начала понемногу проясняться. Душа ее избавилась от гнета, мозг вернул себе утраченную на короткое время любовь к порядку. Айми-Ли опять могла рассуждать здраво, и мысли, рождавшиеся у нее в голове, как обычно, располагались в

строгой последовательности. Она быстрым шагом ходила из палаты в палату, мужчины в белых бинтах ласково и благодарно улыбались ей, она отвечала им такой же ласковой и благодарной улыбкой: — «Одну минутку, я вам сейчас помогу!» — Воздух вокруг нее был по-прежнему пропитан тоской и страданием, эта тоска и это страдание словно смягчали ее собственное горе: — «Потерпите немного, я сейчас скажу доктору!» — говорила она. Из расположенной в центре коридора отдельной палаты донесся крик, и этот крик тоже смягчил ее собственное горе: — «Не волнуйтесь, скоро вам опять будет лучше, я сейчас дам вам болеутоляющее!» — сказала она и этому страдальцу..

Выходя от одного такого больного, она столкнулась с доктором Кубеликом, который в сопровождении старшей сестры торопился в операционную. И дядя спросил ее, остановившись на минутку:

— Почему ты так рано?

— Мне здесь легче, — ответила Айми-Ли просто и откровенно.

— После того как я кончу, мне бы хотелось с тобой немного поговорить, — сказал доктор Кубелик и ободряюще кивнул.

Устав от беготни и двойной нагрузки Айми-Ли зашла, наконец, к брату в шестую палату. Мужчина с тяжелой раной в груди все еще лежал без сознания, хрипел и бредил. Капитан Кубелик, который лишь недавно вернулся с перевязки, был очень беспокоен, ругался, проклиная свою злосчастную судьбу. Глаза у него блестели. Указав на стоящий возле кровати стул, он сказал:

— Садись, Ли. Молодец, что пришла. Эти свиньи ковыряли меня точно раскаленными прутьями, этикие молодые с-скоты! Они на нас упражняются! Когда я наконец встану, я разыщу этого главного живодера и дам ему разок в зубы! Впредь я буду даваться в руки только дяде Хансу, а этих недотеп и близко не подпущу! Им бы трупы резать в анатомичке,¹ а не живых людей!

— Не сердись, брат, я их знаю, они хорошие, они не станут тебя нарочно мучить, — сказала Айми-Ли с мольбой.

— Хорошие? Мерзавцы они, а не хорошие! — буркнул капитан Кубелик.

— Поверь, Аугуст, они хотят тебе только помочь! — сказала Айми-Ли.

— Да-да-да, только помочь! — буркнул капитан Кубелик и выдохнул через нос большой клуб дыма. — Они боятся, что иначе их не оценят, скоты несчастные! Они даже заявили мне, что чем больше я буду злиться, тем легче будет переносить боль. Кстати — милейший господин Брок, этот трус и симулянт, все еще здесь или... его перевели куда-нибудь?

Капитан Кубелик задал этот вопрос как бы невзначай, но глаза его при этом выражали настороженность и страстное ожидание.

Айми-Ли взяла положенную на ночной столик книгу и, перелистывая ее, ответила, тоже как будто невзначай:

— Он еще здесь. И, очевидно, пробудет еще несколько дней. Дядя всегда в подобных случаях говорит, что... торопиться не следует. Кстати, брат, ты и тут несправедлив, он вовсе не трус и не симулянт.

— Н-ну, зна-аем! О-ох уж эти живодеры!.. Зад у меня прямо огнем горит! — простонал капитан Кубелик. — Как видно, можно уже не сомневаться — я останусь хромым.

— Не говори глупостей! — возразила Айми-Ли, продолжая перелистывать книгу. И через минуту добавила: — Молодой Брок наверняка получит белый билет, у него очень слабое здоровье.

— Вот как? Белый билет? — протянул капитан Кубелик.

— Да, — кивнула Айми-Ли.

Молчание. Капитан Кубелик, притворяясь внимательным, слушал пикантные анекдоты раненного в шею капитана Смирнова, нервно смеялся, изредка вставляя какое-нибудь слово. Поручик Афанасьев ржал как лошадь и даже замахал вдруг своей единственной ногой. С кровати, стоявшей возле окна, доносились монотонные стоны. И капитан Кубелик, уронив на пол светло-серый табачный пепел, задрожавший там от движения воздуха, снова заговорил:

— Да, черт бы их побрал, они могут радоваться — через их руки ежедневно проходит уйма человеческих обломков, есть на чем упражняться. Можешь мне поверить: будь это в моей власти, я бы приказал в один прекрасный день разложить на столах этих тупоголовых и терзать скальпелем их седалищный нерв... чтобы они имели хоть малейшее представление, что это такое!

Айми-Ли положила книгу обратно на белый ночной столик и молча улыбнулась. Потом, все еще продолжая вздрагивать, словно от озноба, сказала:

— Не сердись, брат. Несмотря на все муки, которые мы тебе тут причиняем, мы все желаем тебе только добра!

— Да, добра! Как бы не так! — пробормотал капитан Кубелик. Молчание. Затем он опять завел разговор о господине Броке: — Чем же он болеет, почему его так основательно здесь исследуют, этого избалованного и изнеженного маменькина сынка, этого... отпрыска городского головы? — спросил он, глядя в сторону.

— У него, кажется, что-то с сердцем и с печенью, — ответила Айми-Ли.

Капитан Кубелик, не в силах больше притворяться, покраснел до ушей и проговорил медленно:

— Видишь ли, сестренка, я думаю, что... Если бы ты была так добра и проследила, придет ли сестра сегодня навестить его. И если придет, то... передай ей от меня... я имею в виду бывшую барышню Брок... что я должен ее... еще о чем-то спросить. Или все равно — скажи, что тебе в голову придет. Ты... сможешь это сделать?

— Постараюсь, — пообещала Айми-Ли.

— Благодарю, от всей души благодарю тебя, — сказал капитан Кубелик.

— Пожалуйста, — ласково улыбнулась Айми-Ли. Молчание.

— И потом... — начал капитан Кубелик, — я думаю, что, пожалуй, родные могли бы теперь меня навестить. Ну... скажем... часа в четыре или в пять... Потому что... раньше...

Он не закончил и опять густо покраснел.

— Я понимаю, — ласково сказала Айми-Ли.

Капитан Кубелик криво усмехнулся, стараясь окончательно побороть растущее смущение.

— Черт побери, надеюсь, ты не смеешься надо мной? — сказал он, насупившись.

— Нет, я не смеюсь над тобой, — ответила Айми-Ли и, кивнув на прощанье, вышла из палаты.

Направляясь по главному коридору к дежурной комнате, она опять столкнулась с дядей Хансом. Некоторое время они шли рядом, не говоря ни слова, глядя в пол. Казалось, весь дом страданий и надежд, задыхался, время от времени сжимаясь и затем вновь распрямляясь. У Айми-Ли было такое чувство, как будто она приговорена к пожизненному заточению в этих окрашенных, пропитанных всевозможными запахами помещений, как будто у нее нет никакой надежды отсюда выбраться и как будто только здесь она может найти... столь необходимую ей опору. Войдя следом за дядей в его кабинет, она остановилась возле стола и, нервно шевеля пальцами, засунутыми в карманы халата, застыла в молчаливом ожидании.

Доктор Кубелик сел и взглянул на племянницу сквозь очки. Пулемет тарахтел с прежней торопливостью: тр-ра-та-та... та-та-та! Пулемет тарахтел, и по окнам стекали струйки воды. Пулемет тарахтел, тарахтел, тарахтел. И Айми-Ли, опершись рукой об угол стола, спросила, слегка наклонив голову:

— Ты хотел со мной поговорить?

— Да, хотел, — кивнул дядя, указывая на стул. — Прошу тебя, не стой хоть ты в моем присутствии... я этого терпеть не могу! Да, я хотел с тобой поговорить, — добавил он. И немного погодя сказал решительно, почти строго: — Я вижу, что с тобой творится что-то неладное, может быть, я могу дать тебе какой-нибудь совет... я ведь профессиональный исповедник. Не из-за Оскара ли это? Что с ним?

Айми-Ли не ответила, лишь тихонько всхлипнула. Она стояла, слезы так и текли по ее щекам, а лицо оставалось неподвижным. И чем сильнее она вздрагивала от рыданий, тем легче становилось у нее на душе, пока, наконец, она не почувствовала, что теперь в состоянии поделиться с кем-то своим горем,

переложить на кого-то часть своего тяжелого бремени.

И подойдя к дяде совсем близко, почти касаясь его колена, она заговорила отрывисто, запинаясь:

— Какой-то солдат, однополчанин Оскара, принес мне вчера утром письмо. В нем Оскар сообщает, что за самовольную отлучку с фронта и... за сопротивление... он предан военно-полевому суду и приговорен к смерти. И этот солдат, который передал мне его письмо, сказал... сказал... что несколько дней назад приговор был приведен в исполнение. Смертный приговор... смертный приговор... да... приведен в исполнение.

Молчание. Доктор Кубелик не проронил ни слова. Он пристально смотрел в окно, сквозь него... куда-то еще дальше, дальше... в густой туман. В густой туман, за которым все еще стрекотали пулеметы: тр-р-ра-та-та... та-та-та!

Глава седьмая

МАТЬ ПАДАЕТ НА КОЛЕНИ

Сразу же после ухода Айми-Ли капитан Кубелик принялся ждать. Он знал, что в этот час ждать совершенно бессмысленно, однако ничего не мог с собой поделать — он должен был ждать!

Через каждые две минуты он брал с ночного столика часы и с волнением смотрел на них. И каждый раз его постигало разочарование: стрелки двигались невероятно медленно.

Раненный в шею офицер (артиллерийский капитан Смирнов) перестал рассказывать анекдоты, зевнул, сел на постели и натянул халат. Ему тоже было скучно, он тоже не знал, что делать с этим свободным временем в изнеживающей, лишенной каких бы то ни было опасностей обстановке. Шаркая ногами, он подошел к окну, поглядел вниз, на двор, и сказал, полуоборачиваясь, что двери мертвецкой распахнуты и со всех нар торчат ноги. Польский ротмистр в бреду звал мать, красивый парень с юга России, у которого была ампутирована нога, вздыхал и осторожно шевелился.

Капитан Кубелик с большим трудом повернулся на бок, зло и цинично засмеялся и сказал:

— Там сейчас, небось, чертовски холодно, в мертвецкой-то. Я во всяком случае не хотел бы туда переселиться.

— Если это будет на благо нашему могущественному императору, императрице и наследнику... единой и неделимой России и нашей православной церкви, — то и мы туда переберемся! — сказал артиллерийский капитан Смирнов — слова, казалось бы, были верноподданнические и гладкие, но откуда-то из-за этих верноподданнических и гладких слов поблескивали острые шипы, пробивалась

недопустимая ненависть к тем, кому надлежало выказывать лишь любовь и безоговорочную преданность.

— Да... мне стыдно, что для блага этих людей я отдал матери-земле только одну ногу, — сказал поручик Афанасьев, и его слова внешне тоже были очень верноподданнические и гладкие, но и из-за его верноподданнических и гладких слов поблескивали острые шипы и пробивалась недопустимая ненависть к тем, кому надлежало выказывать лишь любовь и безоговорочную преданность.

Некоторое время они беседовали. Шаркающие шаги выздоравливающего офицера раздавались то тут, то там. Время от времени он вплотную подходил к кровати капитана Кубелика; из-за своей криво сидящей головы он выглядел так, словно что-то коварно высматривал. Капитан Смирнов громко ругал начальство, засевшее в столице и штабах, за то, что оно никогда не умеет вовремя и куда следует направить необходимое снаряжение.

— Каждый заряд мы вынуждены были беречь как девственница свою честь! — воскликнул он.

— Да, мне стыдно, что за своего императора, единую и неделимую Россию и православную церковь я отдал матушке-земле только одну ногу! — с горечью повторил поручик Афанасьев.

Часы в коридоре пробили один раз. И разгуливающий по палате артиллерийский капитан Смирнов заговорил теперь о своей личной жизни, так как был убежден, что война в нем больше не нуждается.

— Черт знает, кем мне стать, когда меня отсюда выпишут! Может быть, лесничим... — рассуждал он.

— Я стану почтальоном-сороходом, — сказал поручик Афанасьев все с такой же злостью.

— Не болтай чепухи, Ипполит Сергеич, небось и для тебя, золотой мой, сыщется что-нибудь подходящее. Чем плоха, например, должность землемера — со своей кривой шеей я теперь словно создан для того, чтобы просеки прокладывать, — заметил капитан Смирнов.

— Я стану почтальоном-сороходом, чтобы быстрее разносить вести о наших победах, — сказал поручик Афанасьев прежним тоном.

— Ого? Ха-ха-ха, вот ради чего, хо-хо-хо! — засмеялся артиллерийский капитан Смирнов, продолжая бессмысленно топтаться по комнате.

Капитан Кубелик некоторое время прислушивался к разговору соседей, вставляя в него лишь отдельные слова, затем закрыл глаза и подумал, что эти зубоскалы с истерзанной душой могли бы, наконец, замолчать. Ему ни с того ни с сего казалось, как будто бывшая барышня Брок вот-вот тихонько толкнет дверь и войдет, и он страстно хотел, чтобы оба его товарища поскорее уснули. Утомленный монотонным словоизвержением, которым болтливые соседи буквально затопили его, он, наконец, уснул и увидел себя в каком-то просторном помещении на соломе, у него над головой простирались широкие ветки рождественской елки с тускло мерцающими свечками.

Очнувшись через некоторое время, он услышал в коридоре тихий топот множества ног, топот приблизился к двери и затих, словно в раздумье. И вдруг капитан Кубелик понял, что это... пришли к нему! Дверь открылась, и в палату вслед за доктором Кубеликом ввалилась масса людей. Так, так, значит они не могли больше ждать, эти добрые старики и все остальные! Мать, тучная, покрасневшаяся, тяжело бросилась к постели, опрокинув по дороге стул, и принялась изо всех сил жать свешивавшуюся руку сына; она не переставая всхлипывала и лепетала какие-то бессвязные слова; она прижалась лицом к небритой щеке капитана Кубелика, и так как негнущаяся спина не давала ей наклониться, она опустилась на колени; ее толстые, дрожащие губы прижались к голому затылку сына, мусолили его шею, мочку уха. Продолжая громко плакать, она, наконец, с трудом поднялась, села на стул, пододвинутый ей доктором Кубеликом, и начала бессвязно повторять, держа обеими руками руку сына:

— О господи, господи! Почему же ты нам раньше не сообщил?! Да, почему — ты — нам — раньше — не сообщил?!

— Я был слишком измучен и хотел отдохнуть, — сказал капитан Кубелик, сясь улыбнуться, чтобы тоже не заплакать.

— Почему же — ты — раньше — нам — не сообщил, сынок, о, сынок! — повторяла мать.

Когда она немного успокоилась, отец подошел к постели и тоже залился слезами. Он стыдился их, быстро-быстро моргал и не знал, что говорить, что делать. Он стоял возле кровати, высокий и очень прямой, и до тех пор не давал никому подойти, пока не погладил украдкой сына по щеке. Наконец он произнес, стараясь казаться вполне спокойным:

— Господин Керих зашел к нам сегодня и... принес о тебе весточку. Я не знаю, от кого он услышал об этом, а также о том, что опасность уже как будто миновала. Да, это верно, тебе, безусловно, необходим был покой и отдых, и я вполне тебя понимаю... Мы своими посещениями только докучали бы тебе.

— Силы небесные, и как это сны мне ничего не сказали?! — воскликнула мать.

Наконец удалось протиснуться вперед и мызному арендатору Мартину; толстый, как бочка, он с усилием встал на вытяжку и рывкнул, хотя намеревался говорить как можно тише:

— Пр-равильно, парень, совершенно правильно! Сразу видно, что и ты настоящий солдат, так сказать во-яка! А такие люди не кричат, не ноют, они лежат терпеливо, стиснув зубы, зализывают свои раны, как старые львы, и ждут того времени, когда снова можно будет поехать на фронт! Смотрю я на тебя — настоящий Кубелик! Или — что здесь рассуждать — даже уже не Кубелик, а чистый Кубеляев, как мой Максим Мартыныч! Ну, привет, значит, будь здоров, черт тебя поберет... гордого слугу царского... хо-хо-хо!

— Будь здоров, дядя, — ответил капитан Кубелик.

Худенькая арендаторша, следуя за своим могучим повелителем, осмелилась лишь слегка коснуться пальцев лежащего на кровати мужчины.

— Здравствуйте, — сказала она шепотом.

— Здравствуй, тетя, — сказал капитан Кубелик.

— Дядина жена! Скажи дядина жена, а не тетя! — рывкнул мызный арендатор Мартин.

Капитан Смирнов подошел к кровати с другой стороны и покачал головой:

— Бить вас некому, голубчик, капитан Август Генрикович, ай-яй-яй, бить вас некому! Валяетесь здесь как паша и не даете о себе знать даже отцу с матерью! Ай-яй-яй, пресвятая богородица, одно могу сказать — бить вас некому!

— Извините, наверное, весь этот базар и непонятный язык вас беспокоят, — сказал капитан Кубелик, чувствуя себя в то же время все же очень счастливым.

— Беспокоят? Ну, дорогой, — сказал капитан Смирнов и зашлепал обратно к окну. — Нас с Ипполитом Сергеичем это ничуть не беспокоит, а пан ротмистр... не слышит еще никакого шума.

Клара и Отто, вошедшие в палату следом за отцом и матерью, тоже подошли ближе. У девушки глаза были большие и темные, и в них таилось как бы глубокое изумление; парень стоял, приоткрыв рот, даже губа у него отвисла. Они подошли к кровати очень медленно, стараясь идти в ногу. Но не успели они протянуть взрослому брату руку для приветствия, как дядя Мартин сердито подскочил к ним и проворчал:

— Стоп, стоп, стоп, стоп, *молодцы*, куда вы лезете! Повежливее, *братцы*, здесь, кроме вас, есть гости, которые тоже хотят от души приветствовать своего собрата. *Сюрприз*, милый Август, *настоящий сюрприз* — тебя, видишь ли, пришел провести даже полковник Скобелев, мой старший сын, он только вчера приехал! *Прошу*, полковник Скобелев, *прошу, прошу!*

И он сделал обеими руками ряд величественных жестов, словно, отмеряя невидимую ткань, отбрасывал ее от себя влево.

Но вместо того чтобы обрадоваться словам дяди или хотя бы обратить на них внимание, капитан Кубелик схватил уже отступавшую было Клару за юбку и сказал:

— Ну, моя младшая сестричка, подойди, подойди поближе. О-о, как ты выросла за это время! Небось уже замуж собираешься?

— Как... ты поживаешь? — спросила Клара тоже не находя нужных слов и глядя на брата с какой-то робостью.

— Спасибо, что интересуешься, теперь уже иногда и на бок поворачиваюсь, — ответил капитан Кубелик.

— Ну-у, черт побери, рывкнул дядя Мартин, и невозможно было понять, что его обидело — легкомысленный тон раненого племянника или его невнимание.

Подполковник Кубеляев (по прозванию Скобелев), испытывая неловкость из-за чрезмерной суетливости отца, сказал шепотом:

— *Ну, ну, папа! Умоляю тебя, папа!*

— Черт возьми, полковник Скобелев, тут нечего просить, тут можно только... — кипятился дядя Мартин.

Капитан Максим Мартыныч язвительно хмыкнул и, в свою очередь, прошептал:

— Видишь, полковник, а? Просто смешно!

— *Перестань! Я тебя прошу!* — сказал подполковник Скобелев капитану Кубеляеву.

Слегка покраснев, Клара спросила радостно на чистом эстонском языке:

— Ты теперь скоро домой придешь?

— Скоро, скоро! — также ответил капитан Кубелик.

Молчание.

— А когда ты туда вернешься? — спросил Отто неожиданно басом и даже сам испугался, услышав столь низкий голос.

— Очевидно... и надеюсь, что уже... никогда, — ответил капитан Кубелик.

Капитан Максим Мартыныч, возмущенный дерзким притворством двоюродного брата, еще более разозлился и пробормотал:

— Надеешься? Ха-ха-ха!

— *Ну... брось ты, наконец!* — проговорил вдруг подполковник Скобелев вдруг тихо, но очень строго.

Мать постепенно успокоилась, вытерла слезы и тоже нашла в себе силы улыбнуться. Наклонившись к руке сына, она снова сжала ее своими теплыми, влажными руками. Во всей этой нежной, идиллической сценке было что-то невольно вызывающее улыбку, и это ощущали как сам раненый, так и доктор Кубелик, и полковник Скобелев, и капитан Кубе-

ляев. Капитану Кубелику показалось вдруг, будто он должен еще как-то подчеркнуть комизм сцены, в меру своих сил углубить его. Когда санитары и сиделки, выполняя распоряжение доктора Кубелика, появились со стульями, он усадил сестру рядом с собой и спросил с преувеличенным интересом:

— Ты еще ходишь в школу?

— Да, хожу, — ответила Клара.

— Отлично! — сказал капитан Кубелик. — Учись, учись, и как следует запоминай все премудрости, которым тебя в школе обучают. Сколько тебе лет уже — извини, я никогда не мог этого запомнить... Небось скоро двадцать?

Клара засмеялась, покраснела, опять засмеялась. Глядя в беспокойно мерцающие глаза брата, она ответила:

— Двадцать лет? Мне? А может быть еще... больше?

— Боже, на какую чепуху они тратят время, вместо того чтобы... ай-яй-яй! — взволнованно бормотал мызный арендатор Мартин, крутя своей широкой головой карточного короля.

— Тсс... опять начинаешь!.. — остановил его подполковник Скобелев.

Отец и мать волновались как дети — о да, сегодня им не надо многого, они довольны и малым! Старый коммерсант забыл всю свою недавнюю злость, он подмигивал жене, лукаво усмехался, почему-то пощипывал седые, щетинистые усы. Отто уже давно собирался о чем-то спросить брата, но все робел и не решался. Но дядя Мартин уже не в силах был сдерживаться — он вдруг в сердцах высморкался и рявкнул во все горло:

— Эй, ты, там, под одеялом... черт тебя подери! Ты что — ослеп, а? Болтаешь с этими малышами, как с ровней, и не видишь, кто пришел тебя навестить! Да, черт побери, и невнимателен же ты, парень, там... под одеялом, хо-хо-хо!

— Отец, прошу тебя! Родные всегда в первую очередь! — сказал подполковник Александр Мартыныч Скобелев на этот раз тоже на хорошем эстонском языке.

— Правильно, правильно — родные в первую очередь! — подтвердил капитан Максим Мартыныч Кубеляев, поддакивая старшему брату.

Доктор Кубелик, прислонившись к углу шкафа, крутил пальцами и не без злорадства думал, что, судя по всему, эта идиллия закончится шумной и крикливой ссорой. Он не переставал думать о печальной истории Айми-Ли и был совершенно уверен, что эти напомаженные герои успели вынести не один такой приговор — отвратительный, безжалостный смертный приговор, согласно которому живого человека привязывают к карательному столбу, как опасного зверя. И доктор Кубелик все с тем же злорадным любопытством подался вперед, чтобы лучше слышать, как вдруг капитан Кубелик, прикинувшись испуганным и переходя на русский язык, воскликнул:

— О-о, пардон, кого я вижу! Ваше высокоблагородие?! Я поражен, я не верю своим глазам! Это же невозможно! Нет, нет, прошу вас... разбудите меня — я наверное сплю!

Мызный арендатор Мартин прервал его, спросив:

— Гм-м? Разве ты до сих пор не замечал его, моего сына... полковника?

— Да, не сердись, я не замечал его! — воскликнул капитан Кубелик. — Потому что, подумай сам, как я мог! Разве это возможно? Ваше высокоблагородие — вы меня еще помните? Помните? Спасибо! — И сразу же, обращаясь к раненому артиллеристу, который, казалось, тоже радовался его радости, сказал:

— Капитан Смирнов, к одному из вас троих пришел гость! Полковник Скобелев, его высокоблагородие! Может быть — к вам самому, а?

— Ко мне? Не-ет! — протянул раненный в шею офицер, в недоумении поднимая брови.

— О-о? В самом деле не к вам? — воскликнул капитан Кубелик. — А все-таки! Приглядитесь повнимательнее, ведь было бы очень неудобно, если бы... Сами понимаете!

— Извините, господин полковник, — сказал капитан Смирнов подполковнику Скобелеву и весело засмеялся.

— Мой кузен шутит, он только шутит, — сказал подполковник Александр Мартыныч Скобелев, тоже улыбаясь.

Капитан Максим Мартыныч тоже растянул в улыбке губы.

Но капитан Кубелик, разыграв смущение, забавно почесал кончик носа и проговорил в изумлении:

— Значит — не к вам? Интересно, я почему-то подумал, что именно к вам. Странно, не правда ли? Да, как только я заметил нашего высокого гостя, я сразу решил, что он явился провести нашего милейшего капитана Смирнова. Эй, поручик Афанасьев, поручик Афанасьев, дружище, зажмурьтесь-ка, быстро повернитесь лицом сюда и снова откройте глаза — милостивая судьба приготовила для вас сюрприз! — воскликнул он, еще больше паясничая.

У дяди Мартина усы от обиды встали торчком.

— Хм! Что это за комедию ты вздумал разыгрывать, приятель? — спросил он недовольно.

Две пожилые женщины испуганно прислушивались — ни одна из них не понимала как следует по-русски.

Доктор Кубелик силился сохранять спокойствие, тогда как в горле у него непрерывно щекотало — ему хотелось буквально заржать.

Подполковник Кубеляев (по прозванию Скобелев) постепенно делался все серьезнее. Но внешне он оставался все таким же приветливым.

— Кузен Аугуст шутит, — сказал он отцу, — он только шутит.

Капитан Кубелик крикнул, обращаясь к доктору, стоящему через две кровати от него, при этом лицо у него было красное от волнения и он как-то смешно пыжился:

— Представь себе, мудрейший, я просто ума не приложу, не знаю, что и думать, чему верить. Не будете ли вы так добры и не ткнете ли меня и этого человека в полковничьем мундире пальцем... ну, скажем, в живот... чтобы я, наконец, понял — сплю я или бодрствую. Потому что никто из моих товарищей не признает полковника Скобелева своим родственником, а родственником этого несчастного ротмистра он не может быть, поскольку ротмистр поляк,

тогда как его высокоблагородие — русский помещик... кажется, откуда-то из-под Тамбова... Итак — ради кого полковник Скобелев явился в нашу палату? Впрочем, я бы хотел рассказать тебе о своей первой встрече с его высокоблагородием. Дело в том, что я встретил его высокоблагородие в одном прифронтовом городишке — я находился там проездом — и так как его высокоблагородие чем-то напомнил мне моего двоюродного брата, я кинулся к нему с распростертыми объятиями — мол, здравствуй и так далее. Ну — оказалось, что я ошибся. Его высокоблагородие был вынужден в недоумении пожать плечами, тем более, что я приветствовал его на незнакомом ему эстонском языке. — «Извините, я вас не понимаю», — сказал он, — «Мне очень неловко, но я ничего не могу поделать, я действительно вас не знаю!» — Вы еще помните этот короткий эпизод, ваше высокоблагородие? Помните? Нет? В самом деле? Жаль! Оч-чень жаль! — закончил он, в свою очередь переходя теперь на эстонский язык.

— Капитан Аугуст, вы настоящая оса! — сказал подполковник Кубеляев (по прозвищу Скобелев) также по-эстонски, опять засмеялся, стараясь выйти из некрасивого положения с помощью добродушной улыбки.

— Ого, черт побери, еще одна ошибка! — воскликнул капитан Кубелик. И снова махнув рукой доктору Кубелику, пояснил: — Видишь, мудрейший, я уже во второй раз попадаю впросак. Голова, голова, ничего не попишешь. Рана у меня на заднице, а голова отказывается работать. Скажи, пожалуйста, это анатомически объяснимо? Выходит, что его высокоблагородие все же мой двоюродный брат Александр Мартыныч, а не тот русский помещик откуда-то из-под Тамбова, как я предполагал! — И вдруг, повернувшись на бок и низко поклонившись, сказал: — Если так... большое тебе спасибо за любезное внимание! Большое спасибо, большое спасибо, ваше высокоблагородие!

Подполковник Кубеляев щелкнул каблуками, чрезвычайно вежливо поклонился и снова обнажил свои широкие белые зубы.

— Как поживаете, капитан? — спросил он все с той же приветливостью, словно ему и в голову не приходило обижаться на все насмешки двоюродного брата.

— Еще раз благодарю за память и любезное внимание, — повторил капитан Кубелик.

— Вот дьявол, какими, оказывается, похожими могут быть совершенно чужие люди! — воскликнул дядя Мартин, хотя по лицу его было видно, что он прекрасно понимает, в чем дело.

— Отчего же, это случается! — злорадно улыбаясь, кивнул Хенрик.

Капитан Максим Мартыныч, казалось, тоже сделался немного приветливее, он спросил:

— Как видно, вас ранило в очень неудачное место, дорогой кузен?

— Да, в то самое, на котором вы сейчас сидите! — кивнул капитан Кубелик. — В течение последних месяцев такое часто случается во время переброски наших победоносных войск.

Мало-помалу беседа вошла в более мирное русло, и капитан Кубелик начал с нетерпением ждать ухода гостей.

Глава восьмая

ОНА ПРИШЛА БЫ

Когда капитан Кубелик остался, наконец, один, он почувствовал себя бесконечно счастливым. Оба его выздоравливающих товарища давно уже уснули, раненный в грудь ротмистр беспокойно бредил на своей постели у окна. И изо всех углов, точно серая паутина, снова поползла свинцовая скука больничной палаты.

У капитана Кубелика было такое чувство, словно он долгое время непрерывно напрягался, и теперь это непрерывное напряжение вылилось в легкую грусть. Ему вдруг показалась смехотворной даже мысль о том, что женщина, по которой он в последние дни так тосковал, может вообще когда-нибудь еще прийти его проведать, тем более сегодня, после этого гнусного балагана. «Ее вчерашний приход — не был ли он вызван простым любопытством?» — с горечью спросил он себя. У него вдруг заныло сердце, и он невольно сказал себе с насмешкой: «Эх ты, мальчишка, опять выдумал какую-то ерунду!»

Чтобы избавиться от этой томительной тревоги ожидания, вопреки логике продолжавшей все возрастать, он попытался думать о каких-нибудь посторонних вещах, обо всем, что придет в голову. Он вспомнил бурные излияния матери, тщетные попытки отца сохранить самообладание, испуганные детские глаза сестры; вспомнил брата Отто, который все время порывался спросить его о чем-то важном, да так и не осмелился. Он думал об этих здоровяках офицерах, грубых искателях приключений, для которых война все еще оставалась прямой, гладкой дорогой к успеху и которые готовы были положить на чашу весов даже жизнь, лишь бы только подняться

повыше. Однако неприязнь к хвастливым двоюродным братьям все же не могла заглушить в нем какого-то смутного ощущения счастья. Что же, год назад он и сам был таким же честолюбивым искателем приключений, прямо идущим к цели? «О да, подполковник Скобелев! О да, капитан Максим Мартыныч Кубеляев! О да, капитан Кубелик!» — пробормотал он себе под нос, и ему вдруг захотелось вспомнить, когда именно в нем произошел перелом, заставивший его отвернуться от прежних идеалов. Он долго и тщательно перебирал в памяти широкое полотно минувших дней, со всех сторон разглядывая его, однако так и не обнаружил ничего существенного или объясняющего.

Затем капитана Кубелика опять стало клонить ко сну — мысли его разбрелись, и он задремал. И увидел себя блаженно дрыхнувшим — под каким-то большим деревом, на ветвях которого покачивались полуобгоревшие свечи с желтоватыми язычками пламени. Всплыло воспоминание о каком-то торжественном событии, и это воспоминание было густо приправлено давно забытыми запахами детства: запахом лакрицы, кардамона, расплавленного стеарина, елки. Он лежал, лежал, лежал, небрежно вытянув ноги на мягком мху; где-то неподалеку, — он это знал, — стояло расписанное цветами блюдо с шоколадным тортом; высоко над головой капитана Кубелика шумел летний лес, а еще выше, над лесом, распростерлось ясное летнее небо. Затем он увидел: все эти бесчисленные, вселяющие чувство удивительного благополучия стеариновые свечи были прикреплены к веткам раскидистой обомшелой старой сосны и не гасли даже от сильного, теплого ветра, веявшего над этим милым его сердцу пейзажем.

«Барышня Брок... барышня Брок... хоть бы она пришла, наконец...» — подумал он во сне и повернулся на живот.

И в ту же минуту, словно ощутив чье-то прикосновение, открыл глаза, поднял голову и увидел, что та, которую он так страстно ждал, уже вошла в комнату.

— Извините меня, пожалуйста, — виновато пробормотал он.

— О господи, капитан Кубелик, не обращайтесь на меня внимания. Отдыхайте, отдыхайте, пожалуйста! — сказала женщина, улыбаясь.

Капитан Кубелик объяснил, волнуясь:

— У меня перед самым вашим приходом были гости, и это меня немного утомило. Я уже боялся, что вы за это время успеете уйти, так и не заглянув ко мне.

На губах красивой молодой вдовы все еще играла легкая улыбка. Она отбросила вуаль, и темная тень от нее — легкая, почти воздушная — упала на ее желтовато-белый лоб. Сегодня в светлых глазах женщины не было того фамильярного безразличия, которое вчера невольно огорчило его — она казалась ему смелой, естественной и удивительно близкой. Капитан Кубелик подумал — значит, это молодое, гибкое тело принадлежит уже опытной, несомненно, любящей наслаждения женщине, а не девушке, которую он когда-то подстерегал и там, в тиши лугов, пытался соблазнить!

Женщина, переминаясь с ноги на ногу, пристально смотрела на раненого, казалось, она видела его насквозь, и затем спросила:

— Вы как будто хотели со мной поговорить. Это что-нибудь очень важное? — спросила она.

— Важное? — переспросил капитан Кубелик. — Не знаю, как вам сказать. — И вдруг решил идти напролом: — Видите ли, сударыня, вчера я спросил вас кое о чем... об одном письме. Вы сказали, что получили его. Не сердитесь и не обижайтесь, если я теперь спрошу вас еще кое о чем!

Женщина на миг опустила глаза и затем промолвила:

— Пожалуйста, спрашивайте.

Капитан Кубелик сказал с виду очень спокойно и очень ясно:

— В том письме, о котором идет речь, я просил вас об одном свидании... если вы помните. И меня интересует сейчас, что бы вы сделали. То есть — пришли бы вы... туда?

Молчание. Капитан Кубелик испытывал нечто подобное тому, что испытывал обычно весной, когда впервые бросался с мола в море. Его взгляд ловил

каждый оттенок выражения на лице женщины. Он сидел, потирая лоб и видел: тонкие ноздри тихонько вздрагивают; узкие острые зубы закусил нижнюю губу, левый уголок губ слегка опустился, но только на один миг; ямочки на щеках углубились, длинные ресницы вздрагивают, словно от легкого ветерка. И еще он видел: пушок на подбородке и на шее чуть заметно приподнялся, но окраска кожи продолжала оставаться желтовато-бледной — женщина словно собиралась покраснеть, однако все же не покраснела. И постепенно опуская взгляд все ниже, он увидел: длинные, гибкие пальцы сплетенных на коленях рук постепенно разомкнулись — правая рука поправила платье на груди, левая же скользнула в выемку между большими, крепкими грудями — словно опустилась в мягкое гнездышко. Женщина помолчала немного, не поднимая глаз, затем опять улыбнулась своей легкой улыбкой и, не пытаясь ни лгать, ни притворяться, сказала:

— Да, я пришла бы.

Капитану Кубелику захотелось крепко, крепко обнять гостью, привлечь ее к себе сюда, под одеяло, прижать к своему телу! Когда он закрыл глаза от волнения, заставившего сильно забиться его сердце, перед ним всплыл еще один отрывок из прошлого — воспоминание о том, как он минувшим летом склонился над подъемом теплой ноги женщины, ощущая плотный, горьковато-соленый запах пота, исходивший от этой теплой ноги. И он спросил, делая над собой усилие, чтобы внешне оставаться спокойным:

— Вы в самом деле... пришли бы?

— Да, я бы пришла, — повторила женщина и, как видно, хотела поднять глаза. Но вместо этого покраснела, беспокойно заерзала и добавила еще тише: — Вернее, я и пришла. Ведь я уже в прошлый раз сказала вам, что я пришла тогда... но вы не пришли. — Пауза. — Да, я ждала вас целый час и... ушла обратно в комнату.

Капитан Кубелик чуть не застонал — от желания, которое вдруг охватило его. Ему показалось, будто кто-то стучит по стене или по спинке кровати, но когда он прислушался, то понял, что это по-преж-

нему бешено колотится его сердце. Голос женщины доносился откуда-то издалека, проникал в него, о да, этот голос налетал на него волнами, как теплый летний ветер, проникая все глубже и глубже. И он сказал, наконец, снова глядя на белую, гладкую руку, которая продолжала покоиться в выемке на груди.

— Да, я не мог, война началась.

— Война... началась, — повторила бывшая барышня Брок и задумчиво кивнула.

Капитан Кубелик повернулся на бок, мысли его стали какими-то удивительно утонченными.

Бывшая барышня Брок сделала еще одну попытку поднять глаза, и когда ей это удалось, спросила:

— Значит, вы не смогли прийти?

— Да, я действительно не смог прийти... — ответил капитан Кубелик. Но сразу же устыдился этой небольшой вынужденной лжи и добавил: — Видите ли, я, быть может, и смог бы, но мне казалось тогда, что в сравнении с войной все слишком уж ничтожно и ненужно. Видите, я не хочу вам лгать. Но одному вы должны верить, барышня Брок, — я очень сожалею сейчас о своей тогдашней глупости! Да, я очень сожалею... в самом деле — очень!

Усмешка с уголков губ распространилась на все лицо женщины. Ее большие глаза влажно заблестели, она напоминала теперь капитану Кубелику Клору, эту невинную девушку, которая недавно смотрела на него такими же большими, влажными глазами. Женщина шевельнулась, чтобы немного изменить позу, и спросила с улыбкой:

— Барышня Брок?

— Да, для меня вы все та же барышня Брок, которую я прошлым летом на руках перенес через лужу и которой потом... послал свое письмо, — сказал капитан Кубелик.

— С тех пор многое очень сильно изменилось, — заметила женщина, повторяя вчерашние слова капитана Кубелика.

— Да! — кивнул раненый, все еще смущенно и добавил несколько элегичным тоном: — Я хотел бы вас еще кое о чем спросить. Можно?

— Отчего же нельзя! Спрашивайте, пожалуйста.

— Вы и теперь согласились бы принять мое при-

глашение? Конечно, если бы оно оказалось возможным...

Женщина помедлила с ответом, подняла руку, поправила шляпу. Вдруг она словно нечаянно опустила вуаль, которая соскользнула вниз крупными, волнистыми складками; пальцы, прижатые к выемке на груди, остались под вуалью. Глаза женщины поблескивали теперь словно откуда-то издали, словно сквозь голубоватую знойную дымку. И она сказала — опять очень задумчиво и очень определенно:

— Да... но я ведь уже говорила... с тех пор многое очень сильно изменилось. — Пауза. И еще увереннее добавила: — И все-таки — что бы там ни было — я бы пришла!

Пауза.

— Знаете, барышня Брок, вы и не представляете себе, как я счастлив сейчас, — произнес капитан Кубелик.

— Вы... в самом деле? — спросила женщина тоже после долгого молчания.

— Да! — сказал капитан Кубелик.

Женщина вдруг засмеялась — ее смех был тихий, точно радостное воркование. Она опять подняла вуаль и слегка наклонилась вперед. Капитан Кубелик подался ей навстречу, взял за руку и притянул к себе. Они долго смотрели друг другу в глаза — смело и настойчиво — и молчали, не замечая этого молчания. Артиллерийский капитан Смирнов пошевелился во сне, однако не проснулся. Несколько крупных дождевых капель, пробившихся сквозь туман, ударились об оконное стекло и растеклись длинными, извилистыми струями — разбухая книзу, они быстро достигали перекладин.

Наконец женщина снова выпрямилась и глубоко вздохнула, как будто ей не хватало воздуха. Но рука ее по-прежнему оставалась в горячих пальцах мужчины, и капитан Кубелик начал теперь потихоньку подтягивать эту руку к своему лицу. Он ждал сопротивления, но его не последовало — женщина наклонилась еще ниже, почти коснулась его лица. Хлоп, хлоп, хлоп... били по стеклу крупные капли дождя, туман за окном еще более сгустился. «Я поцелую

ее... я поцелую ее...» — думал капитан Кубелик в волнении, однако не поцеловал, только почувствовал, что устает. И вдруг его охватило непонятное желание — страстное желание, чтобы женщина ушла, чтобы ему не надо было больше ничего говорить, чтобы он мог лишь лежать с открытым ртом, небрежно раскинув руки и ноги, как это было недавно во сне... под большой развесистой сосной, на ветвях которой горело множество разноцветных стеариновых свечей.

— Вам, кажется, плохо? — в тот же миг спросила женщина, выводя его своим вопросом из оцепенения.

Капитан Кубелик глубоко вздохнул и ответил:

— Нет. — И не отводя взгляда от глаз гостыи, спросил: — А завтра вы придете меня навестить?

— Приду! Конечно, приду!.. — ответила бывшая барышня Брок и снова тихо засмеялась.

Артиллерийский капитан Смирнов проснулся и громко зевнул.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава первая

БРАТ ИСКУШАЕТ БРАТА

Когда доктор Кубелик сразу же после приема зашел проведать брата Юстуса, он застал там и Хенрика. И невольно удивился: сухопарый коммерсант не сидел сегодня, как обычно, в позе нахохлившейся птицы и не поглядывал на всех сердитыми глазами, а, оседлав стул сиделки, весело болтал о своем сыне Аугусте, которого собирался непременно навестить сегодня еще раз... конечно, если Ханс разрешит!

Юстус внимательно слушал, его седая борода торчала торчком. Сегодня он по большей части либо спал, либо просто лежал в полузабытьи и чувствовал себя сейчас немного отдохнувшим, хотя и был еще очень слаб, — ведь кризис миновал всего три дня назад. Доктор Кубелик не хотел предписывать брату слишком строгого режима — бедняга и так показал себя настоящим героем, даже его старое, перегруженное избытком крови сердце отважно выдержало все испытания.

Когда врач собрался уходить, коммерсант Юстус, растроганный до слез, протянул ему руку и сказал:

— Ну ладно, будем здоровы, старина. Жаль, что ты не позволил Мартину и его молодцам дольше побыть у меня, я бы с такой радостью послушал, наконец, рассказы настоящих воинов о настоящих сражениях и атаках!

— Больному, если он хочет скорее поправиться, полезнее всего быть одному, — сказал доктор Кубелик, рассеянно пожимая влажные, слегка отечные пальцы старшего брата. — Вообще ты чересчур беспокойная душа, — добавил он. — Не успел почувствовать себя лучше, как уже разболтался, точно в дни твоей кочевой жизни в придорожной корчме. Такое перенапряжение нередко кончается — чем? А тем,

братец, что какая-нибудь пружинка в тебе делает лишний завиток и... ты готов.

— Заливай, заливай, костоправ! — засмеялся коммерсант Юстус и погрозил брату пальцем.

Доктор Кубелик невольно улыбнулся и ответил ему в тон:

— Вот видишь, какой ты человек! Ну ладно, ладно! Одно во всяком случае ясно: выдержишь, теперь-то выдержишь! А это, разумеется, важнее всего, даже если ты и не намерен выполнять моих указаний. Попозже я еще раз зайду тебя проведать, а пока — не горюй, выпроводи Хенрика и попытайся опять заснуть. — И он тотчас же вышел своей обычной быстрой походкой, высоко держа голову и слегка сдвинув брови над зоркими серыми глазами.

После ухода врача Юстус и Хенрик некоторое время сидели молча, лишь усмехались, думая о чем-то или что-то припоминая — им обоим было хорошо и они не испытывали никакой потребности в разговоре. Госпожа Эмилия снова зашла в комнату, смахнула кое-где тряпкой пыль, двигаясь бесшумно, как тень; душу ее переполнял мучительный страх — а вдруг ее выдали? За окном постепенно смеркалось — было около пяти часов. Коммерсант Юстус сказал наконец, положив руку под щеку и от нечего делать подталкивая большим пальцем ноги толстое ватное одеяло:

— О-о, он у нас молодчина, славный малый, этот наш холостяк. И врач хороший, это уж как дважды два. Разве что упрям немного, понимаешь — упрям. Взять хотя бы наш сегодняшний разговор. Мало ли я за свою долгую жизнь слышал про воспаление легких? Бедный маленький Рихард — теперь он был бы уже старше Пауля — ведь он же от этой болезни умер... Силы небесные, как только вспомню об этом!..

— Послушай, Юстус... может быть, тебе действительно лучше не говорить так много, — заметил коммерсант Хенрик.

— Да ну тебя! Хоть бы ты не вторил ему, нашему Хитрому Антсу!* — сказал коммерсант Юстус и

* Персонаж из эстонских народных сказок. (Прим. ред.)

стал дожевывать свое грустное воспоминание. — Он много дней лежал без сознания, пока наконец не угас... мой дорогой сыночек... А я? Да я в сравнении с ним просто здоровяк! А спроси нашего Хитрого Антса, спроси! «Воспаление легких» — скажет. «Спасибо», — ответил я ему в тот раз... и... и... только засмеялся. К чему, ну к чему это! Обязательно он должен преувеличивать, только пугает бедную Эмми... и та воет по всем углам!

— Ты все-таки не слишком переутомляйся, — снова сказал Хенрик, и по его лицу было видно, что на сердце у него сейчас нечто более важное.

— Так и есть, — даже тебя сбил с толку этот шутник! — воскликнул коммерсант Юстус и опять радостно засмеялся.

— Осторожность... мать здоровья! — сказал Хенрик, ловко перефразируя слышанное когда-то в юности мудрое изречение.

— Похвальные слова, очень похвальные, только в данном случае совершенно неуместные! — сказал коммерсант Юстус.

— Не скажи, не скажи, — возразил Хенрик. И так как он ни на миг не забывал своего раненого сына — всего лишь год назад ему было стыдно за Аугуста, теперь же он был вознагражден за это сторицей, — то продолжал все таким же беспечным тоном:

— Наш Ханс, безусловно, немного чудака, не спорю. Но если ты к нему внимательно приглядишься, ты увидишь, что он каждое дело обдумывает со всех сторон и что поступает он всегда правильно. Возьми хотя бы историю с нашим Аугустом... Когда твой шурин, этот кучер господень, зашел вчера к нам и длинно и нудно, со всякими выкрутасами (ведь коротко он, дур-рак, говорить уже не умеет) начал рассказывать, что Аугуст давно уже здесь, в нашей городской больнице, — я сперва выругался в сердцах и решил, что старик Ханс и впрямь либо спятил, либо вздумал с какой-то стати над нами шутки шутить. А сейчас я так хорошо понимаю его, что готов прямо-таки... похвалить. Бедный Аугуст, мы своими посещениями до смерти утомили бы его! Теперь мне ясно, почему Ханс на прошлой неделе строго-настрого запретил приходить

в клинику этим нашим старухам-благотворительницам, этим распущенным балаболкам...

— Распущенным — кому? — воскликнул коммерсант Юстус и, снова рассмеявшись, хлопнул себя ладонью по колену.

— Этим распущенным балаболкам, нашим старухам-благотворительницам! — сказал брат Хенрик, словно гордясь придуманной кличкой. Но он тут же вспомнил, что не должен волновать больного брата и продолжал уже гораздо спокойнее: — Как тебе будет угодно — хочешь сердись, хочешь нет, но что правда, то правда. Люди раненые, слабые, нуждаются в отдыхе и покое, а тут к их постелям подходят какие-то полоумные тетki со своими дурацкими грошовыми пакетиками и... черт знает какими нелепыми вопросами. Глупые комедиантки! Каждый честный врач, у которого есть сердце, должен был бы сказать им то, что сказал наш Ханс. Потому что этот... этот дом все-таки больница, а не зверинец какой-нибудь, куда ходят время проводить! — закончил он, опять начиная раздражаться и поэтому, как всегда, заикаясь.

— Ну-у! — протянул коммерсант Юстус.

— Он прав, брат, лучше не спорь! — заявил Хенрик тоном, не терпящим возражений.

— Поразительно, он успел уже и тебя окрутить, ха-ха-ха! — воскликнул Юстус. — Выходит, он мастер по части обращения людей в свою веру, даже поискуснее самого папаши Кериха будет! Я, кажется, еще не рассказывал тебе — ведь и я под влиянием Ханса набросился на свою благоверную точно грубый дикарь, точно... точно какой-то деревенщина, а не образованный горожанин, каким я считал себя до сих пор.

— Знаю, знаю! И правильно сделал! Совершенно правильно... да! — убежденно сказал Хенрик, кивая в такт каждому слову.

— Ну-у! — опять протянул коммерсант Юстус.

Из столовой слышались крадущиеся шаги — видно, измученная, чувствующая себя точно на горячей сковородке госпожа Эмилия подслушивала и теперь на цыпочках удалялась от двери.

Стараясь овладеть собой, Хенрик поспешил от-

влечь внимание брата. Устремив взгляд на стену за спиной больного, он завел неторопливый разговор.

— Ну ладно, что мы его без конца то хвалим, то порицаем, этого нашего холостяка. Я ведь к тебе по делу пришел — хочу обсудить с тобой один вопрос. Мы, правда, могли бы и отложить разговор, но вопрос этот не дает мне покоя и... я постараюсь быть кратким. Ты не отвечай мне ничего, кроме «нет» и «да» — мне и этого будет достаточно! Дело в том... видишь ли... Одним словом, сегодня, после того как я ходил в больницу... навещать своего Аугуста... я подумал, что мне следует кое-что пересмотреть в своей жизни... Гм-да... Я, видишь ли, хотел бы опять стать твоим компаньоном.

— Опять... моим компаньоном? — изумленно переспросил коммерсант Юстус.

— Да... — ответил Хенрик, в волнении жуя губами.

Молчание. Хенрик ждал, по-прежнему уставившись в стену.

Лицо коммерсанта Юстуса расплылось в широкой, довольной улыбке. Он крепко-крепко сжал руку брата и сказал, словно ликуя в душе, отчего озорно заблестели даже его усталые стариковские глаза.

— Ч-черт побери, послушай, это же просто замечательно! Значит, снова в одну упряжку, снова в одну упряжку! Что ж, случалось нам с тобой иной раз и поругаться и всякое такое, но в душе я всегда считал, что... твой выход из нашего общего дела — просто глупость! Верно, брат, возвращайся и начнем снова дела делать. Как прежде! Заработки до конца войны, правда, будут скудноватые, это ясно — ведь склады у нас пусты, пустыми они на некоторое время и останутся — да только ничего, выдержим. Большую часть служащих уволим и сами встанем за прилавков! Молодец, молодец! Поверь, брат, мне нечего больше сказать, как только молодец и еще раз молодец! — И коммерсант Юстус опять и опять тряс руку старшего брата, словно хотел выпрямить или совсем вырвать его длинные, жесткие пальцы.

— Погоди, погоди... не торопись... Разве доход от торговли в последнее время так сократился? — спросил Хенрик осторожно и нахмурился.

— От честной торговли, милейший компаньон, от честной! — воскликнул Юстус и добавил, поморщившись: — от спекуляции, конечно, нет! Но... это, поверь мне, самое последнее дело! Да, это самое последнее дело, старина!

— Гм... — неопределенно промычал Хенрик.

— Да, спекуляция, самое последнее дело, — повторил коммерсант Юстус — это решительное определение, казалось, очень ему понравилось. — Каждый тебя осуждает. Каждый имеет право издеваться над тобой! Откуда ты узнал, что я опять собираюсь стать честным коммерсантом! Эмми, небось, сказала?

— Да, Эмми... — солгал Хенрик, нервно вытер пот и попытался быстро сориентироваться в новом положении.

Коммерсант Юстус кивнул, в глазах его была нежность.

— Ей-богу, она у меня чистое золото, чистое золото! — воскликнул он.

Хенрик промолчал, все еще не в силах опомниться от неожиданности. Что-то в этих речах ему не нравилось — по-видимому, это большое доверие ко всему и ко всем, которым проникся вдруг бедный старик. И Хенрик сказал, нервно крутя пальцами, хотя сам и не замечал этого:

— Боюсь, ты неправильно меня понял.

— Как это — неправильно?

Хенрик ответил, помедлив:

— Да, не совсем правильно. Я ведь вовсе не считаю, что мы будем как церковные крысы торчать в своих пустых амбарах и считать медяки... как когда-то делал я... идиот и болван! Чего я этим добился? Тысячи проплыли мимо меня и за единственный год я пустил на ветер большую часть своих сбережений. А у меня куча детей, и я не могу послать их в жизнь голодранцами. Так что, если ты не сердишься на меня больше за ту дурацкую выходку, — давай начнем опять работать сообща и с умом... с благословения твоего приятеля полковника Квадратова! — закончил он неуклюжей шуткой и, взмахнув большим клетчатым носовым платком, громко высморкался.

— Ой, это не пойдет, это не пойдет! — сказал коммерсант Юстус и энергично затряс головой. — Конiec — понимаешь? Этого Квадратова или... других ему подобных... я больше и в нужник к себе не пущу вонь разводить. Я даже во сне иногда слышу, как меня поносят: «Ишь, мародер... ишь, спекулянт... ишь, душегуб!» Хватит, старик, хватит, не хочу больше!

Хенрик растерянно улыбнулся — он пришел сюда с самыми благими намерениями и надеждами, и вдруг его словно околпачили. Но он тут же опять стал любезным и приветливым («Нельзя же раздражать больного человека, черт побери!») и сказал, кивая:

— Что ж... Возможно, ты и прав... в известном смысле. Но ты все же преувеличиваешь, дорогой мой! Скажу тебе откровенно: не ты один в наши дни держишься на поверхности благодаря этим снабженцам Квадратовым, так поступают... почти все!

— Ложь! Вовсе нет! — возразил коммерсант Юстус.

— Все, все, поверь мне! — убеждал его Хенрик. — Товары, пользующиеся сейчас самым большим спросом, исчезли с рынка, однако, так или иначе, их надо где-то раздобывать. Прибегаешь ты ради этого к помощи какого-нибудь казнокрада или нет — разве это меняет дело?

— Меняет, меняет, очень даже меняет! — заявил коммерсант Юстус.

— Не меняет, старина! — возразил Хенрик упрямо, хотя по-прежнему очень мягко. — Подумай сам. Нужны людям товары? Нужны! И чей долг их раздобывать, если не наш?

Коммерсант Юстус задумался.

— Ладно, пусть так, но я все-таки не хочу! — повторил он.

Хенрик некоторое время почмокивал сухими губами. У него затекли ноги. Он встал, раза два прошелся по комнате, и, наконец, пробормотал с досадой:

— Небось, захочется, когда поправишься! Знаем тебя!

Но коммерсант Юстус еще раз покачал головой и сказал:

— Знаешь ты меня или не знаешь — а я не хочу! И почему же, по-твоему, выздоровев, я скорее соглашусь на это свинство, чем сейчас?

Коммерсант Хенрик вдруг разволновался. Вскинув голову, он теперь уже громко, на всю комнату причмокнул губами. И вдруг высказал весьма оригинальную мысль, так что коммерсант Юстус даже невольно задумался. Хенрик сказал:

— Видишь ли, парень, люди, как известно, суеверны, а больше всех суеверны мы — дельцы. Потому что в нашей профессии очень многое зависит от слепого случая и, так сказать, от счастливой руки. Когда я отказался с тобой сотрудничать, я тоже находился в плену одного такого суеверия. Видишь ли... я боялся за Аугуста! Ведь он с первых же дней войны находился на фронте, а товары, которыми ты в то время спекулировал с помощью полковника Квадратова, — ведь это были... фронтовые товары. То есть товары, подлежащие отправке на фронт. Значит, и к нашему Аугусту. И мне казалось, что, участвуя в краже этих товаров, я как бы стану красть у собственного сына. И, кроме того, мне казалось, что если я тут, в тылу, начну заниматься подобными делами, всемогущий Иегова отомстит за это Аугусту. Ну разве не смешное, не глупое суеверие... хо-хо-хо? — закончил он опять на высокой, пронзительной ноте.

Коммерсант Юстус не спешил отвечать. У него было такое чувство, будто он понимает брата, будто он видит его сейчас насквозь. Легкий озноб пробежал по его плечам. Немного помедлив, он сказал, глядя от смущения куда-то в сторону:

— Ах... вот оно что! А теперь, стало быть, ты больше не боишься... за своего Аугуста?

— Нет, теперь я за него не боюсь, — подтвердил Хенрик. — Потому что мне не надо бояться. Парень благополучно покинул передовую и, по-видимому, больше туда не вернется. А за прилавком или в конторе хромота ему не мешает. И поэтому... я поспешил к тебе. Эта мысль, правда, мне уже не раз

приходила в голову и раньше, но я все как-то не решался заговорить...

Молчание.

— А теперь решился? — спросил коммерсант Юстус, косясь на брата.

— Разумеется... ведь я уже сказал! — воскликнул Хенрик.

Снова наступило молчание.

— И ты считаешь, что у меня тоже сейчас... этот самый суеверный страх? — спросил коммерсант Юстус.

— Безусловно! За свое здоровьице опасаясь, за свое здоровьице! — сказал Хенрик с легким пренебрежением.

— Так, так, — проговорил больной, и в ту минуту, когда старшему брату показалось, что Юстус, вняв голосу благоразумия, пойдет на уступки, тот снова энергично затряс головой и повторил с упрямой убежденностью, вроде бы вовсе ему не свойственной:

— Нет, я не хочу! Понимаешь, старик, не хочу!

Снова наступила пауза — самая длинная из всех.

— Это значит?... — пробормотал Хенрик комическим фальцетом.

И коммерсант Юстус повторил еще решительнее, еще резче подчеркивая каждое слово:

— Это значит, что я просто... не хочу больше. Хватит! Набезобразничал и довольно! Стану опять порядочным человеком... и не из суеверного страха, как ты считаешь, а по убеждению! Если хочешь быть моим компаньоном — пожалуйста! Я буду рад опять с тобой объединиться, ведь мы бок о бок лезли в гору... почти сорок лет подряд, если считать и те далекие годы, когда мы странствовали по селам и хуторам. Но честно... только честно, дорогой компаньон!

— Ч-чушь! — отрезал Хенрик, снова встал, поморщился и опять попробовал засмеяться.

Но это ему не очень-то удалось — слишком уж он был разочарован, слишком рассержен, слишком возбужден.

Глава вторая

АНТОН ПРОИЗНОСИТ ГРОМКИЕ СЛОВА

Выйдя от брата Юстуса, доктор Кубелик быстро зашагал к дому. Антону, который и сегодня поджидал дядю на окутанной густым туманом улице, лишь с трудом удалось его догнать. Услышав у себя за спиной шаги, доктор Кубелик, поглядев через плечо, остановился, чтобы дождаться парня, и когда тот подошел, дружески протянул ему руку.

— А-а, это опять ты! — произнес он.

— Я... я... — ответил Антон.

Доктор Кубелик немного задержал в своей руке вялые, безвольные пальцы юноши. Но так как парень ничего больше не сказал, он спросил, спустя некоторое время:

— Ты ведь вчера вечером должен был зайти ко мне... Почему не пришел?

— Я... я... не решился... — ответил Антон.

И доктор Кубелик, которому уже давно опротивели робость и косноязычие этого крепкого, здорового на вид парня, сразу же двинулся дальше, сказав хмуро:

— По-моему, ты никогда... ни на что не решаешься. Отчего, милейший? Такой парень, как ты, должен быть смелым и решительным, а не этаким вот мокрой курицей. О чем же мы вчера говорили... будь так добр и постарайся мне напомнить (он притворился забывчивым, чтобы расшевелить юношу).

Антон печально потянул носом.

— О том... о том... что я собирался уйти из дому и...

— ...и отправиться на войну? Верно! — сказал доктор Кубелик. Сняв перчатку, он помахал рукой — пальцы приятно обдало холодным ветром. — Кстати, позволь тебе посоветовать: говори ясно, кратко и

быстро. Не сердись, но я терпеть не могу, когда ты целые фразы, отдельные их части и даже слова пережевываешь по два-три раза. Ведь и манера говорить, дорогой мой, характеризует нас и создает о нас то или иное мнение. Ну, одним словом, ты понимаешь, что я хочу сказать. Ты ведь не обижаешься, что я так прямо и честно читаю тебе нравоучение?

— Не... не... обижаюсь... — пробормотал Антон.

Доктор Кубелик невольно засмеялся и воскликнул:

— Вот видишь — не... не... обижаюсь. Почему, скажи на милость «не... не... обижаюсь?» Ответь просто и резко «не обижаюсь» и все. И если ты когда-нибудь добьешься того, что перестанешь заикаться, тебе будут нипочем даже такие несчастья, над которыми ты сейчас так страшно ломаешь голову. Ну, ты же должен был мне напомнить, на чем мы в последний раз остановились?

— Я... я... ведь... уже напомнил. Остановились на том, что я хочу идти на войну, — ответил Антон, — он старался следовать наставлениям дяди, однако из этого ничего не получалось.

— Ах да, верно! — подтвердил доктор Кубелик и несколько раз кивнул. — Итак, ты решил идти на войну. Верно! После долгих, глубоких размышлений ты решил, что свою воображаемую вину перед прапорщиком Кяэриком, верой и отечеством ты сможешь наиболее полно искупить на войне. Ты явишься к соответствующим чиновникам и отрекомендуешься таким убежденным добровольцем. И поедешь на фронт. И, презирая смерть, ринешься под пули и прочие орудия смерти! И будешь потрясать винтовкой, размахивать пикой или саблей. И знаменем! И кричать — ур-р-ра-а! И бить врагов — протыкать их насквозь, расстреливать, рубить им головы и ломать позвоночники. Ты изнасилуешь всех женщин враждебного народа и — употребляя библейское выражение — убьешь всех младенцев мужеска пола... И за все это — то есть за все эти подвиги — заслужишь на грудь множество медалей и крестов, и либо погибнешь на поле брани, либо вернешься в конце концов домой, целый и невредимый, буквально раздувшийся от всяческих удовольст-

вий... и станешь рассказывать о своих геройствах детям и внукам... Так, не правда ли?

— Я думал... что... — начал Антон.

— Ты думал, что если ты действительно виновен, то от твоей вины и следа не останется... как в том, так и в другом случае... — сказал доктор Кубелик. — То есть: и в том случае, если ты погибнешь на поле брани, и в том, если вернешься домой с окровавленными руками, как насильник и грабитель? Да, понимаю, понимаю. А теперь, приятель, мне хотелось бы задать тебе еще один очень важный вопрос. А именно: почему, собственно, ты решил, что твое предполагаемое геройство вообще может послужить средством для искупления какой бы то ни было вины?

— Я... я... я не понимаю... — пролепетал Антон.

— Говори, пожалуйста, хоть немного смелее, не мямли! — прервал его доктор Кубелик. — Как это — не понимаешь? Ну ладно, я начну с другого конца. Ты оказался замешанным в драке, в этой драке твой соперник потерял глаз. Ты знаешь, что ударил его не ты, а твой двоюродный брат Кунц, а между тем считаешь себя в этой истории самым главным виновником, потому что у тебя-де в этой стычке был личный интерес. И теперь ты убежден, что должен искупить свою вину. Ис-ку-пить — заметь. Но мне по всем признакам совершенно ясно, что ты и понятия не имеешь, что, собственно, означает это слово — ведь в противном случае ты не придумал бы такого нелепого романтического плана. А знаешь, дружище, что я тебе скажу: тебе просто стыдно! И ты хочешь избавиться от этого стыда. И чтобы избавление оказалось наиболее полным, ты высокопарно именуешь его искуплением, хотя на самом деле это вовсе не искупление, а... нечто совсем другое.

— Как же так?... Я... — пролепетал Антон, однако опять не закончил фразы.

Дядя засмеялся и сказал:

— Заметь одну вещь, дружище, и запомни ее на веки вечные — ту или иную ошибку можно исправить не бегством от последствий этой ошибки, а... как раз наоборот. Ведь ты не вернешь прапорщику Кяэрику глаз, это тебе должно быть ясно. И меньше

всего пользы, в данном случае, именно от таких вот благородных планов, как тот, что ты придумал. Стало быть, и в этом смысле все ясно. Таким образом, напрашивается только один вывод: ты трус и дрожишь как заяц, которому снится собака. Не будь ты близким мне человеком, я не только не захотел бы с тобой... разговаривать, я не стал бы даже выслушивать твоих глупостей. Понимаешь меня, дружище?

Антон всхлипнул, но ничего не сказал.

— Перестань, черт тебя побери! — сказал вдруг доктор Кубелик грубо.

И Антон действительно тотчас же перестал всхлипывать и пробормотал:

— Ты... совсем сбил меня с толку... Я... я... просто не знаю, что теперь и делать...

— Ничего тебе не надо делать! — ответил доктор Кубелик. — Ничего, кроме того, что ты и так уже сделал. То есть — признать свое тогдашнее настроение и поведение ошибкой, которую не следует повторять. И — все! Ничего, только сознаться, что ты поступил как последний олух, как скотина, как неразумная тварь, у которой мозги, в сравнении с толщиной черепа, еще очень ничтожны. Ничего, только понять, что настоящий человек — это вовсе не тот, кто при малейшем огорчении, не владея собой и становясь посмешищем, начинает злобно рычать и рыть землю, — а тот, кто при любой неприятности философски пожимает плечами и продолжает идти своей дорогой. Так-то, брат. Человечество живет своей большой жизнью — старайся с открытым сердцем шагать с ним в ногу и никогда не теряй спокойствия! Это все, что я могу тебе посоветовать! Все!

— Да... но... я ведь не могу! Я должен чем-то смыть с себя вину! — в отчаянии воскликнул Антон.

— Смыть с себя вину? А-а, ты уже придумал доброму дитяти новое имя! Ишь ты, какая моральная прачка выискалась, ха-ха-ха! — засмеялся доктор Кубелик. И всей грудью вдохнув пахнувший солью морской туман, все еще густо заволакивавший улицы города, продолжал, снова став серьезным: — Во-первых, твое новое определение тоже весьма неточно. Но все равно — мысль твоя мне

достаточно ясна. Я приведу тебе теперь два конкретных примера, которые, надеюсь, помогут тебе лучше понять, в чем дело. Предположим, молодой врач, не желающий никому вреда, а напротив, стремящийся помочь, ошибается в методе лечения и тем самым вызывает обострение болезни или даже — что еще прискорбнее — смерть пациента. И как только это случается, он осознает свою ошибку. Скажи мне, братец, что, по-твоему, должен делать этот молодой врач?

Антон подумал и затем ответил медленно:

— Я... не знаю.

— Вот видишь, ты даже этого не знаешь! — сказал доктор Кубелик. — А я знаю! И знаю это уже давно! Но взглянем на этот случай сперва сквозь очки робкого и безвольного человечка, такого, как ты... Ты хоть и говоришь, что не знаешь, но я совершенно уверен, что ты все же знаешь. Конечно, по-своему, с вывертом! Ты просто не решаешься сейчас высказать свою мысль, потому что после моих пространных рассуждений и резкой критики ты стал еще трусливее, чем обычно. Ты считаешь, что врач, допустивший такую ошибку, должен плакать и рыдать, биться головой об стенку и вопить во всю мочь: «Я виноват, я виноват... я сейчас же искуплю свою вину!» — И что этот допустивший ошибку бедняга уже не вправе заниматься своей профессией! Что он должен отойти от дела и, из боязни совершить новую ошибку, отречься от своих добытых с большим трудом знаний, хотя он и понимает, что тот юнец, который заступит на его место, может тоже ошибиться и именно там, где сам он уже никогда не допустит ошибки! Да, так поступил бы ты и тебе подобные... трусы. Но человек, стоящий обеими ногами на земле, ни за что так не поступит. Мужчина, стоящий обеими ногами на земле, тоже будет сожалеть о случившемся, но возьмет себя в руки и пойдет дальше. То есть — будет продолжать работать. То есть — удвоит свое внимание, будет думать и искать, постарается извлечь пользу даже из этой скверной истории, сосредоточит весь свой ум и до предела отшлифует свое внимание и осмотрительность. То есть — искупит свою роковую ошибку...

делом... тысячей дел против одного! И что, по-твоему, правильнее: если этот сраженный неудачей врач примется выть от отчаяния, натянет солдатскую шинель и все-таки не в силах будет вернуть умершему жизнь, или если этот врач, стиснув зубы, внешне беспечный, будет стараться исправить свою ошибку тем, другим путем?

— Я... я... думаю, что... — пробормотал Антон, однако опять не договорил.

Внезапный порыв ветра развеял слова юноши в тумане, и доктор Кубелик воскликнул, напрягая голос, чтобы быть услышанным:

— Прекрасно, прекрасно, не надрывайся зря, я понимаю, что ты имеешь в виду! Да-а, я вижу это по выражению твоего лица. Итак, по первому примеру ты со мной согласен? Отлично! Со временем я приведу тебе еще целую кучу подобных примеров. Кстати, здравого смысла у тебя вполне достаточно, будь тверд и не позволяй всяким настроениям заглушать в тебе здравый смысл. Вместо того чтобы превратиться в дешевое пушечное мясо, постарайся лучше выдумать что-нибудь такое, что сделало бы подобные ужасы невозможными! Умереть мы все успеваем достаточно рано, поэтому нам следует думать о том, как жить, как защищать и беречь свою жизнь. И, наконец, еще один вопрос: как сейчас обстоят дела с твоими национальными убеждениями?

— Национальными убеждениями? — переспросил Антон и ему вдруг показалось, будто дядя спрашивал его уже о чем-то подобном вчера или... даже еще раньше.

— Да. В прошлом году ты имел с этим успех и даже большой успех в нашем тесном, но весьма избранном кругу, ты и маленькая Клара, — пояснил доктор Кубелик. И так как они к этому времени уже успели дойти до дому, он весело поклонился и жестом указал на дверь: — Милости прошу! — воскликнул он дружелюбно. — Заходи, продолжим нашу интересную беседу за стаканом горячего чая.

И они молча вошли в дом, окна которого казались сквозь туман какими-то тусклыми и сонными.

Глава третья

ДВОЕ МУЖЧИН СПОРЯТ

Антон, переминаясь с ноги на ногу, ждал, пока дядя повесит пальто на вешалку. Он все еще выглядел очень несчастным. В глубине души он надеялся, что наконец-то нашел правильное решение для своей дальнейшей жизни, и вдруг тот, к кому он явился за поддержкой, высмеял все его идеи и замыслы. Этот сегодняшний разговор со скептиком-дядей — разве он не нанес ему жестокий удар, от которого почва вновь заколебалась у него под ногами, разве он не перечеркнул жирным черным крестом все его романтические планы?! И стоя теперь в тепле и полумраке прихожей, Антон невольно подумал — итак, он опять вынужден остаться один на один со своими мучительными сомнениями, сомнениями, которые жестоко терзали его в течение всех последних дней.

Немного погодя они прошли в комнату. На улице уже стемнело, и дядя задернул на окнах плотные, темные занавески. Антон молча стоял на одном месте, воображая, что находится в огромном, пустом помещении, по которому ему придется бог весть как долго расхаживать, прежде чем наступит забвение. «Забвение?» — подумал он. — «Но, милый, это же бегство!» — тотчас же возразил ему другой внутренний голос. — «Забвение — ведь это бегство, это просто трусливое бегство! О да, конечно, оно же чистейшая трусость, это самое забвение!» — подумал он и почувствовал, что дрожит словно от сырости или ветра. Голова у него болела, и мало-помалу ему начало казаться, будто дядя своими доводами крепко стукнул его по затылку. И невольно поддавшись этим доводам, Антон начал повторять шепотом, ломая за спиной руки: «Не скули, братец! Не скули! Черт тебя подери — да не скули же!»

В эту минуту кабинет наполнился ослепительным светом, и Антону показалось, будто этот свет застал его врасплох. Доктор Кубелик бросил на парня испытующий взгляд, улыбнулся и сказал:

— Сядем, дружище. Комната у меня, как видишь, теплая и уютная, тут нас не настигнет ни туман, ни ветер. Только что я прочел тебе длинную и исчерпывающую лекцию о глупости твоего плана. Признайся-ка теперь чистосердечно: был от моих речей какой-нибудь толк?

— Я... не знаю, — простодушно ответил Антон.

— Раз не знаешь, стало быть — не было! Стало быть, и я уже принадлежу к числу тех горе-ораторов, кто не в силах образумить даже собственную жену... конечно, если она у него есть.

Антон вздохнул.

— Нет, не в том дело... но... — проговорил он еще более наивно.

Доктор Кубелик сел рядом с племянником на кушетку и спросил ласково:

— Ну, а в чем же, если не в этом?

— Видишь ли, мне очень трудно себе представить, что, совершив низость, я никогда не смогу за это расплатиться! — воскликнул Антон.

— «Искупить», «смыть», а теперь еще и «расплатиться» — тра-та-та, тра-та-та! — сказал доктор Кубелик. — Да, конечно, непосредственно искупить, смыть или расплатиться за совершенную ошибку ты наверняка не сможешь! — продолжал он, чуть помедлив. — Но косвенно — можешь. Косвенно — да! Ты можешь искупить, смыть, расплатиться за эту ошибку своей дальнейшей жизнью. Но отнюдь не смертью, даже если бы на твоих похоронах гремели орудийные залпы и реяли знамена! И я уверен, что именно это косвенное «искупление», косвенная «расплата» за твой нехороший поступок и явится подлинным искуплением и... расплатой, что ли!

— Да... но... — пробормотал Антон.

И вдруг доктор Кубелик почувствовал, что начинает уставать, он поморщился, махнул рукой и сказал:

— Черт побери, братец, оставим лучше! Мы с

тобой бегаем как белки в колесе, обсуждая этот вопрос об искуплении и расплате. Поговорим-ка лучше о чем-нибудь другом!

— О чем? .. — спросил Антон.

Доктор Кубелик пожал плечами.

— О чем? Ну хотя бы о таком любопытном факте, как нелогичность и непостоянство людей, — ответил он и сразу же продолжал: — Ты как-то говорил мне, что тебе противно смотреть на то, как большинство наших знакомых, которые до войны, презрев свою истинную национальность, стремились превратиться в немцев, теперь коверкают родной язык, дабы казаться русскими. Помнишь еще? Нет? Ну-ну, неужели и ты уже до того дошел, что способен без зазрения совести забывать вещи, помнить о которых невыгодно? Что ж, учтем, братец! Но все-таки: объясни мне, почему это ты считаешь своим святым долгом искупить свою вину, служа тому самому Белому царю, перед которым верноподданнически гнут спину Кубелики-Кубеляевы-Скобелевы, то есть те, кого ты некогда так поносил и клеймил позором? Ну, так чем же, братец, ты объяснишь столь неожиданную метаморфозу?

— Я? Считаю теперь... своим святым долгом? .. Я, право, не понимаю тебя! — воскликнул Антон. — Мне... мне кажется, как будто я уже... ничего не понимаю!

— В том-то и беда, что ты ничего уже не понимаешь, — сказал доктор Кубелик и пояснил свою мысль немного подробнее: — Впрочем, ты и раньше ничего не понимал! В прошлом году тебя раздражал тот пыл, с каким наши родственники и знакомые спешили отречься от своего эстонского происхождения и провозгласить себя немцами, нынче ты возмущаешься стремлением тех же кругов навязаться русским, а сам при этом видишь свою религиозную, что ли, миссию в бряцании оружием во славу царя и православной веры. Вот такие-то качества, появившиеся у тебя за последнее время, я и называю нелогичностью и непостоянством. Даже для тебя, разумного оппозиционера, полки батюшки-царя под командованием батюшки — великого князя то же самое, что для магометан Мекка. Ты совершил низость и

теперь спешишь к святым местам, чтобы таким образом искупить свою вину и заслужить прощение. А разве тебе, мой милый друг, не кажется, что, придерживаясь подобных взглядов, ты уподобляешься тем приспособленцам, которые утверждают, будто родились либо в торговом городе Бремене, либо в окруженной липовыми лесами тамбовской вотчине, либо в пропахших свиным салом комнатах всемирно известных чикагских мясников, либо даже в романтической разбойничьей резиденции хозяев чайных плантаций обширной Вест-Индии — в маленькой Голландии?

— Как же... так? — пробормотал Антон, и по его лицу было ясно видно, сколь велико его замешательство.

— А вот так! Все! — сказал доктор Кубелик, снова пожимая плечами.

— Я... я... лучше уйду... — промямлил Антон.

— Куда? — спросил доктор Кубелик, поморщившись.

— Ты ведь только и знаешь, что насмехаешься надо мной! — вдруг страстно воскликнул парень.

Доктор Кубелик молча курил; затем, медленно закинув ногу на ногу, он сказал уже гораздо тише:

— Ладно, прости, я больше не стану над тобой смеяться... с этой минуты будем серьезными, насколько это возможно. Похоже, что мысль о фронте ты вбил себе в голову точно дубиной и ни за что от нее не откажешься. Если бы кто-нибудь другой сообщил мне такую вещь, я бы просто-напросто высмеял его и любезно пожелал ему счастливого пути: «Поезжай куда хочешь, хоть в Румынию!» А тебя мне искренне жаль. Тебе следовало бы вспомнить про свою национальность, тогда ты со всей ясностью увидел бы, как наивны все твои планы! Скажи, мне, почему, почему нас, эстонцев, так тянет восторгаться зеленовато-серым мундиром царского солдата и теми славными сражениями, которые царь ведет сейчас против своих соперников... за морские проливы, за святой гроб господень, за... черт знает за что еще. Вот дьявол, прямо не знаешь — то ли плакать, то ли смеяться: даже могучие киты нашего

национального пробуждения — и те за ночь сделались вдруг верноподданными государя-императора и в первые дни войны приветствовали здешних наместников Белого царя! Наши радикальные головы не хотят и палец о палец ударить, чтобы спасти от винтовки нашу интеллигенцию и обученных рабочих. Наши адвокаты и редакторы газет, которые в свое время, воюя против феодальных порядков, готовы были положить на чашу весов как свою свободу, так и свой жалкий капитал, теперь с чувством священного трепета позволяют запихать в мундир прапорщика и себя, и своих близких! И ради чего, дружище? Ради того, чтобы покорно подохнуть за вопиющую бессмыслицу... по приказу защитников тех самых феодальных порядков, против которых они прежде столько раз восставали. Эх, эстонцы, эстонцы... *Quo vadites**, эстонцы!» — Пауза. И он тотчас добавил, уже гораздо тише: — Ведь и ты... в прошлом году проливал сладкие слезы умиления над Борнхёэ и Вильде, читая про жестокость баронов и их верных защитников — карательных отрядов, а в нынешнем году ищешь искупления... в высоких идеалах этого же деспотического самодержавия! Может быть, и ты скоро сделаешься Кубелевым или Скобелевым, как твои знаменитые двоюродные братья? Эх, эстонцы, эстонцы... *Quo vadites*, эстонцы, куда идете, эстонцы?!

— Ведь Россия... и наша родина! — патетически изрек Антон.

— Чушь! — сказал доктор Кубелик. — Россия — родина русских, наша родина — Эстония.

— Россия и... наша родина! — повторил Антон, словно даже рассердившись.

— Россия — родина русских, и они любят ее глубокой, искренней любовью. Наша родина — Эстония, почему же мы не любим ее такой же глубокой, искренней любовью? — промолвил доктор Кубелик с грустной улыбкой.

Молчание.

— Разве?.. — пробормотал Антон и опять не договорил.

* *Quo vadites* — куда идете (лат.).

Доктор Кубелик, осторожно держа в пальцах папиросу, смотрел на струйку дыма, поднимавшуюся от ее горящего конца. Он опять чувствовал себя очень усталым и грустным и с удовольствием лег бы спать или прошел бы в гостиную, чтобы побеседовать с госпожой Няэлик. Но он не мог выгнать бедного парня в темную, жуткую осеннюю ночь, из которой они только что пришли. И медленно пожав плечами, он вздохнул и продолжал:

— Знаю, знаю, братец: в школе тебя учат, что в Германии живут немцы, в Англии — англичане, в Норвегии — норвежцы, в Румынии — румыны, в Сербии — сербы. В России — русские и так далее. И в этой же школе тебя учат, что на территории России проживает много инородцев: украинцев, литовцев, эстонцев и так далее, и так далее. И еще тебя учат, что русские и все прочие населяющие Российскую империю народы очень любят Россию и русского царя... русский язык и веру... А о том, что кто-то любит Украину, Литву, Латвию и Эстонию или народы, населяющие эти земли, их язык и литературу — об этом тебе никто не говорит, никто тебя этому не учит, потому что такая любовь — это сепаратизм, а он под большим запретом... Кстати, ты, очевидно, знаешь, что и финны находятся под властью Белого царя, и что этот Белый царь именуется в своем большом и малом титуле также «великим князем финляндским». А между тем тамошние подданные этого «великого князя» скорее предпочтут бежать на чужбину, нежели позволят втянуть себя в «тронные дела» этого своего «великого князя» — то есть нежели согласятся участвовать в преумножении славы этого «великого князя» и его династии. Это факт. В равной степени фактом является и то, что за могущественных Романовых не желает проливать кровь даже подавляющее большинство русских.

— Ну... это уж... — пролепетал Антон.

— По-твоему, это измена родине? — спросил дядя.

— Если это правда, то... — пробормотал Антон.

— Да, это правда. Только ведь ты, дружище, знаешь о своей родине, ее народе, к которому ты сам принадлежишь, о его языке... даже еще меньше,

чем я, сухой, не имеющий корней можжевельник, — сказал доктор Кубелик. — Даже те крупницы знаний, которые ты начал подбирать на своем пути в прошлом году, попали под колесницу дальнейших событий и теперь погребены под песком. А известно ли тебе, что даже в наше нелегкое время находятся люди, которые отнюдь не намерены объединять эти две вещи, я имею в виду нашу крошечную нацию и интересы царского самодержавия? И известно ли тебе, что даже в наше нелегкое время находятся люди, которые стараются помочь эстонцам избежать фронта, устраивают их при содействии жадных до денег офицеров на тыловые должности, откуда они после войны смогут вернуться к своей обычной работе, вместо того чтобы гнить где-нибудь в качестве героев, которых и без того уже более чем достаточно в болотистых лесах Восточной Пруссии и на скалистых отрогах Карпат. И известно ли тебе, что даже в наше нелегкое время находятся люди, которые готовы пойти еще дальше, а именно — готовы не поставлять пушечное мясо на кровавый пир трехсотлетней династии Романовых не только отсюда, из наших приморских губерний, но откуда бы то ни было? Вот как! По-видимому, ты с радостью назвал бы меня лгуном, а тех людей, о которых я говорю, — мерзавцами и изменниками? — тихо спросил доктор Кубелик после минутной паузы и положил свою костлявую руку с длинными белыми пальцами на колени юноши.

— Я... я не верю этому! — сказал Антон.

— Не веришь? Понимаю, понимаю! — кивнул доктор Кубелик и добавил со вздохом: — Что ж, ничего не попишешь! Кстати — за достоверность всех доходящих до меня такого рода слухов я, конечно, головой не ручаюсь. Но, видишь ли, дружище, сам я определенно погрешил против шовинистически-монархической морали тебе подобных: как врач комиссии, я освободил от военной службы большое число здоровых и сильных мужчин, чтобы их не передавили, как комаров, дерущиеся между собой короли и императоры. И освобождал я не только людей нашего сословия, интеллигенции, говорящих со мной на одном языке, а... главным образом тех,

кого жизненный путь привел ко мне из деревень и фабричных казарм. Между прочим: с интеллигентами порой бывает довольно-таки трудно — нередко оказывается, что они успели продать себя за довольно высокую цену и имеют обязательства перед своим хозяином, а явившиеся из деревень и фабричных казарм не имеют ничего общего с теперешней императорской мясорубкой.

Антон сидел, склонив голову, и слушал. У него вдруг пропал какой бы то ни было интерес спорить с дядей. В его сознании всплыло какое-то далекое и прекрасное воспоминание, мучительно-сладостное воспоминание, мирно покоившееся доселе где-то в глубине души. Ему припомнились книги, которые он получал от Клары, слезы, которые он проливал над ними. И это столь далекое и прекрасное воспоминание всплыло в его сознании лишь на мгновение, чтобы сразу же опять провалиться в темноту, притаиться там, стыдливо сжаться в комок. Мало-помалу Антон успокоился, потом откашлялся и спросил:

— Все это, право же, очень странно. Ведь если мы по рождению эстонцы, это еще не значит, что мы не должны воевать... за свою родину.

— И эта родина — империя Белого царя?

— Вот именно! И я думаю, что...

— Империя-колосс, в пределах которой проживаем мы, эстонцы, и прочие инородцы?

— Да.

Пауза.

— Скажи мне, приятель, отбросив всю эту пышную романтику, — ты веришь, что существует эстонский народ?

— Верю. Конечно, верю.

— Народ без территории, народ, живущий на чужой земле, какой же это народ?

Антон подумал, подумал и вдруг рассердился. Он воинственно выпрямился и спросил:

— Позволь... позволь... С каких это пор ты вдруг так усердно заговорил о «нас, эстонцах» и... вообще «о народе»?

Доктор Кубелик покраснел, смешался, однако сразу овладел собой и ответил, смеясь:

— Ого, ты кажется загорелся? Молодец, молодец! Такие речи во всяком случае куда приятнее, чем твое постоянное нытье! Потому что чем больше крови ударит тебе в голову со спины и, извини, кое-откуда пониже, тем толковее будут твои решения. Итак, с каких это пор я стал так усердно говорить «о нас, эстонцах»? Верно, верно, я старый можжевельный немец, моим домашним языком и поныне остается немецкий; еще какой-нибудь год тому назад я ничего не имел против, когда меня принимали за немца; мои братья даже распространяли в печати наивные слухи о том, что якобы наши предки являются выходцами не то из Бремена, не то из Ганновера... Верно, верно, верно — все это верно! И все же я не хочу, чтобы и из тебя и других тебе подобных выросли когда-нибудь такие вот «можжевельники». Это было бы... несчастьем! И для тебя самого, и для нашего немногочисленного народа! Хотя наш род и без того покатился по наклонной плоскости, случись такое с тобой, это все же явилось бы большим несчастьем. Кроме того, я сделаю тебе еще одно признание: я очень сожалею, что моя собственная судьба и судьба моих братьев сложилась таким образом. Я уверен, будь у меня больше нахальства, я тоже уже давно начал бы разглаговльствовать об этом так называемом «эстонском вопросе», что помогло войти в историю нашего народа не одному можжевельному немцу. И знаешь что — мы, эстонцы, какие-то странные люди, у нас раздвоенная душа: с одной стороны, подчиняясь трезвому расчету, мы заигрываем с немцами и русскими, стремимся слиться с ними, превратиться в них, спокойно разговариваем на их языке даже у себя дома, с другой стороны, мы все же мечтаем оставаться самими собой, то есть — эстонцами. Но лично я слишком пассивен, и поэтому... останусь до конца на неверном пути... Пусть эта информация поможет тебе лучше меня понять.

— Разве и ты... проэстонски настроен? — спросил Антон, забыв на миг о своем большом горе.

— Проэстонски настроен? Нет, брат, я просто эстонец, — ответил доктор Кубелик. — Только, к сожалению, онемеченный эстонец. Лист, до-бро-

воль-но оторвавшийся от своего материнского дерева... Один из проклятых ренегатов, Ханс Кубелик. Да, такие апостаты, такие отступники могут, инстинктивно подчиняясь голосу крови... причинять один лишь вред. Я хочу сказать — вред нации, о благе которой они пекутся. И я сказал бы даже, что таким образом вред своему народу причинили и столь почитаемые в кругах истинных эстонцев деятели эпохи пробуждения... эти подобные мне онемеченные эстонцы. Пробуждение началось в стороне от них, помимо них, может быть, даже... раньше их. Они прилепились к нему, они лишь плелись у него в хвосте, лишь сдерживали порывы истинных деятелей пробуждения и создали себе таким образом выгодный ореол. Однако не будь их годом позже или годом раньше развилось бы куда более здоровое и дельное движение, с куда более здоровым и дельным руководством. А, может быть, они... эти онемечившиеся... даже задержали и извратили развитие нашего народа... во всяком случае в том, что касается красоты и чистоты нашего языка. Так. Надеюсь, ты понял теперь, что я вполне ясно сознаю, в каких пределах я вправе говорить о «нас, эстонцах», хотя это и не мешает мне при всякой возможности вмешиваться, в меру моих скромных сил, в судьбу своих соплеменников, чтобы водоворот войны не затянул хотя бы некоторых из них. И не думай, сынок, что я говорю тебе все это из какого-то тщеславия, ничего подобного. Постарайся меня понять и... развей дальше мою мысль...

Антон сказал, помедлив:

— Но ведь я несколько раз слышал, как ты спорил с теми, кто ненавидит можжевеловых немцев. Например, с адвокатом Сейлером и редактором газеты Тамманом. И ты не только спорил с ними, ты иной раз даже высмеивал их.

— Высмеивал, не отрицаю! — кивнул доктор Кубелик, слегка наклонился вперед и продолжал, смущенно улыбаясь: — Потому что, видишь ли, мне было... стыдно. Стыд-но! И за них, и за себя! И чтобы как-то скрыть это — и от них, и от себя — я чуть-чуть перебарщивал в другую сторону... Странно, не правда ли? Тебя все время предостере-

гаю от такого перебарщивания, а сам преспокойно признаюсь, что...

Доктор Кубелик замолчал и махнул рукой.

Антон снова ощутил слабое движение недавних воспоминаний. Ему казалось, будто он сидит напротив своего доброго знакомого, своего ровестника, которому можно доверять. И он пробормотал, раскачиваясь, по примеру дяди, взад-вперед!

— Мне ведь и в голову не приходило... Я всегда считал, что...

— ...что я один из самых ярых можжевеловых немцев, поклонник всего немецкого, что я отрекся от своей национальности? — спросил доктор Кубелик.

— Да, — подтвердил Антон.

Доктор Кубелик засмеялся, однако сразу же опять стал серьезным и сказал в раздумье:

— Ну что ж, это вполне естественно, на другое мнение я и не вправе рассчитывать.

Они опять посидели некоторое время молча, каждый думал свою думу, время от времени покачивая головой. Доктор Кубелик перебирал в памяти все произнесенные им только что слова, и у него даже голова закружилась. Искупление, антимилитаризм, можжевеловые немцы, верность царскому престолу, национальные убеждения — о да, он сумел перетолочь все эти проблемы. Он никак не мог объяснить себе той странной симпатии, которую уже давно испытывал к этому мягкому, неустойчивому парню — может быть, беседуя с Антоном, он вспоминал свою собственную бесцельно протекавшую молодость, которой, пожалуй, следовало бы влиться в сегодняшний день по совсем иному руслу. Посидев некоторое время с закрытыми глазами, доктор Кубелик, наконец, медленно поднялся, снова закурил и сказал:

— Из всего, что я тут говорил, прошу тебя запомнить одно, а именно: дела и начинания самодержца необъятной Российской империи — последнее, в чем ты можешь найти искупление. И еще не забудь, мой добрый друг: всем нам следует иметь в жизни свои топографические координаты или, проще говоря, каждый из нас должен говорить на языке, который он может назвать своим родным языком. Разве спо-

способен человек, не уважающий и не любящий по-настоящему собственную родину, свой народ и язык своего народа, — разве способен такой человек уважать и любить другие страны и другие народы? Нет, не способен! И в конце концов наступает время, когда такой человек без координат превращается как бы в мертвый листок, оторвавшийся от материнского дерева; но и по отношению к любому другому дереву он будет лишь индифферентным чужеродным телом, жалкой крупинкой навоза, лишенной необходимой силы даже для того, чтобы служить удобрением. И, наконец, запомни наиважнейшую из всех истин — народ без тебя обойдется, ты же без него, без своего народа — никогда!

Антон не ответил, его недавние мысли и впрямь казались ему теперь смехотворными и какими-то пошлыми, как все, чего глубоко стыдишься.

И в то же время он был уверен: свой замысел он продумал до конца и от него не отступится! Даже в том случае, если этот его замысел действительно — лишь плод большой глупости!

Глава четвертая

БОРЬБА СО СМЕРТЬЮ

После ухода Антона доктор Кубелик сразу же вышел — судьба больной женщины не давала ему покоя, судьба этой несчастной, чьи дни были сочтены. Он зашел к доктору Наберу, чтобы еще раз выслушать его мнение, но ему сказали, что тот уже час назад ушел куда-то по вызову. «За ним явился страшного вида солдат — глаза как у волка или у разбойника с большой дороги, я прямо даже испугалась», — рассказывала высокая, дородная госпожа Набер и, кокетничая, состроила испуганную мину.

И доктор Кубелик, уверенный, что за это время успело произойти что-то нехорошее, еще больше заторопился. Широким, пружинистым шагом, слегка наклонившись вперед, он быстро шел к дому больной. Ему казалось, будто он бежит сейчас наперегонки... с самой смертью, с неизбежностью, с *vis major*! Ветер дул опять с северо-востока, обжигал ему затылок ледяным холодом, что-то очень легкое и нежное прикасалось время от времени к его уху — пошел снег. Наконец доктор Кубелик дошел до места и почти вскочил в маленький, пахнувший теплом закуток, тесноту которого он воспринял сегодня как безжалостность судьбы.

Доктор Кубелик взбежал по скрипучей лестнице на второй этаж, тихонько постучался, подождал, постучался еще раз. Кто-то, осторожно ступая, вошел в переднюю; замок заскрежетал, мягкая волна света словно вытолкнула из овладевшей миром ночи широкоплечего детину, молча кивнувшего доктору Кубелику. Тот ничего не ответил, скинул шинель и торопливо одернул на себе мундир. И бросив фуражку на крюк, не зная от волнения, что делать с

руками, доктор Кубелик пробормотал, наконец, раздельно, словно уже наперед очень боялся ответа:

— Ну... как ее состояние?

— Вам, пожалуй, незачем больше беспокоиться! — ответил солдат.

— Доктор Набер... уже здесь? — спросил доктор Кубелик через мгновение, хотя, войдя в переднюю, сразу же заметил тяжелую шубу своего коллеги.

— Да, я ходил за ним, — сказал солдат. — Только вряд ли и он уже может что-нибудь... Или вы... оба...

— Нет... отчего же... Может быть... мы... все-таки... сумеем... — пробормотал доктор Кубелик, ведь он был обязан сказать что-нибудь утешительное.

Они прошли в жилую комнату. Маленькая Агнес, которая, сидя за столом, плакала горькими слезами, сразу подбежала к доктору Кубелику и схватила его все еще холодную от осеннего ветра руку своими маленькими, хрупкими пальчиками. Из прерываемого горькими рыданиями сбивчивого рассказа девочки можно было понять только одну фразу: мама опять очень больна, ей ужасно жаль маму, пусть дедушка вылечит маму, изгонит жар и боль из ее тела! Горбатый мальчик сидел на корточках в углу среди своих игрушек, перебирал их и тоже плакал. И только самая младшая из троих — светловолосая девочка с маленьким носиком кнопочкой сидела на своем низеньком стульчике из палочек как-то очень спокойно и тихо, лишь время от времени зевая — длинный день утомил ее.

— Да не плачь же ты, хозяйюшка милая, не плачь! — сказал доктор Кубелик и погладил Агнес по головке.

— Маме ведь сейчас... о-очень больно...

— Ничего — эта боль скоро пройдет!

— Пройдет! Конечно, это скоро пройдет! — сердито пробормотал солдат грубым голосом.

— Этот второй дядя доктор — такой строгий, он не разрешает мне подходить к маминой кровати... А ведь мне так хочется. Возьми, возьми меня с собой! Ты возьмешь, дедушка?

— Видишь ли, Агнес, маме сейчас плохо, ей нужна тишина, покой, а ты ей будешь мешать! — сказал доктор Кубелик. — А, кроме того, ты мешаешь ей тем, что все время плачешь. Она услышит тебя, и от твоих слез ей станет грустно, а если ей станет из-за тебя грустно, она не сможет так скоро поправиться. Так что — поиграй или займись чем-нибудь, только не плачь больше!

Девочка испугалась и в испуге поднесла ручонку ко рту, глаза у нее сделались еще больше и печальнее, она словно задумалась. Потом прошептала, вставая на цыпочки, чтобы дедушка лучше ее слышал:

— Разве от того, что я плачу, ей в самом деле... нехорошо?

— Да, ей это вредно, поверь мне, Агнес! — ответил доктор Кубелик немного строже.

Агнес еще с минуту смотрела на него серьезно-пресерьезно, затем на цыпочках вернулась к столу и села на прежнее место. Доктору Кубелику показалось, будто он должен остаться здесь, с этой маленькой разумной девочкой, а, может быть, даже сесть на пол посреди оловянных солдатиков, как этот горбатый мальчик, постоянно играющий в кровопролитные сражения. Солдат за спиной доктора Кубелика задвигался, проявляя нетерпение; и не в силах сдержать дрожь в руках, доктор Кубелик тихонько толкнул дверь и вошел в комнату больной — полумрак, царивший в комнате, тоже, казалось, тихонько дрожал.

Доктор Набер, сидевший возле кровати, поглядел через плечо и растерянно улыбнулся коллеге. Эта улыбка сказала доктору Кубелику больше, чем странное объяснение — он сразу понял, что надеяться здесь уже не на что, что все зависит лишь от слепого случая, что он и его коллега опять столкнулись с неведомой силой, высокомерно отрицающей как человеческий разум, так и человеческую самоотверженность. Да, в тесной комнатухе, в которой они сейчас находились, словно присутствовал кто-то гораздо более сильный, чем они — смерть, угасание, неотвратимый конец жизни, жуткое стремление вещества возвратиться в свое изначальное состояние! Элементы устали от сознательного существования,

постепенно ослабели и уже не могли достаточно цепко держаться друг за друга, чтобы творить белки, углеводы, жиры, секреты желез — чтобы строить ткани и органы; элементы стремились оторваться друг от друга, стремились обособиться. «Во имя всего святого, отпустите нас на покой... отпустите нас на покой!» — казалось, еле слышно зывали они. Целесообразно организованная разумная форма материи прилагала судорожные усилия, чтобы защитить себя от бурного мятежа изначального вещества. И осторожно пододвинув себе свободный стул, доктор Кубелик сел рядом с молчащим коллегой, тихонько тронул его за руку и спросил шепотом:

— Ну?

— Как вы и... полагали.

— Сердце?

Доктор Набер пожал плечами и устремил взгляд куда-то в пустоту. Лишь немного погодя он сказал, взяв своими пухлыми пальцами запястье лежащей без сознания женщины, чтобы еще раз проверить пульс:

— Несколько минут назад я сделал ей укол камфары. Однако я не надеюсь, что это хоть сколько-нибудь поможет — ведь первопричина всего совсем не там.

— Разрешите, пожалуйста, — сказал доктор Кубелик и, в свою очередь, стал слушать пульс больной. Рука Эвы была потная, и в первое мгновение доктору Кубелику показалось, что последняя крупница жизни уже давно покинула женщину: кровь билась еле слышно, временами как бы спотыкаясь. И тот жар, который он ощущал, держа потную руку женщины, казалось, шел откуда-то извне, не имел к ней никакого отношения, существовал как бы сам по себе, самостоятельно. Но уже через мгновение умные пальцы врача почувствовали, как ритм пульса опять приобрел четкость — угасающая жизнь тщетно пыталась вернуть себе прежний тонус, она бродила вокруг словно в смятении — приходила в отчаяние, уставала, делала новую попытку, чуть не обрывалась. Дыхание стоявшего в изножии кровати солдата заглушало все звуки, оно словно грозило

заглушить даже эту жизнь, ведущую свою последнюю борьбу, и это начало вдруг и пугать и раздражать. Положив руку больной обратно в складки одеяла, где она и осталась, ужасающе вялая и бессильная, доктор Кубелик сказал:

— Да, это так...

— Неужели она действительно... не выкарабкается? — спросил солдат и всхлипнул так громко, что врачи даже вздрогнули.

— Если случится чудо, тогда выкарабкается, наш опыт в данном случае... не многого стоит! — сказал доктор Набер.

Доктор Кубелик молчал, только тихонько раскачивался на стуле. Из-под опущенных век он наблюдал за произвольным движением губ своего коллеги и вдруг заметил, что это движение находится в явном соответствии с борьбой за жизнь грешной женщины. Внимание доктора Кубелика обострилось до предела, тусклый свет уже не мешал ему, он видел все словно на чертеже, обрамленном небрежными жирными линиями. Он видел разметавшиеся по подушке пряди темных волос; он видел восковой лоб, чернеющие глазные впадины, ввалившиеся щеки; он видел вытянутую шею, на которой мышцы и сухожилия страшно натянули кожу; он видел быстро-быстро хватающую воздух грудь, плоский живот, сводимый приступами боли; он видел колени, которые сгибались и вновь распрямлялись через почти равные промежутки времени; видел высунувшиеся из-под одеяла костлявые пальцы ног рабочей женщины. Он видел всю эту непрерывную борьбу со смертью; он видел отдельные ее детали; он видел как бы и эту слабую, тщетно извивающуюся нить жизни, которая все еще старалась выдержать, не оборваться, старалась вновь обрести упругость. Наконец доктор Кубелик почувствовал, что не может больше сидеть на месте, он поднялся, подошел к окну, прижался лбом к занавескам, — грубая ткань мгновенно сняла болезненную остроту мысли, вернула ему прежнее самообладание.

Когда он повернулся, чтобы снова подойти к кровати, солдат на цыпочках приблизился к нему и спросил:

— Неужели вы действительно... не можете ей как-нибудь помочь?

— Вы же видите — мы делаем все, что возможно! — сказал доктор Кубелик сердито, но тут же устыдился этого и добавил: — Сейчас все зависит от ее собственной выносливости. Надо ждать. Это кризис, и если она благополучно преодолет его, все будет в порядке.

— Так что... вы еще надеетесь? — спросил солдат и сразу заметно повеселел.

— Черт побери... а вы разве больше не надеетесь? — выдавил сквозь стиснутые зубы снова разозлившийся доктор Кубелик, сам не понимая, — почему он все еще пытается обмануть этого рослого мужчину.

В это мгновение доктор Набер прошептал:

— Пульс... как будто стал гораздо сильнее и равномернее!

— Боже... боже... боже! — пробормотал солдат, складывая руки — очевидно, для молитвы.

Однако прежде чем доктор Кубелик успел подойти к кровати, доктор Набер уже добавил:

— Нет... это было лишь короткое мгновение. Сердце опять... очень слабое и беспорядочное.

— Сделай-те укол! — сказал доктор Кубелик по слогам, все еще сквозь стиснутые зубы.

— Нельзя больше! — заметил доктор Набер.

— Укол! — повторил доктор Кубелик.

— Нельзя больше! Да и смысла нет! Если лошадь, тянущая воз, устала, ее не заставит встать на ноги кнут даже самого жестокого хозяина! — решительно заявил доктор Набер, но тут же сам понял неуместность подобного сравнения и, некрасиво оскалив зубы, поморщился.

Доктор Кубелик, медленно поглаживая свою лысую макушку, сказал громко, очень высоким, словно готовым вот-вот сорваться голосом:

— Да, вы правы, так суесться не имеет уже никакого смысла.

— А может быть... это... все-таки поможет ей... — пробормотал солдат, все время с жадным вниманием прислушивавшийся к беседе врачей.

— Нельзя, нельзя — поймите же, наконец! — ответил доктор Набер раздраженно и с шумом втянул одну ногу под стул.

Доктор Кубелик ушел в соседнюю комнату — он чувствовал, что не в силах здесь больше оставаться, что в нем сейчас нет и следа от старого, спокойного специалиста, чей долг поддерживать слабых, а не слабеть вместе с ними. Агнес по-прежнему сидела у стола, подперев подбородок кулачками, и смотрела на него своими большими вопрошающими глазами; младшая девочка уснула, маленький горбун все еще переставлял своих игрушечных солдатиков, выстраивая их то гордыми марширующими рядами, то укладывая в большую картонную коробку из-под конфет: в общую могилу, потому что все это были дяди Паули и все были им расстреляны и совершенно... мертвы. Ветер кружился вокруг дома — он был точно живое существо: время от времени он взлетал на крышу, метался там как безумный, царапал стены и прижимался к окнам, чтобы видеть, чем занимаются в доме люди. И Агнес спросила, едва шевеля губами, уголки которых кривились от героически сдерживаемых слез.

— Маме теперь лучше?

— Да, ей теперь гора-аздо лучше! — ответил доктор Кубелик как-то тихо и монотонно.

И девочка, наклонившись к нему очень близко, заговорила, словно извиняясь:

— Я ведь не знала, что своим плачем причиняю ей вред, иначе я бы и не пикнула! Да я бы лучше язык прикусила, но ни за что не пикнула бы. Только никто мне этого не говорил, я... не знала. Я хотела только быть возле маминой кровати и, если надо... помочь ей... потому что мама всегда говорит — ты, Агнес, уже большая девочка и можешь помогать мне по хозяйству... Этот второй дядя доктор выслал меня из комнаты, и я подумала, что он плохой человек... что он сделал это по злобе... что он не любит меня. И поэтому я еще громче заплакала. Если бы я могла догадаться, что он не позволяет мне там быть из-за мамы... я бы сразу села здесь и стала терпеливо ждать, пока я ей не понадобится. И я бы не шевельнулась, дедушка, поверь мне! Милый, милый

дедушка... а завтра мама будет... совсем здоровой?

— Да, завтра она должна уже быть совсем здоровой, — кивнул доктор Кубелик.

— Ой, как я буду рада! А когда она уже совсем встанет!.. — тихо протянула Агнес. — Я буду тогда так рада, что... Я ни за что не стану делать того, чего мама не разрешает! Не буду одна выходить и вообще!.. Я буду теперь всегда ее слушаться!..

— Конечно, так и надо! — сказал доктор Кубелик.

— А когда вернется папа, тогда... тогда будет совсем хорошо! — продолжала Агнес. — Смотри, дедушка, как маленький Антс сейчас спит. Перед самым твоим приходом он засмеялся во сне, и я подумала, что это, наверное, бог показывает ему волшебные картинки о том, как мама выздоравливает. Как ты думаешь, дедушка, маленькие дети видят сны, как и мы, большие?

— Видят, конечно, видят! — ответил доктор Кубелик.

— Он должен теперь спать с нами в одной комнате, — сказала Агнес. — Они принесли его сюда — второй дядя доктор и наш родной дядя. Антсу это, кажется, не понравилось, он похныкал немножко, но быстро опять уснул... Тетушка Тамм сказала, что война, наверное, скоро кончится, и тогда все солдаты опять вернутся домой... И наш папа тоже вернется домой. Как ты думаешь, дедушка, наш папа скоро вернется домой?

— Скоро, скоро! — ответил доктор Кубелик и спросил сразу же осторожно: — Видишь, Агнес, ты меня уже достаточно много спрашивала, можно теперь я задам тебе вопрос?

— Можно, почему же нельзя! — ответила девочка.

И доктор Кубелик продолжал:

— Мы с другим доктором считаем, что маме было бы лучше, если бы все вы — ты, твой брат и сестра, перебрались сегодня вечером ко мне. У меня удобные большие комнаты — там можно играть в разные игры. И у меня есть очень добрая тетя, она будет укладывать вас спать. Ну, как, переберемся ко мне?

— А вдруг маме моя помощь понадобится? — с сомнением спросила девочка, немного подумав.

— О, не понадобится! Ведь с ней дядя Пээтер останется! — сказал доктор Кубелик.

Но Агнес неодобрительно пожала плечами, надула губки и воскликнула: — Дядя Пээтер? Он же ничего не умеет делать! Ничегошеньки! Печку он, правда, быстрее меня растапливает, а скипятить чай или суп сварить, поджарить картошку — этого он совершенно не умеет. Да мужчины вообще, небось, не умеют как следует готовить. Папа не умел. А ты, дедушка, умеешь готовить?

— Нет, я тоже не умею, — ответил доктор Кубелик. — Но ведь мы можем нанять к твоей маме какую-нибудь помощницу, которая станет это делать за тебя. Поверь мне — маме было бы очень полезно, если бы вы на сегодня ко мне перебрались. Мама сможет тогда лежать, ни о чем не тревожась, и поправляться, а вас я уложу спать в такую мягкую постель, что вы не будете даже чувствовать, как с боку на бок поворачиваетесь. Так вы придете ко мне ночевать, Агнес, да?

Молчание.

— Разве маме это будет так уж очень полезно, если нас не будет здесь, возле нее? — спросила девочка, наконец, с грустью.

— Да! Поверь мне, это будет ей полезно! — кивнул доктор Кубелик.

И Агнес сказала медленно, положив крошечные худенькие ручки на скатерть:

— Хорошо. Если это ей в самом деле полезно, мы уйдем отсюда... все равно куда.

Больше она ничего не успела добавить, потому что входная дверь вдруг с грохотом распахнулась и кто-то, топая ногами, ворвался через темную переднюю прямо в комнаты.

Это был Пауль.

И доктор Кубелик тотчас вскочил, видя перед собой лишь красноватую мглу, в которой прыгали яркие точки.

Глава пятая

КОНЕЦ ОДНОЙ МНОГОСТРАДАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Пауль был явно пьян — лицо бледное, глаза остекленели, губы пересохли и потрескались, уголки рта опустились. От него разило водкой, селедкой и луком, и этот едкий запах начал сразу распространяться по маленькой комнате. Шинель была лишь накинута на плечи и чуть не волочилась по полу — о да, он знал себе цену, этот щеголеватый повеса в лакированных сапогах, с казацким чубом над ухом, новехонькой портупеей и с шашкой, которая благодаря кривым ножнам напоминала самую настоящую турецкую саблю. Присутствие в этой квартире дяди явно удивило Пауля; он поднял одну бровь, опустив в то же время другую, постоял так немного, словно целясь из невидимого ружья, и затем спросил недовольным, распекающим тоном, который, по его убеждению, должен был на всех нагонять страх:

— Ого, черт побери, что это еще за персидский базар, а? И чего ради ты в такой час сюда притащился, с-старый филин? Уже нельзя... понимаешь... и шага шагнуть, чтобы с тобой не с-столкнуться. Или прикажешь это так понимать, что... ха-ха-ха! Ну погоди... тут может и до драки дойти, понимаешь!

Молчание. Слышно было лишь, как ветер давит на окна и раскачивает на другой стороне улицы забор. Кто-то дышал в соседней комнате быстро и возбужденно — маленькая светловолосая девочка, — и тут же горбатый мальчик сказал тихо: «Чертов дядя Пауль опять притащился! Ох и задал бы я ему, собаке!»

Доктор Кубелик справился со своим внезапным припадком ярости и сказал медленно, как-то устало:

— Замолчи, перестань орать!

Пауль опять с молодецким видом поиграл бровями — та, которая была поднята, теперь опустилась, а та, которая была опущена, поднялась вверх. Он чувствовал себя оскорбленным и некоторое время словно копил гнев, затем длинными шагами прошелся раза два по комнате и громко скрипнул зубами, словно разгрызая стекло. Однако эти молодецкие ухватки совсем не шли к нему и вызывали у всех одно лишь омерзение — розовое мальчишеское лицо Пауля выглядело каким-то студенистым и дряблым, и все в нем словно обмякло, начиная от узких плеч и кончая покачивающейся на тонкой шее продолговатой головой.

— Убирайся, негодница, я сесть хочу! — пробормотал, наконец, Пауль, остановившись возле стола и ткнув Агнес кулаком в плечо.

Доктор Кубелик опять сказал очень тихо и очень медленно:

— Не ха́ми! Сними сейчас же фуражку!

— Что-о?! — спросил Пауль визгливо, хотя, несомненно, хотел, чтобы его голос прозвучал как можно более авторитетно.

Агнес встала и ушла в угол к брату.

Горбатый мальчик и светловолосая девочка подглядывали в дверь.

И доктор Кубелик повторил:

— Сейчас же сними фуражку! Быст-ро, ну!

Теперь Пауль стал вдруг очень активным и воинственным. Всю его вялость как рукой сняло. Сверкнув зубами, он со всего размаху стукнул кулаком по спинке стула. И прорычал, похожий на готового вцепиться разъяренного зверя:

— Ишь черт — фуражку снять? Ты... ты, старый мерин... здесь не прыгай... понимаешь! И не трясись своей оципанной гривой! Офицеришка с холодными погонами... хе-хе-хе! Ядосмеситель с чином, который не стоит и л-ломаного гроша! Сам молчи, дьявол... и снимай фуражку... и хоть ляжки себе оголяй! Понятно? Дур-рак! Ерунда... говорят тебе... понимаешь? И еще я хочу тебя спросить — чего ты тут торчишь? Знаем, знаем тебя, знаем! Известный бабник! Вот, оказывается, как ты бедняков лечишь!

Залезаешь в чужую квартиру, обещаешь горло вылечить, а сам... располагаешься в чужом гнезде! Как кукушка, как кукушка! — и он помахал перед носом доктора Кубелика длинным загорелым пальцем, словно читал нотацию человеку, моложе и глупее себя.

— Молчи! — сказал доктор Кубелик тихо — он едва мог говорить от сильного волнения.

— Ах молчать? Сам молчи! — крикнул Пауль.

В это мгновение доктор Кубелик окончательно потерял самообладание. Глаза ему опять заволокло бурным туманом, в котором плясали ярко-красные пятна, посреди этого тумана торчал племянник Пауль, как-то особняком, один-одинешенек. Доктор Кубелик, сам того не замечая, длинными шагами обошел вокруг стола, поднял руку и... ударил: он почувствовал лишь, как его рука с размаху шлепнулась обо что-то мягкое и липкое, как это что-то покачнулось, и как от этого быстрого и точного движения с души его самого словно спала мучительная тяжесть. На самом же деле это была лишь обыкновенная пощечина, и голова Пауля только качнулась разок к плечу и сразу же упрямо заняла прежнее положение.

Доктор Кубелик процедил сквозь зубы:

— Свинья несчастная, ты можешь, наконец, замолчать или нет?

Пауль вроде бы немного протрезвел, взгляд его прояснился, в мутных зрачках появилось выражение испуга. И после долгого молчания он пробормотал, трогая кончиками пальцев левую щеку, по которой пришелся удар:

— Что ты... что ты сделал, дядя?

— Сделал то, что давно следовало сделать! — бросил доктор Кубелик. И добавил еще решительнее: — Убирайся вон!

Но Пауль и не подумал убраться, нет, Пауль вместо этого заплакал. Он закрыл руками лицо, и по его розовым, как у ребенка, щекам покатились крупные слезы. Своими всхлипываниями он пробудил в докторе Кубелике какое-то очень неприятное воспоминание, не ставшее, однако, совсем отчетливым. От удара фуражка сдвинулась у Пауля на одно ухо и

сидела теперь на голове до смешного нелепо; казацкий чуб встал дыбом; обе брови красовались теперь на одинаковом уровне. И Агнес, которая с напряженным любопытством наблюдала за всем происходящим, сказала горбатому брату, который, насупившись, сердито смотрел на дядю Пауля, точно выжидал удобного момента для нападения:

— Ревет, олух!

— Хнычет, тряпка, старая! — сказал мальчик грубым голосом.

— Совсем дурак! Разве это мужчина! — возмущалась девочка.

— Тоже мне, мужчина!.. Фунт колбасы, а не мужчина! — кивнул маленький горбун.

Плач Пауля становился все громче, все омерзительнее. Слезливость пьяного человека все сильнее овладевала им — о, его оскорбили, его, офицера действующей армии, который, как он сам считал, никому не причинил ни малейшего зла! Наконец он успокоился, вытер пальцем слюнявые уголки губ и, глубоко вздохнув, посетовал:

— Ну да... это мне награда... за мою доброту... Да, это мне награда... за мою доброту... в моей собственной квартире. Другие все здесь хозяева и могут делать, что им заблагорассудится, а я захожу сюда лишь изредка и меня бьют... по лицу... как какого-то ничтожного рядового! На чей счет эти люди живут, разрешите вас спросить, господа? Кто платит за эти комнаты, позвольте вас спросить, господа? Кто купил, понимаешь, эту кровать, этот стол, стулья... занавески на окна... понимаешь... позвольте вас спросить, господа? У этой шлюхи раньше не было ровным счетом ничего, даже чистой рубашки у нее не было... понимаешь. Я купил! Я купил, я потратился. Я сжалился над ее ублюдками и... кормил этих кукушкиных птенцов, делился с ними своими крохами! Я думал, я выкручивался... и... и... трудился! А ты забираешься сюда, точно вор какой и... и... бьешь меня... бьешь самым подлым образом!.. Ладно, я могу уйти, если я здесь больше не нужен и меня не хотят видеть. Да, я могу уйти, но учти... учти... если... Я вот что скажу тебе: пусть шашки

или пистолеты решат, кто из нас прав... понимаешь...

— Убирайся вон! Будь любезен — убирайся вон! — сказал доктор Кубелик, однако у него все же не хватило духу встать и спустить парня с лестницы.

— Конечно... я уйду... — пробормотал Пауль. — Уйду! И... пусть... пусть они поищут, кто их кормить станет.

— Баба... старая! — крикнула Агнес.

— Тоже мне... ублюдок! — с презрением буркнул Пауль.

— Г-глаза мокрые, кошка в них намочила, дур-рак! — крикнул горбун.

— Кому? Мне? Тебе намочила, а не мне! И сам ты дур-рак, а не я! — пробурчал Пауль. И потом опять долго сидел без движения, подперев щеку рукой, закрыв глаза и становясь все более сонным. Рот у него все еще был приоткрыт, губы пересохли и потрескались, веки гноились. Наконец он начал что-то тихонько напевать, вставляя двусмысленные фразы, грозился куда-то пойти и, казалось, забыл обо всем, что произошло. Голова его склонялась все ниже и ниже и вдруг он глубоко уснул, уронив голову на край стола, вяло свесив руки, так что кончики пальцев доставали до полу.

Доктор Кубелик подошел к пьяному, чтобы разбудить его и выпроводить, но сразу же забыл об этом намерении и опустился на старый стул, стоящий в углу рядом с колыбелью младенца. Он все время знал, что ему не следует вмешиваться во что бы то ни было, что все и без того будет развиваться логично, своим чередом, что надо немедленно уйти отсюда, где-нибудь прилечь — умирающая умрет и без него, дети и без него выплачут свои слезы у тела матери, солдат проклянет, обругает и изобьет Пауля тоже без него. «Боже милосердный: а есть ли вообще на свете кто-нибудь, кто не справился бы со своими делами без меня, своим собственным умом и силами?» — спросил он себя вслух. Мысли в его голове начали как-то странно пульсировать и набухать, сбегались в большую копошащуюся кучу, спутались в клубок и... голове стало больно, больно. Откуда-то издалека начал приближаться непрерыв-

ный, громкий, звук, этот звук тянулся точно веревка, сквозь темную ночь, от этого звука дрожали стены и окна, этот звук снова пропал в небытие — проехал тяжелый военный грузовик, и мотор этого тяжелого военного грузовика словно взывал к кому-то, словно окликал кого-то, кто ему, однако, так и не ответил... И злорадный тихий шепот горбуна прорезал тишину, как острый нож:

— Дрыхнет, скотина! Как возьму сейчас вот эту дубину и как стукну его по макушке, как быка... на бойне!

— Оставь! Дедушка уже стукнул его... так что... — возразила девочка.

— А я дал бы ему... еще б-больше! — сказал мальчик.

— Нет, оставь! — повторила сестра.

Доктор Кубелик встал и хотел было пройти в комнату больной, но столкнулся в дверях с доктором Набером, который как раз выходил оттуда. Сразу же поняв, что дело плохо, доктор Кубелик спросил шепотом:

— Ну?

— Это теперь... позади, — медленно ответил доктор Набер.

— Позади?.. — переспросил доктор Кубелик.

— Да. Это теперь позади, — снова сказал доктор Набер. И добавил: — Общее заражение крови. Сердце было слабое. Ну что же теперь с детьми будет? — спросил он в раздумье.

Агнес, не поняв смысла подслушанного разговора, прошептала робко:

— Маме теперь лучше?

— Да... ей... уже намного лучше, — ответил доктор Набер.

— Ой, тогда хорошо, тогда очень хорошо! — воскликнула Агнес, страшно обрадовавшись. — Дедушка... большое тебе спасибо... что помог! Теперь нам не надо к тебе идти? Нет, дедушка?

— Вот как? Значит вы хотите их отсюда увести? — спросил доктор Набер.

— Да, разумеется, — пробормотал доктор Кубелик, делая над собой большое усилие.

Молчание.

Доктор Набер пошел на кухню мыть руки, а доктор Кубелик тихонько приоткрыл дверь. Из комнаты больной на него опять глянул мягкий сумрак — он точно мазнул его пахнувшей лекарствами ватой. Но этот сумрак казался сейчас каким-то пустым, каким-то жутко холодным и неподвижным, словно поднимающийся над водой густой туман. Свет от занавешенной лампы падал на лицо покойницы, и оно казалось каким-то узким и вытянувшимся: рот разомкнулся, белые зубы тускло блестели, один глаз приоткрылся, и казалось, будто покойница украдкой наблюдает за происходящим. Обнаженная рука свешивалась с кровати. И солдат, стоявший на коленях, уткнувшись лбом в одеяло, держал эту обнаженную руку в своих толстых, темных пальцах, словно в последний раз прощался с сестрой или просил у нее прощения.

Доктор Кубелик снова закрыл дверь и отошел на цыпочках. Дети ждали в углу. Агнес посмотрела на него вдруг очень внимательно и спросила:

— Она... спит?

— Да... спит! — кивнул доктор Кубелик. И добавил поспешно, так как непременно должен был сейчас что-нибудь делать или говорить:

— Ну, будь теперь опять за хозяйку, помоги сестре и брату одеться. И сама тоже соберись... Нам пора уходить.

— Разве так... сразу? — спросила Агнес.

— Сразу! Непременно сразу! — кивнул доктор, изо всех сил стараясь казаться беззаботным.

Девочка сказала медленно, словно в растерянности:

— А я думала, что теперь нам не надо отсюда уходить. Потому что... раз ей уже лучше, то... И... я хотела бы с ней еще немного поговорить...

Доктор Кубелик отвернулся и сказал:

— Нельзя, нельзя, доченька! Я же сказал, она сейчас... спит.

И Агнес в конце концов согласилась, хотя, казалось, продолжала в чем-то сомневаться:

— Ну ладно, если так... надо. Тогда мы завтра пораньше вернемся и поговорим с ней. Не очень уж долго мы будем без нее, всего одну ночь.

Рослый солдат молча прошел через комнату и с шумом захлопнул за собой кухонную дверь.

— Конечно! Ну, будь умницей! — сказал со своей стороны доктор Набер.

Девочка принялась сразу же распоряжаться, собирать одежду, счастливая в своем спасительном неведении. Она открыла шкаф, достала оттуда потрепанные зимние вещи — свои, сестры и брата — хлопотала, успокаивала хнычущих малышей. Младшая девочка боролась со сном. Не успела Агнес разбудить ее, как она тут же снова обмякла и крепко уснула. Наконец все были готовы — все, кроме новорожденного, который все еще лежал в своем ящике и ждал, пока его укутают в одеяльце.

Доктору Кубелику захотелось еще раз взглянуть на покойницу, на эту страдальцу, которую он не сумел спасти, хотя и старался от всей души. И еще ему хотелось, чтобы на свою многострадальную мать взглянула уже сегодня эта маленькая, отважная девочка, которая сейчас там, возле комода помогает своему горбатому брату надеть старую заячью шапку-ушанку. Он кивнул Агнес и тихонько позвал:

— Молодая хозяйюшка, поди-ка сюда!

Агнес подошла, глядя на дедушку своими большими, возбужденными глазами и спросила шепотом:

— Что такое?

— Если ты обещаешь мне не окликать маму, я покажу тебе, как она сейчас спит, — сказал доктор Кубелик.

— Обещаю, обещаю! — взволнованно ответила Агнес.

Доктор Кубелик взял девочку за маленькую теплую ручонку и приоткрыл дверь.

— Ты ее... видишь?

— Вижу! Господи, как она крепко спит! Это, наверное, потому, что болезнь ее утомила?

— Да, поэтому...

Доктор Кубелик думал было подвести девочку к самой постели, но сделать это ему не удалось — в тот самый момент, когда он протянул руку, чтобы открыть дверь, Пауль выпрямился, потянулся и громко зевнул. Он поглядел по сторонам, пригото-

вился было засмеяться, икнул и поднес руку ко рту. В своей сбившейся на бок и сползшей на затылок фуражке он выглядел очень комично. Доктор Набер, вернувшись из кухни, удивленно поглядел на него и спросил:

— А это кто такой?

Доктор Кубелик промолчал.

А Пауль, с трудом поднявшись, крикнул со злостью, так как начал что-то припоминать:

— Вот как... стало быть «кто это такой»? Как двину вам всем, тел-лята этакие! Не меня надо в этом доме спрашивать, кто я такой, а вас самих, понимаете? Да, господа, это я должен у вас спросить, кто вы, собственно, такие? Здесь теперь, как видно, настоящий дом свиданий — всякие скоты знай себе входят и выходят... только смотри и удивляйся... ха-ха-ха!

Доктор Набер, начавший догадываться, в чем дело, пожал плечами.

И Пауль, неуклюже покачиваясь, двинулся по комнате, чтобы с оскорбленным видом уйти, и снова выругался:

— Так-так, оч-чень хорошо, нечего сказать! Шлюха шлюхой и останется... хоть в голоде ее держи, хоть корми одним белым мякишем! Но вы не думайте, господа, что я на вас в обиде! Тьфу! Ничуть я на вас не в обиде, уважаемые господа, чер-рт бы вас побрал... ха-ха-ха!

И он нетвердым шагом направился к двери, шинель по-прежнему болталась у него на плечах, лакированные сапоги блестели и щегольски поскрипывали.

Доктор Кубелик все выше поднимал узкую голову. В нем словно пробудилась новая жизнь — новая, хрупкая жизнь, которая заставила его действовать. Он быстро догнал племянника, крепко схватил его за плечи и сказал:

— Стоп, никуда ты не пойдешь. Иди со мной, я покажу тебе... результат твоего прекрасного поведения! Ну... пошли!

— К-куда? — спросил Пауль с неожиданной смелостью.

— Пойдем! — повторил доктор Кубелик.

Доктор Набер повернулся к нему и сказал, удерживая:

— Перестаньте, коллега! Нехорошо это. Из-за детей.

И доктор Кубелик, сразу осознав неразумность своей затеи, опустил руку и пробормотал:

— Конечно... это плохо. Ладно, отправляйся!

— Старый дур-рак! — процедил Пауль сквозь зубы.

Но ему и теперь не удалось уйти, потому что дверь отворилась и в комнату вошел солдат. Глаза у него были красные и мокрые, однако он владел собой и казался спокойным. Он судорожно посмотрел на офицерский мундир юноши, на его манеру держаться, и для него не составило большого труда понять, в чем дело. Медленным шагом он подошел ближе и спросил сдавленным голосом:

— Это... тот самый?

— Да, это он! — кивнул доктор Кубелик, наклонился над служившим колыбелью ящиком комода и начал осторожно укутывать в одеяло спящего младенца.

— Так-так... — тихо пробормотал солдат.

Доктор Набер попрощался и скрылся в передней. Он предчувствовал, что здесь произойдет, и не хотел в это впутываться. Тихий шорох за окнами возвестил о том, что снова пошел дождь.

Серые глаза солдата скользнули по одетым в зимнее ребятишкам, и он, поняв, что они скоро уйдут отсюда вместе со старым врачом, подошел к Паулю, положил ему руку на плечо и сказал тихим, хрипловатым голосом:

— Оставайтесь, мне еще надо с вами поговорить.

— Какого... черта! Руки убери, ты... нижний чин... сволочь! — пробурчал Пауль. Однако тяжелый хмель снова сковал его волю. И он согласился, проворчав: — Ладно, останусь, только если сам захочу, понимаешь? Это, понимаешь, мое личное дело, останусь я тут или нет... понимаешь!

— Кстати, он приходится двоюродным братом мужу твоей сестры, — сказал доктор Кубелик просто, беря при этом младенца на руки.

— Вот как?.. А-а... — протянул солдат неопределенным тоном, в котором уже не было слышно прежней ненависти.

Пауль засмеялся, выпучил глаза и сказал:

— А это, стало быть, третий бык, который... И откуда, черт побери, такие порядки завелись — офицер и нижний чин... у одной и той же шлюхи... ха-ха-ха!

Доктор Кубелик подумал, что, пожалуй, следовало бы послать кого-нибудь за извозчиком. Но то, что неизбежно должно было здесь произойти, заставляло его спешить. Да, времени больше нет, надо уходить. И прежде чем они успели спуститься по лестнице, — он сам и четверо его подопечных, — как до его ушей донеслись глухие, удары, как будто где-то за несколькими стенами кто-то рубил дрова.

— Дедушка... послушай... что это такое, что это там?.. — робко спросила Агнес.

— Не знаю... Наверное... ветер, — ответил доктор Кубелик.

Глава шестая

СОН ПРО ЕЛКУ И ЗМЕЙ

Оставив озябших детей на попечении госпожи Няэ-лик, доктор Кубелик прошел в свой кабинет, погасил свет и лег на кушетку. Он был раздавлен, он был растоптан, он был совсем болен — пожилой человек с измотанными нервами, с измученным телом, с истерзанной душой! Упрямо стараясь не думать о том, что произошло, он долго лежал на диване, точно расслабленный, и лишь тихонько бормотал, глядя на дверь, в щели которой узкими полосками просачивался свет. Временами ему казалось, будто он висит на огромной высоте над жуткой черной бездной и может в любую минуту сорваться вниз. По лицу его пробежала легкая судорога, в конце концов застывшая в уголках губ, отчего на лице его появилось некое подобие улыбки, хотя сам он при этом громко всхлипывал, сотрясаясь всем телом.

И вдруг он крепко уснул. Но не так, как обычно, нет — он чувствовал, как засыпает: все вокруг словно остановилось, что-то теплое и мягкое навалилось на него, подхватило и понесло куда-то. «Скоро я буду спать... спать... спать... как спят все люди!» — устало подумал он. Затем весь мир сделался страшно темным и тяжелым: доктор Кубелик поднялся, вступил в этот тяжелый мрак, прошел сквозь него и вышел на улицу, почему-то ударяя себя руками по бедрам. Он был без пиджака и без шапки, он был даже без сапог — он все время слышал, как его ногти стучат по холодным булыжникам мостовой. Дул ветер, и небо было покрыто черными квадратами с причудливо обтрепанными краями, и из-за туч, напоминающих гигантские катящиеся игральные кости, мерцали звезды — светло-зеленые, низкие, точно горящие свечи. И при каждом шаге

он громко всхлипывал, все снова и снова спрашивая себя: «Куда, о куда, куда?»

Тут он очнулся, услышал, что все еще продолжает всхлипывать, опять уснул и теперь увидел себя стоящим на высоком и узком горном хребте. Этот горный хребет был зубчатый, и ступням доктора Кубелика было больно. Кругом ревела буря, она трепала его, била в затылок: он должен был соблюдать величайшую осторожность, чтобы не соскользнуть в пропасть. Он по-прежнему был в одной лишь тонкой рубашке, без мундира и фуражки — да, он знал это, однако что-то как будто прикрывало его лысую макушку — сказочная шляпа, которая была и которой в то же время не было, и что-то как будто ниспадало с его плеч — сказочный плащ, который был, но которого в то же время не было. И он от души хохотал над этой причудливой двойственностью, хохотал и хохотал, пока не вынужден был от этого безумного смеха присесть на корточки — все на тот же зубчатый горный хребет, на который завел его сон.

Он опять проснулся, затем опять задремал, и опять явились сновидения. Он уже не стоял, не сидел на корточках, не шел, он бежал, он мчался, запрокинув голову, — мчался и мчался! Где-то впереди мелькали черные человеческие фигуры, и он должен был вот-вот их догнать. Тут был брат Юстус со своей супругой; тут был Хенрик; и тут был Антон; и тут была Клара; и тут был сын Хенрика Аугуст со своей печальной сестрой; и тут была покойная солдатка Эва; и тут было трое маленьких сирот, которые по очереди несли на руках плачущего младенца; тут был рослый солдат, человек с мрачной душой, приехавший на побывку с далекого фронта. Все они, эти многострадальные, шли, согнувшись, и что-то несли... это была большая, обледенелая рождественская елка, длинные ветви которой волочились по земле как-то тихо и спокойно, словно старались побыстрее замести все следы на этом трудном пути.

— Помоги... на-ам! — крикнул кто-то из этих несчастных, оглядываясь.

И приближаясь к ним шаг за шагом, с великим трудом, доктор Кубелик ответил, задыхаясь от сильного волнения:

— Да-да, потерпите... я помогу вам! Конечно... я... помогу вам!

Тогда он увидел, что шедшие впереди остановились и, глядя на него печальными глазами, стали ждать. — «Да, очень прошу вас, друзья... подождите меня!» — крикнул он им, плача. И прошел вперед, подставив свое плечо там, где ствол был толще всего; так он разделил с ними их тяжкий труд. Огромное бремя легло на его плечи, и он сразу же двинулся вперед; мышцы его напрягались, ноги подкашивались. Он кричал как распятый на кресте: «Сжальтесь надо мной, о, сжальтесь надо мной!» — Но он понимал, что не должен уже отрываться от этих несчастных, что он должен оставаться с ними. И так он шел, шел, все шел... смертельно усталый старый человек, горбатый и изувеченный, одинокий в своем отчаянии.

В этот миг он снова проснулся, сел, протянул руку к письменному столу, чтобы взять графин с водой. Он стал пить прямо из горлышка, дрожа и обливаясь потом, затем снова лег на кушетку и уткнулся лицом в кожаную подушку. И сон сразу же стал продолжаться. Теперь доктор Кубелик увидел себя стоящим перед высокими, до самых облаков, серыми металлическими воротами. Они были как стена, как гладкая стена, в ней не было ни единой щели, ни единой вмятины. Но им ведь надо было идти дальше, ему и тем, другим, которые несли ель, — да, они должны были пройти сквозь эти возвышавшиеся до облаков металлические ворота. Господи боже, ведь все эти люди едва не падали от усталости, а огромное дерево на их плечах ничуть не становилось легче... И они стояли, стояли, громко вздыхая, и кто-то за спиной доктора Кубелика воскликнул: «Постучимся!» — «Да, постучимся!» — крикнули все хором. — «По-сту-чим-ся!» — сказал доктор Кубелик. И он поднял руку и ударил костяшками пальцев по толстой, серой стальной поверхности, но не раздалось ни малейшего звука... ни малейшего... ни малейшего!

— Сильнее! — крикнул кто-то.

— Силь-не-е! — крикнули все хором.

— Я постараюсь... простите меня... — пробормо-

тал доктор Кубелик и до тех пор колотил по двери, пока рука вдруг не начала таять — сперва пальцы, затем вся кисть.

— Силь-не-е! Силь-не-е! — опять завыл за его спиной невидимый хор, заглушая даже громкий вой ветра.

Наконец тяжелые ворота начали медленно открываться — туго, с тихим скрежетом, отбрасывая тяжелый, серый отблеск. Появилась узенькая щелка — она стала расширяться — доктор Кубелик почувствовал страх и подумал — итак, скоро они очутятся в огромном, пустом пространстве, где можно будет... отдохнуть. «Ворота откроются, и скоро мы попадем в огромное, пустое пространство...» — подумал он. — «Это конец... все позади... все наконец-то позади... и скоро мы попадем в огромное, пустое пространство...» — думал он. И тут же мелкими, семенящими шажками переступил через порог и огляделся — поглядел вокруг, налево и направо, вперед и даже вверх.

Но помещение, находившееся по ту сторону стальных ворот, оказалось вовсе не огромным, а, вопреки их ожиданиям, очень тесным и отнюдь не пустым — стены были заставлены полками с выдвижными ящиками, а на полу валялось много всякого хлама. А ель по-прежнему давила ему на плечи, и страх по-прежнему вбивался в его сердце, и сознание, что он все еще не может покинуть свое место, по-прежнему мучило его — да, он не может позволить этим несчастным погибнуть, он должен им помочь, он должен до конца идти с ними... до конца... до конца!.. Какой-то человек сидел посреди каморки, на нем была выпачканная в земле солдатская шинель, и у этого человека были очень густые брови, очень грязные руки, густая черная борода и грязные сапоги до самых колен; и у этого человека была трубка во рту, и этот человек сказал: «Ага, ты, стало быть, явился!» — «Да, я явился!» — ответил доктор Кубелик. — «Хорошо, это очень хорошо!» — произнес человек и выпустил доктору Кубелику в лицо большое облако едкого табачного дыма. Доктор Кубелик поспешил раболепно поклониться и спросил шепотом: — «Это ты, головорез?» — И мужчина,

сидевший посреди комнаты, громко расхохотался и ответил: «Нет, я не головорез, ты ошибаешься, приятель, я твой Господь Бог, кроме которого у тебя да не будет...» — «Что?» — спросил доктор Кубелик. — «Молчать! Придержи язык!» — сказал Господь Бог, выпрямился и вдруг начал расти, достиг потолка, свернул к углам, расползся по полу; свернулся в клубок, как гигантская змея, и все смотрел на доктора Кубелика — то снизу, с полу, то сверху — со старой печки, — бесформенная, злобная масса, грозящая все подмять под себя.

Но тут сон сделал как бы полный оборот, немного отступил и затем продолжался уже гораздо отчетливее. Помещение, в котором они теперь находились, было действительно огромное и очень просторное — это, казалось, было даже не помещение, а... а... часть бесконечности... ограниченная часть бесконечности. Повсюду, куда ни глянь, сквозь зеленовато-голубой сумрак виднелась серая вырубка, и земля была покрыта толстым, мягким мхом, доходившим ему почти до середины голени; и он опять увидел, что кто-то сидит у них прямо на дороге и таращится на них стеклянными, неподвижными глазами, злыми и холодными, как у змеи. У этого сидящего коренастого мужчины в грязном халате санитар был курносый нос, ниспадающие космами волосы, обут он был в рваные опорки, из которых торчали грязные, немытые пальцы ног, и лицо этого сидящего мужчины страшно напоминало лицо человека, работавшего в больничной мертвецкой — лицо деревенского русского парня Федьки, человека вечно сонного, пропахшего трупами. И доктор Кубелик, отвесив ему почтительный поклон, откашлялся и спросил: «Простите меня... это рай?» — «Да, — ответил грязный человек, — это рай». — «А ты, стало быть, Господь Бог, кроме которого да не будет...» — спросил доктор Кубелик. — «Да, я Господь Бог, кроме которого не должно быть...» — ответил грязный человек.

Но доктор Кубелик снова почтительно поклонился ему и сказал:

— Если ты действительно Господь Бог, тоними с наших плеч это огромное бремя, которое мы несем!

— Нет, я не сниму с ваших плеч это огромное бремя, — сказал Господь Бог.

— Почему? — спросил доктор Кубелик, продолжая говорить от имени своих спутников.

И Господь Бог засмеялся и сказал нараспев, как в опере:

— Я не хочу! Идите... да-аль-ше! Я не хочу-у!

— Ку-да... же... на-ам... ид-ти-и? — спросил доктор Кубелик также нараспев.

— Иди-те да-аль-ше! — прощebetал Господь Бог.

Доктор Кубелик собрался было пойти, но вдруг почувствовал, что покрывающий землю мягкий мох мешает ему идти. Да, этот покрывающий землю мягкий мох мешал идти и всем другим, всем тем, чье бремя доктор Кубелик поддерживал своим натруженным плечом. Он силился вытащить ноги, но что-то застряло между пальцами ног, и это что-то переплелось с корнями мха, точно нитка в клубке. И это что-то шевелилось, и это что-то извивалось, и это что-то льнуло к его коже, и это что-то была огромная масса пестрых гадюк, которых он, правда, не видел, но которых представлял себе все яснее и яснее. И вот эти гадюки начали ползти вверх по его ногам, они залезли под рубашку, поползли по его животу, обвились вокруг его застывшей от ужаса груди... плоскоголовые... с холодными глазами. И он застонал и крикнул Господу Богу, который снова сунул трубку в рот и теперь перелистывал русский иллюстрированный журнал «Нива»: — «Господи Боже, избавь нас от этих змей!» — «Нет!» — ответил Господь Бог. — «Почему... почему?» — спросил доктор Кубелик. — «Я не хочу-у, идите да-альше!» — пропел Господь Бог. И он пошел, сторбившись, как больное животное, понимая, что все те, кто следует за ним, зависят только от него. И он шел, шел и шел... по мягкому мху, а за пазухой у него кишели гадюки...

Доктор Кубелик громко застонал, заметался, опять открыл глаза и в испуге вскочил. Ему вдруг показалось, словно и здесь сейчас копошатся змеи — мерзкие, ядовитые твари с зигзагом на спине. Он пошевелил пальцами ног и вздрогнул от отвращения, потрогал грудь и вздрогнул от отвращения, провел

растопыренными пальцами по ногам и коленям и вздрогнул от отвращения. Прошло несколько минут, прежде чем способность рассуждать вернулась к нему; и чтобы окончательно успокоиться, он подошел к столу и, включив электричество, сразу же погрузился в яркие волны света, быстро рассеявшие весь этот кошмар.

Доктор Кубелик взглянул на часы — было около восьми. Ветер дул в окна, но дождя не было. Дом, казалось, лениво присел, повернувшись гребнем крыши против ветра, и теперь нежился в своей тяжелой неподвижности. Когда доктор Кубелик закрыл глаза, он опять увидел гротесковый портрет Господа Бога, портрет, который продолжал напоминать ему сторожа мертвецкой Федьку.

Вдруг ему захотелось еще раз припомнить увиденный сон — со всеми подробностями, во всех его фазах. И в то же время он инстинктивно чувствовал, что не должен этого делать, да, да, он должен стараться не думать об этом сне! Образы бежали, прыгали, скользили как тени, быстро возникали, быстро меркли. Часы возле шкафа с медицинскими инструментами спокойно и равнодушно тикали, и доктор Кубелик вдруг поймал себя на желании взять и швырнуть чем-нибудь в их медлительные стрелки, в самую середину, в стержень, на который обе они надеты.

Докурив папиросу, доктор Кубелик с усилием встал и широкими шагами прошел к двери. Резким движением распахнув ее, он со странной болью вспомнил серые стальные ворота из своего сна и прошел дальше. Госпожа Няэлик, что-то достававшая из высокого буфета, поглядела на него через плечо, улыбнулась и слезла со стула. И продолжая улыбаться все той же ласковой, успокаивающей улыбкой, спросила мягким грудным голосом — словно, протянув невидимую руку, погладила доктора Кубелика по щеке:

— Спали?

— Да, спал, — ответил доктор Кубелик и, подойдя к печке, прислонился к ее теплой стенке. — Больше часа спал. Думал, что просто так полежу... немного... а глаза закрылись и... уснул.

— Вы этот часок более чем заслужили, — сказала женщина. — И ваши подопечные тоже находятся сейчас... вдали от нашего недоброго мира. Обычно вы спите без сновидений — как вы сами постоянно утверждаете — но сегодня вы видели какой-то сон.

Доктор Кубелик покраснел. Но сразу же поняв, что это ребячество, рассердился на себя и тоже попытался улыбнуться. И спросил:

— Откуда вы знаете, что я видел сон?

— Я слышала, — ответила женщина. И тут же пояснила: — Вы стонали. Метались и стонали. Наверное что-нибудь очень нехорошее... мучило вас?

— Нехорошее? Нет! — сказал доктор Кубелик все так же медленно. Он закрыл глаза. И едва лишь светлая комната погрузилась перед ним в красноватый мрак, добавил с горькой усмешкой, сам не зная, зачем он это делает: — Да, в моем сне не было ничего... нехорошего. Светило солнце, цвели цветы, пели птицы, теплый ветерок веял над зеленой лужайкой, люди играли на этой лужайке в прекрасные игры. Они не ходили, они летали. И Господь Бог сидел под развесистым дубом на золотом троне и раздавал всем... угадайте что? Сладкие пряники! А в его бороде и складках одежды гнездились шмели и... голуби. Видите — разве это дурной сон, милейшая госпожа Няэлик?..

— Тогда вы были прямо-таки в... раю! — улыбнулась женщина.

— Да, именно там я и был... в раю! — подтвердил доктор Кубелик.

С этими словами он открыл глаза и тоже попытался улыбнуться. Однако скулы его словно свело, и он опять почувствовал, как непонятный страх сковывает все его тело.

Глава седьмая

ОКТАБРЬСКИЙ ВЕТЕР ПРОДОЛЖАЕТ ДУТЬ

Часов в десять вечера доктор Кубелик надел шинель и вышел — он никак не находил себе покоя, он почувствовал, что должен что-то делать или хотя бы двигаться. Выйдя на улицу, он обнаружил, что туман успел за это время поредеть. Ветер утих, высокое, ясное небо было усеяно мерцающими звездами — они, казалось, постепенно опускались все ниже и ниже и напоминали звезды из его сна. В водосточных канавах журчала вода, от домов, выстроившихся вдоль тротуара, исходило тепло. Когда доктор Кубелик вытянул руку и рассеянно провел пальцами по дощатому забору, он вдруг представил себе холодеющий труп с широко открытыми глазами. Воздух, которым он дышал, был свежий и очень чистый и напомнил ему горный хребет из его сна, острый горный хребет, по которому он шел с таким трудом, преодолевая боль в ногах и ощущая пальцами ледяную глыбу.

Сам не сознавая, куда он идет и почему так торопится, доктор Кубелик быстро шагал по улицам и, наконец, заметил, что вышел к дому, в котором, вытянувшись на своей постели, лежала несчастная умершая женщина со сложенными на груди руками. Он заглянул в ворота, долго смотрел, не отрываясь, на освещенные окна, затем открыл дверь и вошел в коридор. Ощупью поднявшись на второй этаж, он остановился впотьмах и осторожно постучал в дверь, словно боялся кого-то разбудить.

Ему никто не ответил. Он постучал еще раз... еще раз... сильнее... еще сильнее. Ему казалось, что глухие удары костяшек его пальцев слышны во всем большом доме, от чердака до подвала. Однако никто ему не открывал, и вдруг, разозлившись, он изо всех

сил ударил в дверь ногой. И в ту же минуту послышался пронзительный скрежет ключа, кто-то открыл дверь и спросил сердито:

— Ну... кто тут ломится?

— Впустите... это я... — пробормотал доктор Кубелик.

— Ты? Кто — ты? — спросил тот же сердитый голос, словно рубя топором.

— Я... да я же! — повторил доктор Кубелик.

Молчание. Солдат за дверью, казалось, раздумывал. Из-за света, падавшего на него сзади, лицо солдата оставалось в тени, и в этой угольно-черной тени сверкали лишь два злых глаза, беспощадных, как у хищного зверя... как у хищного зверя, — подумал доктор Кубелик. И так как в этот миг в нем вспыхнула первая искра жуткого подозрения, он изо всех сил надавил коленом в живот загораживающего дверь человека, обеими руками оттолкнул его от порога и закричал:

— Послушай... где Пауль? Где Пауль?

— Пауль? — прорычал солдат и в ту же секунду отошел от двери.

Широкая струя света ударила доктору Кубелику в лицо, он недовольно прищурился и сразу умолк: да, это так, в этом можно больше не сомневаться. Вот он валяется, этот щеголеватый, легкомысленный парень — с окровавленным виском, согнувшись над своими коленями. Казалось, он молится или плачет от отчаяния — его лоб касался пола, пахнущие помадой темные волосы одной большой прядью свисали с головы. Доктору Кубелику была видна лишь смуглая щека, однако он невольно подумал, что, очевидно, и у этого открыты глаза... широко... широко открыты... В маленькой квадратной комнате, над разбросанными по полу игрушками и лежащим в пыли трупом висела страшная, почти физически ощутимая тишина... гробовая тишина... тишина вечного покоя, который никто уже не осмелится нарушить.

Осторожно опустившись на колени возле племянника, доктор Кубелик попробовал приподнять его голову, но сразу же оставил эту попытку и медленно встал. Солдат пристально смотрел на него испод-

лобья и словно ждал чего-то — о да, он был готов бороться, он, мститель, жестоко и бесстрашно приведший в исполнение свою угрозу! Доктор Кубелик как-то боязливо дотронулся до его руки и сипло, еле слышно прошептал:

— Как это... случилось?

— Как? Очень просто! Я ударил его... штыком! — ответил солдат, и снова в его голосе слышалось злобное рычание, невольно призывавшее к осторожности.

— В голо-ву? — спросил доктор Кубелик.

— Штыком — в голову? Чепуха! Я уж знаю, куда надо колоть, этой работе меня... учили! Там... возле виска... это от падения... — пробормотал солдат.

Молчание. Доктор Кубелик не переставая тер кончики пальцев, стараясь с них что-то стереть. Наконец он прошептал дрожащими губами, прижавшись к дверному косяку, так как боялся, что вот-вот упадет:

— Да, конечно, уж ты-то знаешь, куда следует... штыком колоть... этой работе тебя действительно... учили.

Лицо солдата искривилось в злобной усмешке, которая казалась скорее гримасой, нежели усмешкой. Его крупные, широкие зубы грозно сверкнули и сразу же исчезли, словно он хотел их спрятать. И медленно подойдя к двери, он загородил ее своим богатырским телом и спросил:

— Ты, конечно, собираешься из-за этой твари... передать меня в руки полиции? Не правда ли?

— Доктор Кубелик, стараясь подавить охватившую его дрожь, ответил медленно:

— Нет, зачем же!

— Не собираешься? — переспросил солдат.

— Не собираюсь, — повторил доктор Кубелик.

И солдат, сразу же отойдя от двери, повелительным жестом указал на нее и проговорил:

— Хорошо. Я верю тебе. А теперь — убирайся отсюда, ты, благодетель, Христос нашего времени!

Доктор Кубелик на цыпочках пересек комнату, поднял воротник шинели. Уже выходя, он все-таки спросил:

— А ты сам?

— Я сам? — пробормотал солдат. — Что мне остается? Затащу эту падаля куда-нибудь в подворотню, чтобы мне не пришлось за него в тюрьму садиться, похороню сестру и отбуду в свою часть. В наше время человеку, имеющему сердце, можно жить только в окопах. А ты... молчи! И... убирайся!

Сутулый фронтовик опять оскалил зубы, словно крупный, злой хищник, и доктор Кубелик безропотно покорился его воле. Лестница скрипела... было очень темно... легкий ветерок дунул ему в лицо, просвистел мимо ушей. Туман опять начал сгущаться, и редкие капельки дождя застучали по шинели.

Когда доктор Кубелик, наконец, огляделся по сторонам, он с удивлением обнаружил, что уже успел дойти до дома брата Хенрика. Крепко сжимая в руке холодную палку, он прислушивался к тихому шлепанию подошв по мокрой земле, к шуму моря, катившемуся за ним сквозь мрак, и по короткой тропинке направился к дому. «Так, так, он, видно, хотел и меня прикончить, чтобы избавиться от доносчика...» — подумал он вдруг и криво улыбнулся. Просунув палец в кольцо звонка, он резко дернул его вниз и сразу как-то по-детски подумал, что открывать ему сейчас наверняка выйдет не Господь Бог, похожий на сторожа мертвецкой Федьку, а горничная брата Хенрика — крестьянская девица с плотоядным ртом, в белой наколке.

Но когда тяжелая дверь медленно распахнулась, доктор Кубелик невольно отступил: неужели это все-таки сам Господь Бог появился вдруг из темноты и теперь глядит на него из-под густых кустистых бровей? Доктор Кубелик поморгал глазами, но видение не исчезало — да, на пороге стоял коренастый, низкорослый человек, похожий на Федьку из мертвецкой; он был в длинном, темном пальто, во рту, обрамленном клочковатой русой бородой, у него торчала короткая трубка, распространявшая отвратительный, едкий дым. И доктор Кубелик, вновь приближаясь к двери, спросил, разражаясь громким, нервным хохотом:

— Извините меня, пожалуйста, вы есть Господь Бог?

— Ка-ак? — гаркнул коренастый мужчина, склонив голову на бок.

— Извините меня, пожалуйста, вы и есть Господь Бог? — повторил доктор Кубелик.

Теперь стоящий в дерях узнал его, тоже засмеялся и сказал:

— Нет, дорогой дядя, я не господь бог. Но зато я его покорный раб, священник Николай, если ты еще помнишь своего ничтожного родственника. Отец Николай, твой племянник.

— А-а! — кивнул доктор Кубелик.

Но священник Николай, продолжая ржать, спросил:

— Какого дьявола ты принял меня за господа бога? Хо-хо-хо! Я — и господь бог?! Хо-хо-хо! Как тебе вообще такая мысль в голову пришла, такая нелепейшая мысль, хо-хо-хо?

— Я бы хотел этого господина куда-нибудь послать, — ответил доктор Кубелик, постепенно становясь серьезным. — И когда я вдруг увидел тебя... столь похожего на него, то я... решил, что ты и есть он!

— Ты хотел куда-нибудь послать господа бога? Не болтай чепухи — ведь наш господь бог не какой-нибудь мальчик на побегушках, который послушался бы тебя или меня! — воскликнул отец Николай. — И куда же, силы небесные, куда ты собирался послать нашего всемогущего?

— Туда, где он мог бы оглядеться и хоть немного... набраться ума и опыта, — пробормотал доктор Кубелик.

И отец Николай, которому стало не по себе от таких речей, объяснил с преувеличенной деловитостью: — Я как раз был тут в коридоре, когда ты позвонил, вот и подошел, чтобы открыть дверь. Кстати — тебя ждут. Даже за стол из-за тебя сели с опозданием. Но в конце концов гостям стало невтерпёж, и они налегли на угощение. Так что проходи.

Доктор Кубелик снял шинель. Из-за нескольких дверей до него доносился невнятный разговор, смех, звон бокалов. Запах крепких сигар и папирос проник ему в нос, вызывая тошноту, — он казался мучи-

тельно ненужным. Все вешалки были заполнены пальто, зимними шляпами, форменными фуражками с кокардой — эти последние словно насмехались над всеми остальными — они знали себе цену... И отец Николай, к которому снова вернулось благодушное настроение, по-свойски похлопал своего дядю по плечу и воскликнул весело, переходя, разумеется, на русский язык:

— Хорошо, что ты пришел, сын мой, очень хорошо! Ведь и мне, бедному маленькому священнику хочется выпить с кем-нибудь рюмку-другую, а сейчас это оч-чень трудно, потому что... мои братья, ну, я им по бедро, не могу же я им навязываться, хо-хо-хо! А остальные, только губы смачивают, не понимают толка в этой божьей благодати, пить которую отнюдь не грех — ведь превратил же наш милосердный Иисус Христос воду в вино на брачном пиру в Каане, и разве не в вине искал радости и утешения наш благочестивый предок Ной... хо-хо-хо! Так что я действую сегодня согласно старой семинаристской шутке, которую ты, очевидно, уже давно слышал: ставлю перед собой бутылку, ударяю рюмкой по ее крутому боку и восклицаю: «Будь здоров, батюшка!.. Да будет благословен дом твой и твой очаг, твои рабы и слуги!» — Я надеюсь, дядя, голубчик, что ты все же снизойдешь до меня и чокнешься со мной, с простым и ничтожным рабом божьим, к тому же напомнившим тебе нашего возлюбленного господина, с которым ты, наконец, как будто поладил! — И с этими словами отец Николай подмигнул дяде своими крошечными водянисто-голубыми, добрыми, но лукавыми глазками, словно давая понять, что к его словам все же не следует относиться с полной серьезностью.

— Разумеется, всеильный Иегова, почему же мне с тобой не чокнуться! — сказал доктор Кубелик, снова впадая в какое-то нервно веселое настроение.

— Благодарю тебя, благодарю тебя от всего сердца! — воскликнул отец Николай, потирая руки и продолжая подмигивать.

Так, шутливо беседуя и разыгрывая взаимное уважение, они вошли в зал. Большая комната оказалась

пустой — здесь реяли лишь густые клубы дыма. А когда через минуту они появились в столовой, их встретили там веселыми возгласами:

— Ого, канальство... наконец-то наш доктор изволил пожаловать!

— Неужто ты, старый плут, раньше не мог прийти?..

— За этим барином в следующий раз, видно, надо будет карету послать, запряженную парой лошадей, ха-ха-ха!

Громче всех, как обычно, орал мызный арендатор Мартин — его голос перекрывал все остальные и гудел как гигантская труба:

— Садись, садись, нечистый дух! Минуточку... да садись же, *черт поberi!* Ах, верно — сперва скажи здравствуйте и добро пожаловать моим сыновьям, хо-хо-хо! Полковнику Скобелеву, в первую очередь, затем капитану Кубеляеву, а... затем... и священнику Кубелику, отцу Николаю, тому, что мостит для нас дорогу на небеса, хо-хо-хо! Сперва высшим, потом низшим... понимаешь?.. Согласно богом установленному порядку и обычаю, понимаешь? Ну так, а теперь садись и угощайся! Кто вы, живущие тут, в городе, среди камней? Крысы голодные, вот вы кто! Тощие коровы из библейского фараонова сна — вот кто! У меня и у моих сыновей есть мыза! Правда, пока мы ее только арендуем, но скоро выплатим за нее все до последнего гроша! Мы — помещики! И мои сыновья, вдобавок, еще и офицеры, а один из них — священник, и я сам тоже давно уже православной веры! Не сердись, Ганс Мартыныч, на то, что твой старый брат Мартын Мартыныч сейчас говорит, не обижайся и не злись, правда остается правдой, а шутка шуткой. Ну, опускай же свою мудрейшую половину на стул, обезьяна ты старая, костоправ ты этакий, змея очковая, хо-хо-хо! И — валяй! Во славу мою и моих отважных сыновей, да так, чтобы только пар от тебя валил, хо-хо-хо! — И схватив брата за узкие, костлявые плечи, он всей своей бычьей тяжестью придавил его к стулу; широкое, красное лицо мызного арендатора выражало упоение счастьем, которое словно большой кистью было вмазано между каждой его морщиной.

Доктор Кубелик сразу же встал, улыбнулся, поздоровался со всеми за руку и огляделся. Лица гостей расплывались в его глазах в невыразительные пятна, и он не представлял себе, чьи пальцы пожимает. Всклокоченная рыжеватая борода и такие же всклокоченные длинные волосы отца Николая были словно облиты электрическим светом; он проводил дядю-врача к свободному месту, и это свободное место, по счастью, оказалось рядом с местом самого отца Николая, на довольно большом расстоянии от шумного мызного арендатора.

Доктор Кубелик некоторое время сидел, раскачиваясь на стуле, затем положил себе на тарелку кусок вареной ветчины, жирный лоск которой напомнил ему жирные волосы отца Николая, и сразу же принялся за еду. Но вдруг испуганно вздрогнул и быстро поднял голову, услышав слова, произнесенные незнакомым и очень далеким голосом:

— Добрый вечер, дражайший родственник! Меня вы, как видно, не заметили...

То был учитель музыки Керих.

Доктор Кубелик ответил ему довольно сухо:

— Добрый вечер!

Отец Николай уже поднял рюмку и воскликнул:

— Твое здоровье, дорогой дядя! Глотнем по капле этого вкуснейшего дара божьего! — И разом опрокинув рюмку прямо себе в рыжую бороду, он тщательно вытер рот салфеткой и продолжал: — Ты слышал, что сказал обо мне мой собственный отец? Я не Скобелев и не Кубеляев, а, как и ты, — Кубелик. Даже здороваться со мной надлежит... в последнюю очередь! Ч-черт побери, не следует ли мне по этому случаю залиться горькими слезами и, чтобы развеять тоску-печаль, опрокинуть чарки две водки?

— Конечно, следует, всесильный Иегова! — сказал доктор Кубелик монотонно.

— Всесильный Иегова... хо-хо-хо! — заржал рыжебородый племянник.

Мало-помалу доктор Кубелик пришел в себя и еще раз осмотрелся. Стол, за которым он сидел, был очень длинный и заполнял собой почти всю просторную комнату. Здесь собралось по крайней мере человек двадцать мужчин и женщин, все старые знако-

мые. Два приезжих гостя, в честь которых был устроен этот ужин, сидели рядом с самим Хенриком (полковник Скобелев — справа, капитан Кубеляев — слева); затем шел Мартин, этот герой дня, (рядом с полковником Скобелевым); затем полковник Квадратов; затем прочие родственники; затем прочие званые и незваные гости. Среди гостей понуро сидела и несчастная заблудшая жена коммерсанта Юстуса Эмилия, хотя ей следовало бы сейчас находиться не здесь, а подле своего больного мужа или погибшего страшной смертью сына. У полковника Скобелева лицо было приветливое, но немного высокомерное; капитан Максим Мартыныч Кубеляев непрерывно болтал, поворачиваясь то налево, то направо; мызный арендатор (будущий помещик) Мартын Мартыныч держал вилку торчком и размахивал ею, точно каким-то оружием ближнего боя. Затем всех этих многочисленных гостей опять словно заволокло мутной пеленой тумана, и когда доктор Кубелик, все еще напрягая зрение, огляделся, отец Николай снова поднял рюмку, постучал ее ножкой по столу и сказал:

— За твоё здоровье, милый дядя, золотое сердце... голубчик! Выпьем ещё одну каплю этого вкуснейшего дара божьего!

— Выпьем, всемогущий, выпьем, выпьем! — согласился доктор Кубелик.

— Всемогущий! Хо-хо-хо! — заржал отец Николай.

Учитель музыки Керих удивленно поднял голову и спросил:

— Извините, доктор, как вы его назвали?

— Представь себе, мой милый лютеранский брат, он ещё в дверях спутал меня с господом богом, — объяснил отец Николай.

— Что, что? Как... ка-ак? — пробормотал учитель музыки Керих, широко открывая свои красноватые рыбы глаза.

— Хо-хо-хо! — опять засмеялся отец Николай, точно вольнодумствующий пьяный семинарист.

— Значит, вы все ещё не взяли за ум, господин доктор? — с негодованием воскликнул учитель музыки Керих, весь красный от возмущения и, ста-

раясь взглянуть доктору Кубелику в глаза, продолжал: — Даже в наши дни, когда вы, казалось бы, должны на каждом шагу убеждаться, вы, сдается мне, не взялись за ум!

— Вы, музыкус, помолчите, пожалуйста, — сказал доктор Кубелик как-то рассеянно. И после небольшого раздумья добавил, медленно поворачиваясь на стуле: — Да, помолчите, господин музыкус, пожалуйста. Или я... или я... возьму вот эту бутылку и... трахну вас по голове... Прямо по голове... По макушке!.. И тогда вы... замолчите... на веки вечные... понимаете... господин музыкус?

— Твое здоровье, дядя! — воскликнул отец Николай.

— Твое здоровье, почтенный, творец и властелин всего сущего! — сказал доктор Кубелик и снова опорожнил рюмку.

— Да-да, выпьем еще одну каплю этой вкуснейшей небесной благодати! — воскликнул отец Николай с небольшим опозданием, тоже опорожнил свою рюмку и словно высунул вдруг из всклокоченной бороды свои толстые красные губы.

Учитель музыки, глубоко оскорбленный, скривил губы, схватил свою тарелку, и пересел на другое место, как можно дальше от доктора Кубелика.

— Счастливого пути и да благословит господь его уход и да проклянет до седьмого колена его возможное возвращение, я тоже не уважаю этого человека! — заявил отец Николай, осенил удаляющегося благочестивого музыканта широким крестом и снова налил водки.

А вокруг все шумели, шумели, шумели. Фразы пролетали сквозь облака дыма и оставшие слова прыгали за ними вдогонку. Доктор Кубелик прекрасно понимал, что веселье большинства гостей лишь видимое, что под ним дремлет и копошится нечто совсем другое... пестрая с зигзагом на спине гадюка, одна из тех, каких он недавно видел во сне. Он смотрел на улыбающееся лицо госпожи Эмилии и думал об умершем страшной смертью Пауле; он смотрел на слащаво любезную госпожу Розалию и думал об Айми-Ли, бедной девушке, которая, небось, и сейчас сидит в какой-нибудь комнатухе кли-

ники — одна со своей болью. Он переводил взгляд с одного веселящегося гостя на другого, и ему хотелось крикнуть им: «Да замолчите же, перестаньте шуметь, слушайте внимательно... Падите ниц и плачьте... открыто, без кривлянья!» — «Ваши раны зудят, я знаю, так почешите же эти раны!» — думал он. В отчаянии зажмурившись, он снова увидел лежавшую на кровати покойницу: ее заострившийся бледный нос, чуть приоткрытый правый глаз, разомкнувшиеся губы. И убитый юноша на полу: застывший в земном поклоне труп, страшный в своей позе. И мечущаяся нагишом по чужой комнате невестка — ее поднятые руки запутались в платье, дряблые, жирные колени плотно сжаты, как у праматери Евы. Не в силах больше сдерживаться, доктор Кубелик беспомощно всхлипнул и сказал сидящему рядом священнику, у которого толстые красные губы все еще торчали из бороды:

— О господь... о всесильный Иегова... а сам-то ты понимаешь, во что ты нас превратил? Нас, которые уже почти два тысячелетия возносят к тебе молитвы, и которых ты, якобы, создал по образу и подобию своему?! В грабителей и головорезов превратил ты нас, господи... о всесильный Иегова! И сам ты сознаешь это, понимаешь и видишь... о безжалостный! А если ты это понимаешь, сознаешь и видишь, то чего ради, черт бы тебя побрал, ты так тянешь? Ты видишь, как мы, убогие, страдаем, как мы, неразумные, барахтаемся вот уже больше года, так кончай же, ну! Господи... кон-чай!

Отец Николай, пытаясь отделаться шуткой, сверкнул глазами и ответил:

— Небось, кончу, когда время придет, сейчас еще не могу! Хо-хо-хо!

— Кон-чай! — всхлипнул доктор Кубелик.

Отец Николай продолжал шутить. Он стукнул кулаком по столу и сказал:

— Да нет же... не могу еще! Будь молодцом и не канючь, на, хлебни-ка лучше водки! Выпьем еще по капле доброго дара небесного, дорогой дядя!

Доктор Кубелик молчал, то и дело вытирая пот и продолжая раскачиваться взад-вперед, взад-вперед... Дым плыл по комнате. Дым плыл по комнате,

плыл над головой, проникал в сердце, вызывал тошноту. Дым плыл... плыл... над столом, надо всем в комнате... проникал в сердце... Двадцать человек говорили и смеялись, и эти речи и смех были точно плеск воды, а дым все плыл и плыл... а дым плыл... плыл и плыл! Люди перебрасывались словами: «Милостивая сударыня; нет; нас было трое; прошу... очень; так, так — куриные котлеты; благодарю вас; сидели в убежище; дурак всегда дурак!»

— «Не бросайтесь так!» — думал доктор Кубелик. — «Не бросайтесь!» — думал он. Но слова перелетали как упругие мячики, и эти мячики задевали его своей бессмысленностью, и эта бессмысленность рождала в душе непрекращающуюся боль, которая терзала его, все терзала и терзала. — «Не бросайтесь, прошу вас, не бросайтесь!» — пробормотал он с мукой.

Вдруг он открыл глаза и сразу же вернулся к своим недавним размышлениям. И, продолжая всхлипывать, сказал, как бы себе самому, словно находился вдали от других, в пустом пространстве, где не надо ни с кем считаться:

— Все рушится, все гниет, все разваливается, все смердит и скоро превратится в огромную кучу отбросов... все, ради чего человек так утруждал и напрягал свой мозг. Что взойдет когда-нибудь на этой гигантской куче отбросов, скажи мне, всемогущий Иегова? Будут ли то ростки мудрости, которая учтет прежний нелегкий опыт, или же яд, который мы с тобой сейчас сеем, породит еще более убийственный яд? И как ты сам будешь справляться с этим миром, превратившимся в огромную кучу отбросов, ты, именующий себя всемогущим? Что ты станешь делать с теми, кто возвратится когда-нибудь из этой геенны огненной? Что ты станешь делать с теми, кто живет сейчас одной лишь надеждой и кто вернется когда-нибудь домой с веселыми песнями, и найдет там одни лишь развалины? Что ты станешь делать с теми, кто покинет свои окопы, изголодавшись по нежности и ласке и кого встретят дома с ненавистью и презрением? «Не мешай нам, убирайся, разве ты не видишь, что мы устроились и без тебя, несчастный?» Что ты станешь делать с вдовами, и что ты

станешь делать с сиротами, и что ты станешь делать с безногими, и что ты станешь делать с безрукими, и что ты станешь делать с обманутыми, и что ты станешь делать с обманщиками? Что ты станешь делать с детьми, которые лишились не только отца, но и матери? И что ты станешь делать с малютками, которые в этой тлетворной атмосфере вырастут несчастными, с истерзанной душой, зараженные уже во чреве матери? Да, господи, подумай как следует, что ты станешь делать со всеми теми, кого я тут называл, а также с теми, кого я не называл. И когда ты как следует подумаешь, тогда скажи мне, пожалуйста, не находишь ли ты, что в своем неистовстве ты давно уже перешел всякие границы и что завтра или послезавтра, может статься, ты уже не в силах будешь нас усмирить?! — И толкнув отца Николая в бок, он закончил: — Хватит, господи! Хватит этих ужасов, говорят тебе!

Рыжебородый племянник между тем начал к нему внимательно прислушиваться; казалось, он медленно трезвел, становился все серьезнее. Было заметно, что он чувствует себя как-то неуверенно, неловко, словно он и впрямь был тем, кем старый врач его величал, и словно он и впрямь должен был ответить на все эти обвинения, как-то оправдаться. А так как он не знал, что отвечать, то еще раз попробовал отделаться шуткой, усмехнулся и сказал:

— Силы небесные, достопочтенный доктор, и что это ты ко мне придираешься! Я же сказал тебе, что... не могу еще кончить! Не могу, не могу! Выпьем лучше за твоё здоровье!

Молчание. Доктор Кубелик провел рукой по лбу, поставил рюмку обратно на стол, опрокинул ее, стал с громким стуком передвигать тарелки. И сразу же, оставив тарелки, продолжал, растягивая слова, как будто разговаривал с самим собой:

— Чепуха, господи, я ведь знаю, что ты не подашь о себе знака... даже сегодня! Тебе молиться — все равно что поклоняться груде камней. Или все равно что выйти в чистое поле и кричать буре: «Эй, остановись, не разрушай!» И все же — когда-то я собирался посвятить тебе всю свою жизнь и весь свой разум, тебе, чудовище, которое можно лишь ненави-

деть! Я был дураком — я верил в твое могущество и в твою доброту! Но ни того, ни другого нет у тебя — во всяком случае доброты нет. Я представлял тебя благодетелем, который ходит среди страждущих, гладит по голове умирающих и утешает скорбящих. Я думал, что ты снимаешь боль, что ты облегчаешь страдания... Чепуха! Пусть все человечество извивается пред тобой во прахе, захлебывается в собственной крови, ты и бровью не поведешь, чтобы вызволить его из беды! Когда мне впервые понадобилась твоя помощь, как... я... тебя... тогда просил! Черные скалы пролили бы слезы и побелели бы как снег при виде моего отчаяния, холодная сталь, слыша мои горестные вопли, потеплела бы и стала мягкой. А ты... молчал! Молчал как всегда! Молчал как и сейчас, когда миллионы и миллионы простирают к тебе руки. «Господи... если ты действительно существуешь... во всем своем могуществе и во всем милосердии своем... почему же ты нам не поможешь?»

Доктор Кубелик умолк, глядя в пустоту. Лицо его стало подергиваться; веки дрожали, уголки губ прыгали, скулы словно застыли. Он сильно сгорбился, скрестил руки на коленях и замер — угловатый, точно каменное изваяние. И лишь после долгого молчания, он собрался с силами и продолжал:

— Между тем я ничего не просил и не требовал для себя, слышишь ты... именующий себя всемогущим! Если я тебя призывал и корил, то лишь ради тех, кто в тебе действительно нуждался! Но ты не слышал! И очевидно никогда не услышишь. Ни меня, ни тех, кто надеется на твою помощь и сострадание. Ладно, продолжай спать... доброго тебе сна... а мы попытаемся впредь обходиться собственными силами... Доброго тебе сна, господи, доброго сна!

И воздев к потолку руку, доктор Кубелик помахал ею — неторопливо, широко, словно разгоняя дым, который сгустился уже в одно сплошное, затянувшее всю комнату облако.

Отец Николай облокотился о край стола и рассеянно вертел недопитую бутылку. Он взял себя в руки, подавил начавшееся опьянение и, как видно, не пропустил ни единого слова из дядиной речи.

Перебирая пальцами левой руки свою рыжеватую бороду, он, наконец, медленно кивнул и пробормотал:

— Черт побери, страшные слова ты сейчас говоришь. Но то, как ты их обосновываешь, заставляет задуматься. Видишь ли, дядя, мне кажется, что...

Доктор Кубелик вдруг беззвучно засмеялся, огляделся вокруг и словно проснулся. Рука, которой он размахивал, застыла в воздухе, потом соскользнула под стол, улеглась на коленях. Ему снова вспомнились два трупа, рослый фронтовик, Айми-Ли, даже Антон. Да, он вспомнил их на какое-то мгновение и сразу же постарался забыть. Все вокруг него словно тихо заколыхалось, комната повисла над глубокой пропастью, а находившиеся в этой комнате люди пили, жадно поглощали пищу, веселились, шумели, кричали. Эти люди не замечали, что комната, в которой они находятся, в которой болтают и жрут, висит над пропастью и раскачивается взад-вперед. Эй, черт побери, неужели вы и впрямь не видите, что комната, в которой вы сидите, висит над глубокой пропастью и раскачивается взад-вперед, взад-вперед... Эй вы, подполковник Кубеляев (по прозвищу Скобелев)! — подумал доктор Кубелик. — И вы, капитан Максим Мартыныч! — подумал доктор Кубелик. — И вы, госпожа Эмилия, и вы, милостивая сударыня Розалия! — подумал доктор Кубелик. Порывы бури, налетая откуда-то из глубин тишины, сотрясали ставни на окнах и озорно раскачивали распахнувшуюся калитку. И отец Николай, пристально взглянув на доктора Кубелика из-под насупленных бровей и продолжая копошиться в своей рыжей, не очень опрятной бороде, сказал тихо:

— Забавно, что до сих пор я никогда не слышал о подобных сомнениях... я имею в виду — ни от кого другого. Очень странно, черт побери!

— Видишь ли, Господи... — начал доктор Кубелик.

Но отец Николай вдруг рассердился и прервал его:

— Оставь, оставь! Перестань кривляться... с этим господом! Ты ведь отлично знаешь, кто я... Пожалуйста, дядя, брось дурака валять!

— Видишь ли, Господи, это в самом деле странно, что ты до сих пор не замечал, как ты нас сейчас варишь, как ты нас сейчас кипятишь. Весь мир сидит в огромном котле, этот котел кипит, и мир все меняется и меняется! Мы знаем, какими ты нас бросил в этот котел, но не знаем, какими мы из него когда-нибудь выйдем. Одно ясно — прежними мы не останемся! Это кипячение, которому мы сейчас подвергаемся, все в нас перемешает, и из этой мешанины вырастут новые формы и новое содержание — а ты знаешь, Господи, какие формы и какое содержание? Да, знаешь ли ты это, Господи?

— Дядя, ну что ты говоришь, это право же никуда не годится! — пробормотал отец Николай.

И доктор Кубелик опять засмеялся, вздохнул и сказал, словно торжествуя:

— Ну ладно, продолжай спать!

И он тотчас же встал, вышел из комнаты, надел в передней шинель и вышел на улицу.

Непогода разыгралась еще сильнее. Опять лил сильный дождь, и небо было почти черное, набухшее и бугристое, точно разлагающийся труп.

Вернувшись домой, доктор Кубелик сразу же прошел в кабинет чувствуя, как на него надвигается огромная, точно гора, усталость, и начал что-то чертить на листе бумаги, лежащем перед ним на столе — дерево с толстым стволом, с ветками, волочащимися по земле. Продолжая тихонько всхлипывать, он нарисовал жалких людишек, которые, опустив головы и сгорбившись, тащили на себе это дерево.

А в это время происходило следующее:

Где-то на фронтах, растянувшихся на сотни верст, гибли люди, захлебываясь в собственной крови, не зная, во имя чего и за что им приходится отдавать свою жизнь;

раненые в душных палатах метались в муках и стонали от боли — кто наяву, кто в бреду;

госпожа Эмилия покинула пирующих, прокралась вдоль заборов домой, забралась под одеяло и долго плакала в подушку;

коммерсант Юстус, который после недавно миновавшего кризиса не в силах был молчать ни минуты, говорил дремлющей возле кровати сиделке о своих

планах на будущее, смеялся, уставал, сбивался, начинал сначала и снова сбивался;

сестра милосердия Айми-Ли тихо сидела в темной комнате, обхватив руками колени и глядя большими, лихорадочно горящими глазами в пустоту, в которую превратилась теперь вся ее земная жизнь;

Антон, бедняга, на цыпочках спустился по лестнице, взял припрятанный среди облетевших кустов смородины узелок и исчез в темном октябрьском тумане.

Надвигалась ночь. И для всех, у кого исстрадалась душа и тело и кто не мог спать, эта ночь была очень тяжелой.

Эпилог

За несколько дней до рождества, в тихое и солнечное зимнее утро доктор Кубелик нанял у вокзала извозчика и подъехал к дому Юстуса. Велев извозчику подождать, он вошел в дом. Бедный старый коммерсант, все еще не оправившийся от постигших его несчастий, печально сидел у окна и, надев очки, читал маленькую книжицу религиозного содержания, которую ему недавно прислал учитель музыки Керих, его благочестивый шурин. Когда доктор Кубелик без стука вошел в комнату, старик, кряхтя, встал и сказал тихо:

— Хорошо, что ты пришел. Я сам хотел было тебя разыскать, потому что мне нужно услышать от тебя ответ на некоторые вопросы. Что бы там ни было, но я право же не в силах понять, как...

— Милый брат, — не мог бы ты забыть еще на некоторое время все эти вопросы и прожить без них? — спросил доктор Кубелик. Ты не в силах понять? Ну и что ж, какое это имеет значение. Такова уж сейчас наша жизнь, ничего не попишешь — есть люди, которые сочли бы тебя, в сравнении с собой, очень даже счастливым. Я, видишь ли, решил сегодня вытащить тебя из твоей темной и душной берлоги на свежий воздух. Сани стоят на улице, надевай-ка шубу и пошли! Ты как будто сейчас один дома?

— Да, Эмилия пошла помочь жене Хенрика, а сын и дочь в школе, — ответил Юстус.

— Ну и хорошо, давай-ка быстро одевайся! — не унимался доктор Кубелик.

Юстус как-то жалко улыбнулся. Его исхудавшее лицо перекосилось, покрылось бесчисленными морщинами и словно тихонько дрожало. За короткое

время он превратился в дряхлого старика — в нем уже ничего не осталось ни от благодушного коробейника давних лет, ни от любящего шутку толстого буржуа. Спина у него сторбилась, глаза как-то испуганно косили, некогда огромный живот словно растаял, отчего пиджак болтался на нем, а жилет бесформенно висел. Во всем его облике появилась какая-то неопрятность и неряшливость, что-то вызывавшее в тех, кто его близко знал, сочувствие, а в тех, кому он был чужой — легкое отвращение. Его белая как снег жидкая бороденка тряслась — всклокоченная, оттого что он ее рассеянно теребил, перекошенная, оттого, что он ее непрерывно поглаживал; в складки кожи под подбородком, казалось, густо набилась пыль. Руки у Юстуса в последнее время дрожали, и поэтому одежда его была постоянно закапана соусом. В волнении двигая своими широкими, квадратными челюстями, точно непрерывно что-то пережевывая, он смотрел мимо доктора Кубелика, потом вдруг покачал головой и сказал:

— Не обижайся, но — я не хочу.

— Чего, черт побери, чего ты не хочешь? — спросил младший брат.

— Ну, ехать с тобой не хочу, — ответил коммерсант Юстус.

Доктор Кубелик вдруг рассердился, нахмурился:

— Черт возьми, старина, тебя и впрямь следовало бы выпороть! — воскликнул он, крутя головой. — С тех пор как ты встал с постели, ты и за порог не выходил... я не говорю, конечно, о молитвенном доме. Но там воздух еще тяжелее, чем здесь. Подумай, наконец, о своих легких — день сегодня словно бальзамом пропитан, мороза каких-нибудь пять-шесть градусов, сугробы так и искрятся на солнце. Ну, ну, пошли, пошли! Покатаемся с полчаса и вернемся домой. Ну, братишка, не спорь, прошу тебя!

— Нет, не хочу! — сказал Юстус все так же тихо, но твердо.

— Ну хоть для моего удовольствия! — воскликнул доктор Кубелик. У меня есть сейчас минутка свободного времени, мне тоже хотелось бы хоть немного отвлечься от своих повседневных забот. Я сейчас прямо с комиссии. Осматривали сына Хенрика —

Аугуста. Он просит отправить его обратно на фронт. Мы наверняка признали бы его непригодным — ведь он теперь слегка прихрамывает... но Аугуст не захотел и слышать об этом. Кстати, он, кажется, намерен жениться. Ну, давай, собирайся, дорогой! — снова энергично воскликнул доктор Кубелик, торопя брата.

Коммерсант Юстус хотел было еще раз возразить брату, но передумал и, тяжело переваливаясь, прошел в соседнюю комнату. Доктор Кубелик проводил его взглядом, горько вздохнул. Кругом царила глубокая тишина, время от времени разрываемая глухими, напоминающими гром, орудийными раскатами — с батареей, где проводились учения. И ветер, изредка сильными толчками налетающий на стену дома, раскачивал ветви растущих вдоль забора кленов, сбивая с них льдинки и мелкий снег, который потом долго кружился в воздухе.

Господин Юстус вскоре вернулся и остановился в дверях, погруженный в глубокое раздумье. Доктор Кубелик встал, шагнул мимо брата.

Они прошли в переднюю и облачились в свои тяжелые меховые шубы, по-прежнему продолжая молчать, словно бы сердясь за что-то друг на друга. Служанка, проводив их, некоторое время наблюдала за ними в крошечное коридорное оконце; извозчик откинул полость, почтительно сорвал с головы шапку.

Из-за поднятого, расходившегося широкой воронкой каракулевого воротника видны были лишь тусклые глаза Юстуса; доктор Кубелик сел рядом с братом, похлопал его по колену и сказал:

— Видишь, старик, погода сегодня прямо как на заказ! Куда ни глянь — свет, свет, один только свет! Такой толстый снег скроет даже лужи крови на нашей дорогой старушке-земле. Только для начала будь осторожен: не дыши глубоко, пусть легкие привыкнут к свежему воздуху. Так. Эй, ты — за город поезжай! — крикнул он сидящему на козлах извозчику с заросшим затылком.

— В какую сторону, барин? — спросил, полуоборачиваясь, извозчик недовольным, сиплым голосом.

— В сторону Риги! — ответил доктор Кубелик и громче, чем следовало, засмеялся над своей шуткой.

Ехали молча. Лошадь бежала рысцой и забрасывала их комьями снега. Стены домов вдоль улицы искрились, покрытые иголочками инея — эти иголочки, казалось, время от времени перемещались, точно крошечные летающие блесточки. Дворники, согнувшись над своими метлами, чистили тротуары, на дровяном дворе солдаты учились орудовать штыком — привязанные к перекладинам, похожие на человеческие фигуры мешки с сеном, раскачивались, точно тела казненных; тени людей скользили мимо, скоплялись на перекрестках улиц, чтобы обменяться новостями. Вдруг откуда-то донесся веселый взрыв смеха — то уличные мальчишки, не обращая внимания на озабоченные лица взрослых, играли в свои беззаботные игры.

Сани мчались быстро, и через каких-нибудь четверть часа они оказались уже за городом. Потянулось прямое, широкое шоссе по обеим сторонам которого плотной стеной стояли деревья. Их шершавая кора источала целебный запах смолы, их пригнувшиеся к сугробам ветви пахли рождеством. Повсюду искрился чистый, белый снег, напоминавший что-то мягкое и упругое, и стая ворон беззвучно пролетела в ясном воздухе к далекой деревне, видневшейся за погребенными под снегом голыми полями.

Доктор Кубелик уселся поудобнее и сказал, наконец:

— Видишь ли, я давно уже хотел с тобой поговорить не только как брат с братом, но и как мужчина с женщиной. Неужели ты думаешь, что я не вижу, как ты мучаешься и изводишь себя. И я еще раз говорю тебе — не стоит, не стоит! Это верно: в последнее время тебе было нелегко. Но ты никогда не забывай, брат, — жизнь наша может быть счастливой, а может быть и очень даже несчастливой — ведь земной путь человека состоит из разных дней — и из хороших, и из плохих. Но и эти, плохие дни — жизнь! Да, Юстус, и это жизнь, когда ты сгибаешься под бременем своих страданий и утопаешь в слезах — мужественный человек, не проливший доселе ни слезинки! Поверь мне, брат, это тоже жизнь!

Лицо коммерсанта Юстуса начало подергиваться. Однако, с усилием овладев собой, он сказал:

Я знаю, я знаю, ну и какой толк в том, что я знаю. Какой толк в том, что я знаю даже — вся эта вереница несчастий ниспослана мне богом... в наказание! Я забыл его в гордыне своей, я стал кичиться своим богатством, и господь отвратил от меня свой лик и занес свой горящий перст над моей головой. Двух... сыновей... отнял он у меня! Пауль умер — я знаю хотя бы, где вы его похоронили. А что будет с Антоном? Что будет с Антоном?

— Будем надеяться, что с ним все обойдется, — сказал доктор Кубелик. — Ведь не всех же там убивают, иные возвращаются целыми и невредимыми. К тому же он еще не выходил за пределы казарменной площади, а война длится уже полтора года, должна же она, наконец, кончиться! Я узнал у Клары адрес Антона и написал ему, чтобы он постарался попасть в какую-нибудь школу прапорщиков. Там он проведет, по крайней мере, еще три месяца, а в наше время три месяца это в десять раз больше, чем в обычное — три года.

Юстус вдруг громко всхлипнул.

— И если бы я... если бы я... хотя бы знал, почему он убежал! Что я ему сделал? Скажи мне, дорогой брат, скажи... чем я его так страшно обидел или опозорил, что он не захотел больше оставаться дома и ушел в солдаты?

— Ничем! — твердо ответил доктор Кубелик.

— Но... но почему же он так поступил?

— Это время заставило его, нынешнее время с его тлетворным духом, — сказал доктор Кубелик, пожимая плечами, и сразу же продолжал: — Я знаю. Он говорил мне о своих намерениях, и я осудил их. Я был уверен, что он выбросит из головы все эти глупости, но он оказался упрямее, чем я предполагал.

— Нет, нет, Ханс, я знаю... он бежал от позора, который я навлек на него своей безбожной жизнью! — сказал Юстус.

— Чепуха, старик! — возразил доктор Кубелик, думая про себя, что сердце отца очень верно подсказывает Юстусу печальную трагедию Антона и что старик даже не пытается преуменьшить перед самим собой размеры своей вины.

Коммерсант Юстус пробормотал:

— И, кроме того, я слышал разговоры о какой-то драке... Но никто не хочет объяснить мне, из-за чего произошла эта драка. Хотя бы ты не скрывай, расскажи мне обо всем... откровенно... Ради бога... рас-ска-жи!

Доктор Кубелик стащил рукавицу и сжал своими твердыми, костлявыми пальцами запястье старшего брата. Пытаясь улыбнуться, он сказал:

— Ах ты хочешь услышать про эту драку? Да, что-то в этом роде действительно произошло, но на ход событий это ничуть не повлияло. Антон, правда, ссылался на эту драку, обосновывая свое намерение, но только он обманывал и других, и себя. Так что брось тревожиться, старик, и смотри в глаза своей судьбе как в прежнее время... как упорный, нестигаемый крестьянин. Хватит ворошить пепел и заниматься самобичеванием! В мире всякое случается, но в дни великих испытаний у человека нет более сильного помощника, более надежной поддержки, чем его собственный твердый дух. Но, как я уже сказал, — это тоже жизнь, которую надо прожить и которую мы не вправе от себя с легкостью отталкивать!

Господин Юстус снова всхлипнул, вздрогнув всем телом.

— Да... я не мог с ним... даже попрощаться! Как не мог бросить горсти песка на могилу Пауля... Да, да, я не мог с ним даже попрощаться, со своим дорогим сыночком, который предпочел отправиться на войну, только бы не жить дома той жизнью, которую я ему предлагал.

— Прошу тебя еще раз — не мучай себя понапрасну! — сказал доктор Кубелик. — Ведь попрощаться с ним не смог никто, кроме меня. Да, брат, я единственный попрощался с ним. Но об этом ты слышал уже много раз, так что повторять уже не стоит.

Однако коммерсант Юстус принялся умолять его с какой-то детской покорностью:

— Нет... расскажи мне... об этом, Ханс! Как... как это было? Они принесли тебе его письмо, и ты сразу побежал на вокзал, потому что узнал...

И доктор Кубелик стал рассказывать — тихо, как ребенку, которого хотят убаюкать:

— Да, я узнал, что часть, которую он указывал, должна была в тот же день выехать из города. Я услышал об этом совершенно случайно и сразу догадался, что и Антон в этом эшелоне... Твоя жена и дочь Хенрика Клара были со мной, и мы хотели пройти на перрон. Я был в мундире и меня пропустили, а их нет. Поезд должен был каждую минуту отойти, и поэтому мне некогда было торговаться с комендантом вокзала. Я попросил женщин подождать меня на улице, а сам помчался к вагонам. Я тут и там заглядывал в открытые двери вагонов, однако нигде его не обнаружил. Офицеры уже отдали команду отходить, и тогда мне не оставалось ничего другого, как крикнуть Антона. И я крикнул! И тогда вдруг услышал, что он мне отвечает: «Дядя! Дядя, я здесь!» — Кто-то велел ему замолчать, и остальные сразу сгрудились у двери, чтобы меня не подпустить. Тогда я позвал его еще раз... изо всех сил. Но я уже не мог больше бежать рядом с вагоном, потому что поезд прибавил ходу, и я лишь продолжал звать Антона; тогда его голова вдруг показалась из-за плеч спутников и он крикнул мне изо всей мочи: «Передай привет! Передай привет... отцу! И матери! Передай всем привет! — Ну тут я уже совсем не мог больше бежать и остановился. Ну вот... это все!

— Передай привет... отцу... — пробормотал коммерсант Юстус тихо, наверное уже в сотый раз.

— Да, передай привет отцу — так он сказал! Я слышал это так же ясно, как сейчас тебя, точно так же! — кивнул доктор Кубелик.

Коммерсант Юстус спросил спустя немного времени:

— И позднее ты... телеграфировал?

— Потом я телеграфировал, — подтвердил доктор Кубелик. — Я сообщил в место следующей стоянки поезда, что в эшелоне едет несовершеннолетний юноша, которого просят вернуться домой. Но они его не вернули. И больше я ничего не мог предпринять, чтобы вытащить его из этой каши.

— Да, я... я... знаю. Я... знаю... — пробормотал коммерсант Юстус и заплакал. Он всхлипывал

беспомощно и долго, но затем опять успокоился и постарался взять себя в руки. Вытирая рукавицей мокрую от слез щеку, он продолжал медленно: — Боже мой, как это меня сразило, когда я обо всем этом услышал! Точно... ножом в грудь! Пауль, бедняга, ведь он был молодец, эти звери безо всякой причины зарезали его... А потом Антон. Теперь... я прошу бога только о двух вещах — во-первых, чтобы он покарал убийц моего старшего сына, чтобы он навел полицию на их след... И, во-вторых, чтобы Антон благополучно вернулся домой. Это, брат, мои последние желания, больше я от жизни ничего не жду.

Доктор Кубелик молча отвернулся.

Вскоре они поехали обратно в город. За всю дорогу они не обмолвились уже ни единым словом и лишь смотрели на окружающие их белые сугробы. Изредка налетал ветерок, прорезая суровый зимний воздух, и верхушки деревьев задумчиво покачивались.

В ночь, последовавшую за этим днем, верный друг господина Юстуса, бедная старая такса Нээро, выползла из своей конуры, пересекла сверкающий в голубоватом лунном свете двор и, скуля, стала царапать дверь. Но так как никто ее не услышал, она растянулась на голых камнях крыльца, раскинула ноги и умолкла — навеки.

А перед рассветом подул очень сильный, пронизывающий северо-восточный ветер, к полудню он переменялся и стал дуть с севера и вскоре, разбушевавшись, обрушился на город сильнейшей бурей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая. Приятное утро	7
Глава вторая. «Замолчи!» — говорит Мартин	16
Глава третья. Люди на перроне	24
Глава четвертая. Клара плачет, Антон пожимает плечами	34
Глава пятая. Антон снова робеет	43
Глава шестая. Капитан Кубелик поправляется	52
Глава седьмая. За картами	61
Глава восьмая. Капитан Кубелик утешает	71
Глава девятая. Айми-Ли заливается слезами	80

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая. Кающаяся грешница	91
Глава вторая. «Письмо, милостивая барыня!»	102
Глава третья. «Не скули, пожалуйста!»	113
Глава четвертая. Мечты Агнес	122
Глава пятая. Фронтовик упрощает	133
Глава шестая. Капитана Кубелика навещают	140
Глава седьмая. Смятение	150

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая. Все ждут пробуждения героев	163
Глава вторая. Герои входят в столовую	172
Глава третья. Эмилия снова просит о помощи	182
Глава четвертая. Солдат угрожает вторично	191
Глава пятая. «Как вы их... убиваете?»	205
Глава шестая. История Айми-Ли	214
Глава седьмая. Мать падает на колени	222
Глава восьмая. Она пришла бы	233

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава первая. Брат искушает брата	243
Глава вторая. Антон произносит громкие слова	252
Глава третья. Двое мужчин спорят	258
Глава четвертая. Борьба со смертью	270
Глава пятая. Конец одной многострадальной жизни	279
Глава шестая. Сон про елку и змей	290
Глава седьмая. Октябрьский ветер продолжает дуть	298
Эпилог	315

Я к о б с о н Аугуст Михкелевич. ОКТЯБРЬСКИЙ ВЕТЕР. Роман. Книга вторая. Оформление Г. Голубицкого. Издательство «Ээсти раамат», Таллин, Пярнуское шоссе, 10. Редактор Э. Михайлова. Художественный редактор Л. Круусмаа. Технический редактор Л. Майдла. Корректоры Е. Бахверк и А. Зиниченко. Сдано в набор 29 IV 1972. Подписано к печати 28 XI 1972. Бумага: 54×84/16. Печатных листов 20,25 + 4 вклейки. Условно-печатных листов 17,2. Учетно-издательских листов 17,78. Тираж 30 000 экз. Заказ № 1181. Типография «Юхисэлу», Таллин, ул. Пикк, 40/42. Цена 64 коп.

64 коп.

А. ИОСАН
ОКРАБКИ
ИЛИ
ПЕЧАТ